

№

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

2010

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2010

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ •

АВГУСТ •

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Содержание

СТАТЬИ

<i>Степанов Ц.Й.</i> (София). Болгары и христианство до 864 года: историографический ракурс (1989–2009)	3
<i>Шимов Я.В.</i> (Прага). Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереализованная возможность?	11
<i>Павлович С.</i> (Нови-Сад). Синтаксис древнесербского родительного падежа с предложением у в свете теории семантических локализаций	21
<i>Вернер И.В.</i> (Москва). О языковой практике Максима Грека раннего периода <i>sub specie grammaticae</i>	30

СООБЩЕНИЯ

<i>Сафонов А.А.</i> (Москва). Документация доверия: списки заемщиков из Манастира 1607–1610 годов	40
<i>Антошин А.В.</i> (Екатеринбург). Научные связи А.В. Соловьева в эмиграции в 1950–1960-е годы (по материалам Русского архива Лидса)	49
<i>Даркович А.Л.</i> (Брест). Западнобелорусские земли в политике польского государства в 1919–1926 годах (на примере городского самоуправления белорусского Полесья)	55

ДИСКУССИЯ

<i>Лукин П.В., Стефанович П.С.</i> (Москва). Новый труд по истории древних славянских государств	67
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Гаркуша Л.М.</i> Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника	80
<i>Косик В.И.</i> Русское зарубежье в Болгарии: история и современность	82
<i>Полчанинов Р.</i> Русский Белград	84
<i>Чуркина И.В.</i> М.Ю. Досталь. Как феникс из пепла. Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы	87

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Валева Е.Л.</i> Конференция, посвященная двадцатой годовщине восточноевропейских революций 1989 года	92
<i>Семенова А.В.</i> Конференция «Одежда в славянской культуре»	94
<i>Созина Ю.А.</i> Международная научная конференция «Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев»	100
<i>Ржанникова О.А.</i> Совещание-семинар преподавателей болгарского языка, болгарской литературы и культуры на филологическом факультете МГУ	103
<i>Серапионова Е.П.</i> Российско-чешская комиссия историков и архивистов: очередное заседание в Москве	106

ЮБИЛЕИ

<i>Иванов Вяч. Вс.</i> О замечательном лингвисте Андрее Анатольевиче Зализняке (К юбилею ученого)	108
К юбилею Ирины Степановны Достян	111

НЕКРОЛОГИ

<i>Макаров Н.А., Носов Б.В.</i> Памяти Юлиуша Бардаха (1914–2010)	113
<i>Хорев В.А.</i> Памяти Базылия Бялокозовича (1932–2010)	114
<i>Стыкалин А.С.</i> Памяти Эмиля Нидерхаузера (1923–2010)	115
Публикации Института славяноведения РАН, 2005–2009	117

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),

**Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зак. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2010 г.

© Редколлегия журнала “Славяноведение”
(составитель), 2010 г.

БОЛГАРЫ И ХРИСТИАНСТВО ДО 864 ГОДА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ РАКУРС (1989–2009)

В последние двадцать лет проблема христианской проповеди среди болгар до официального крещения в середине 60-х годов IX в. занимала различных ученых и привела к появлению большого количества такой же разной по своей сути, подходу и выводам научной продукции. Попытка рассмотреть некоторые основные направления исследований поможет специалистам ориентироваться в научных дискуссиях по проблемам ранней болгарской истории и культуры. Краткий объем статьи, однако, накладывает и свои ограничения: вопросы христианской проповеди среди болгарских племен в районе сегодняшней Турции, т.е. болгар, расселившихся на территории бывшей Великой Армении с IV в. и позднее, остались за рамками статьи, так как они непосредственно не связаны с Дунайской Болгарией (о них см., например [1]).

Историографическое «прочтение» того или иного тезиса является, несомненно, важным для выявления взаимосвязей между разными «школами» и интерпретациями. Кроме того нельзя игнорировать и политическую конъюнктуру, учитывая закономерную тенденцию к переписыванию истории каждым поколением. Поэтому в этой статье ограничусь только работами авторов, работающих в официальных научных учреждениях.

Итак, каковы основные «точки напряжения» между болгарскими исследователями, работающими по вышеупомянутой проблеме. Первое очевидное расхождение наблюдается при выяснении вопроса о так называемом христианстве Кубрата и его рода Дуло. Если большинство авторов – осторожны (например, Г. Бакалов, Р. Рашев, Цв. Степанов и др.) и предпочитают говорить о некотором «личном/персональном» христианском исповедании у Кубрата, которое было не обязательным для его наследников-сыновей, то И. Венедиков уделяет немало внимания в своей книге «Праболгары и христианство» [2] (см. также [3. С. 35–41]) доказательству стабильных позиций христианства среди Кубратовых сыновей, пытавшихся после смерти отца установить связи с ромеями [2. С. 89, 91, 92] (ср. [3. С. 36–37]). Так что до конца правления рода Дуло, т.е. до 761 г. (*sic!*), по мнению Венедикова, византийское влияние оставалось значимым среди болгар, и, прежде

Степанов Цветелин Йорданов – канд. ист. наук, доцент Университета св. Климента Охридского (София)

всего, среди элиты [2. С. 94–95]. Довольно схожий тезис, хотя и более осторожно, развивает и Б. Димитров, указывая на принадлежность к христианской вере сыновей и «наследников (Кубрата. – *Ц.С.*) из династии Дуло – Аспаруха, Тервела, Корнесия (*sic*), Севара, правивших Болгарией до 759 г.» [4. С. 67; 5. С. 19]. Оба автора отмечают хорошо известную толерантность владетелей из степной Евразии к различным монотеистическим (или мировым) религиям¹, но доказать это в отношении болгар практически невозможно из-за скудости на сегодняшний день источниковой базы. Действительно, иногда историки прибегают к реконструкции событий прошлого, но в данном случае косвенные «свидетельства» могут служить лишь для спекулятивных построений.

Более достоверное предположение о вероисповедании рода Дуло высказано Г. Атанасовым [7], который, используя дедуктивный метод, предлагает признать датой крещения Тервела 705 г., так как ромей, согласно своим традициям, не могли назвать «кесарем» нехристианина². Здесь нужно подчеркнуть, что о христианизации болгар из рода Дуло обязательно бы упомянули ромейские составители исторических хроник (прежде всего Феофан Исповедник и патриарх Никифор), если бы она действительно произошла. Более того, Византия, с конца VII в. воевавшая с Арабским халифатом, не могла себе позволить проведение каких-либо масштабных акций по христианизации других народов. Подобная политика стала возможна лишь с середины IX в., благодаря и личному усердию патриарха Фотия, и изменению внешнеполитической стратегии ромеев (см. [9])³. Нет сведений и о миссионерах, действовавших в Дунайской Болгарии до IX в. по собственной инициативе, а не присланных из Византии. Хотя подобная деятельность зафиксирована на территории Крыма в VIII в. [10. С. 120–127], по мнению С.А. Иванова, «судя по археологическим данным, массовая христианизация варварского Крыма началась» только в IX в. [10. С. 142]. Следовательно, бегство в Византию того или иного болгарского аристократа или даже владетеля в VIII – начале IX ст., о чем существует достаточно сведений⁴, не могут быть приняты как доказательство, что в пределах Дунайской Болгарии в VIII в. существовало большое количество болгар-христиан.

Также нельзя делать вывод о христианизации болгар на основании сведений о восстановлении епископского центра в Дуросторуме/Дрыстыре/Дристре после 681 г., как это в последнее время пытаются делать Б. Димитров и Г. Атанасов. Совсем недавно археологи обнаружили в центре античного Дуросторума и раннесредневекового Дрыстыра (Силистра в Болгарии) не христианские церкви, а очередной языческий болгарский храм огня [4. С. 67; 5. С. 20; 12. С. 135–137; 13. С. 607–612], что недвусмысленно указывает на то, что Дрыстыр,

¹ Толерантность номадов – уже *топос* в научной литературе (см., например исследования П. Голдена, Т. Барфиллда, Т. Нунана [5; 6] и др.).

² Тервел принял крещение не в Константинополе в 705 г., а раньше и, видимо, по мнению Атанасова, в другом месте (ср. [3. С. 37–38; 8. С. 88]).

³ С.А. Иванов отмечает, что до начала IX в. нет никаких сведений об «инициативах имперской власти по христианизации племен», так как «произошел временный упадок той формы миссионерства, которая опиралась на дипломатию и вооруженную силу», но это открывало «большой простор для местной и личной инициативы». Иванов подчеркивает, что до начала IX в. «роль центральной власти в деле христианизации невелика» [10. С. 119–120].

⁴ Случай с болгарским ханом Телеригом в 770-х годах, наверное, является самым показательным. Патриций Феодот бежал из Болгарии, а потом был крещен ромеями. Личное послание к Феодоту видного византийского духовника не надо недооценивать: «Бог [...] тебя из нечестивого народа призвал к познанию Его правды [...] Ты был перенесен из тьмы в свет, совлек с себя ветхого человека со всеми [его] нелепыми и языческими помыслами и деяниями, ты облекся во Христа, став из язычника христианином [...] бежав от нечестия многобожного (*sic!*) болгарского идолослужения» [11. Р. 699].

наряду с Плиской, Преславом и Мадарой, где обнаружены пять других подобных храмов, был задуман болгарской элитой как оплот «болгарского духа», т. е. язычества. Не случайно Б. Николова также акцентирует внимание на отсутствии каких-либо документов о христианстве в Болгарии до IX в. [14. С. 184] (см. также [15. Р. 342])⁵. Поэтому довольно странно звучит утверждение Й. Николова, что в конце VIII в., «хотя Болгария продолжала быть языческой страной, патриархия в Константинополе посылала к болгарам миссионерские группы, которые распространяли евангельскую проповедь» [18. С. 218]. Тут хочется снова вспомнить утверждение С.А. Иванова, одного из лучших знатоков проблемы византийского миссионерства: «Нет вообще никаких сведений о целенаправленной миссионерской активности византийцев среди болгар» [10. С. 162]. Тогда возникает вопрос: на чем основываются утверждения о существовании целенаправленного византийского миссионерства в Болгарии ранее конца VIII в.?

Свидетельств, как уже говорилось выше, о подобных акциях со стороны светской или духовной власти в Константинополе по отношению к Дунайской Болгарии нет. Более того, крещение болгар в 60-е годы IX в. показалось «невероятным» патриарху Фотию, который это определил как ‘*paradoxos*’ [19. Р. 51]⁶, т. е. крещение Болгарии, очевидно, не было запланированной акцией ромеев [10. С. 164], но они воспользовались сложившейся ситуацией (см. об этом [9. Р. 72, 84]). Следовательно, и тезис о многочисленном болгарском населении, исповедующем христианство в Дунайской Болгарии до IX в., не подтверждается сведениями известных источников и не соответствует миссионерской политике Византии до середины IX в. Согласно Продолжателю Феофана, ромеи проводили планомерную и полную христианизацию «варварского» государства лишь при византийском императоре Василии I (867–886) и это государство – Дунайская Болгария хана/князя Бориса-Михаила (852–889) [10. С. 168]. Текст Продолжателя Феофана звучит так: «Точно также он (Василий I. – *Ц.С.*) отнесся к болгарскому племени. Этот народ, хотя и обратился раньше к благочестию и перешел к христианству, все же не был тверд в благе и был подобен листьям, которые шумят, тронутые даже слабым ветром. Но с помощью непрерывных императорских увещаний, торжественных приемов, а и с помощью великодушных даров и щедростью (Василий I. – *Ц.С.*) их заставил принять архиепископа и умножить количество епископов в своей стране. И вот через них и с помощью благочестивых монахов, которых он вызвал с гор и земных пещер и послал их туда (в Болгарию. – *Ц.С.*), этот народ бросил отцовские обычаи и поймался в сети Христа» [21. Р. 342].

Еще одна дискуссионная проблема в историографии, на которой хотелось бы остановиться, относится к религии, которую исповедовали болгары до 864 г. Со-

⁵ Николов фиксирует отсутствие каких-либо археологических свидетельств о наличии христианских памятников в Болгарии с конца VII до начала IX в. На отсутствие в рамках массового археологического материала артефактов, связанных с исповеданием христианства со стороны рядовых подданных болгарских хана-язычника до 865 г., внимание обращает и Л. Дончева-Петкова [16. С. 195–205]. Рашев указывает, что «к северу от горы Стара планина [...] нет никаких следов исповедания христианства в периоде между VII – середины IX вв.» [17. С. 308]. На этом фоне утверждения Б. Димитрова [5. С. 20], что уже в VIII в. действовали епископии Константинопольской патриархии в бывших провинциях Мизия, Фракия и Македония, и о том, что христианские церкви, построенные до 681 г., остались неразрушенными, очевидно требуют критического отношения. Ему возражает Николова, утверждая, что в VII в. епархияльная сеть в Мизии не существовала [14. С. 185].

⁶ Ср. значение *paradoxos* в старогреческом языке: ‘неожиданный, невероятный, чрезвычайный, забележительный, чудесный, чудный; странный, особенный, бессмысленный’ [20. С. 597].

гласно работам некоторых исследователей, болгары исповедовали и до принятия христианства в качестве государственной монотеистическую религию, что облегчило впоследствии принятие христианства. Некоторые авторы применительно к болгарам вводят термин «примитивные (!) монотеисты». Лишь часть представителей знати, по их мнению, была против христианизации, о чем свидетельствует восстание боилов в девяти комитатах, подавленное Борисом-Михаилом в 866 г. «чудесным способом», т.е. с помощью христианского Бога. В связи с этим верховное божество (пра)болгар до крещения, так называемый Тангра, называется единственным божеством (см., например [2. С. 234]). Против такой трактовки выступают как Г. Бакалов [22. С. 28], так и автор этих строк: в науке давно сложилось представление о трех монотеистических религиях – иудаизме, христианстве и исламе; а болгары в Юго-Восточной Европе до 864 г. не исповедовали ни одной из этих религий. Напротив, из «Ответов папы Николая на вопросы болгар» известно, что в середине IX в. в Дунайской Болгарии имелись «нечестивые» сарацинские книги, а также и некий иудей, который распространял, повидимому, свою (или же христианскую?) веру [23. Сар. 103–104]. На фоне *всех* источников, возникших до X в. – как западных, так и византийских, однозначно определявших болгар до 864 г. как язычников, несерьезно выглядит попытка «ревизировать» дохристианскую болгарскую религию и представить ее как особый вид монотеизма. В работе А. Стойнева, вышедшей в 1985 г., несмотря на попытку ввести термин «супрематеизм» (или «энотеизм»), чтобы вписать древнюю болгарскую языческую религию в принятую в мировой науке типологическую схему, тем не менее встречаются упоминания «процесса монотеизации» у (пра)болгар [24. С. 53–54]. Видимо, появление теории ранней монотеизации обусловлено ранее принятой схемой, согласно которой политическое противостояние болгар Византии должно было сопровождаться и религиозным, т.е. болгары должны были столкнуть монотеистического христианского Бога с таким же болгарским, а именно – Тангрой. Этот конструкт, однако, не подтверждается известными науке источниками. Нет аналогов и в родственных общностях в Европе, принявших христианство также из Византии. В Древнерусском государстве будущий креститель Руси Владимир создал в 980 г. новый языческий пантеон с одним верховным божеством – Перуном, сохранив при этом и несколько других (мужских и одно женское) божеств. Так что система русской языческой религии незадолго до крещения в 988 г. воспринимается именно как «супрематеизм» в уже упомянутой выше научной типологии. А ведь ситуация на Руси в 70-е годы X в. была весьма схожей – с учетом «религиозных» процессов – с ситуацией в Дунайской Болгарии в середине IX в. Вот почему утверждение И. Венедикова, что греческое *Theos* во время правления Омуртага (814–831) стало тождественным Тангре, звучит довольно странно: греческий термин «уже объединяет и христианского, и языческого бога. Он один и тот же» [2. С. 126–127, 164–165, 234]. В таком случае, спрашивается, что же подтолкнуло болгар к крещению в 60-е годы IX в.? Если оба бога на самом деле – одно и то же божество, то было бы логично ожидать, что ни византийцы, ни болгары не стали бы акцентировать внимание на этом различии. На самом деле в вышеупомянутом утверждении мы видим довольно часто встречающееся отождествление понятий *представление, образ и словесное кодирование* разных концептов, что нередко приводит к запутыванию читателя, а автора – и к противоречивым по своей сущности выводам.

В заключение необходимо обратить внимание на дискуссию в современной болгарской историографии по поводу гонений на христиан в Болгарии до 864 г., в частности в 814–836 гг. и их причинах. Б. Николова считает возможными как политические, так и психологические причины, причем автор утверждает, что

это «разнообразие» обусловлено наличием противоречивых свидетельств византийских источников. Она не без оснований предлагает «взглянуть на вещи глазами самих праболгар», а уж потом искать данные в византийских источниках [14. С. 185–187]. Из общепринятого положения о том, что «болгары как язычники проявляли толерантность к христианству, что характерно для политеистических религий в противовес агрессивности монотеистических», она делает вывод, что (пра)болгары «искали со своими соседями понятную для них форму связи, не разделяя при этом их веры». В обобщенном виде ее вывод выглядит следующим образом: среди болгарских язычников в IX в., на уровне управленческого класса (*sic!*), не было отрицательного отношения к христианству, либо какого-то идейного отторжения его самого, его символики или обычаев [14. С. 188–189]. Но весь комплекс известных источников, особенно с учетом данных антропологии, доказывают, что противостояние между болгарами и ромеями существовало, так как оно было условием для создания *собственной* идентичности в древности (по формуле «мы, болгары» – «они, христиане», т.е. поиски *другого*, главным образом в виде врага, дабы проявилась *болгарская* идентичность, «болгарское» Я). Можно задать вопрос, как бы формировалась идентичность такого могущественного государства, каким была Болгария в первые два десятилетия IX в., если бы у нее не было «зеркального образа» и/или контробраза? Так что вопрос о хорошем отношении к *другому* не стоит путать с вопросом об идейном противостоянии. В раннесредневековой истории существует немало примеров такого противостояния, например с манихейскими согдийскими купцами при дворе уйгуров в 785 г. (см. об этом [26; 27. С. 123–124]). Без преувеличения можно сказать, что это были расчеты элиты, руководствовавшейся в большей степени конъюнктурными соображениями, нежели принципами решения в подобных ситуациях чаще всего принимались *ad hoc*. Для решения проблемы отношения к *другому* было бы неплохо сравнить аналогичную ситуацию в подобных обществах и их отношение к империям, т.е. проследить не только общую типологию, но и специфические проявления в каждом конкретном случае.

Р. Рашев не считает, что болгарская элита в начале IX в. и в особенности после 814 г. преследовала христиан. Гонения, с его точки зрения, начались при наследниках Крума (Диценг/Дицевг?), а не при Омуртаге (814–831), так как последний начал политику примирения с ромеями, выражением которой стал заключенный в 815 г. мирный договор между двумя государствами. Отношение к христианам ухудшилось лишь во время правления Маламира (831–836) и его наследника Персиана (836–852), при этом внимание исследователей особенно акцентируется на мученичестве старшего сына Омуртага – Енравоты, убитого мечом по приказу собственного брата Маламира, – этот факт в сущности с самого начала являлся как бы обязательным элементом любой работы о проникновении христианства в Болгарию в первые десятилетия IX в. Р. Рашев считает, что до смерти Персиана в 852 г., несмотря на немногочисленные случаи преследования, «христианство набирало популярность и потенциал, хотя и недостаточные для распространения религии “снизу” (*sic*), на массовом уровне, посредством естественного усвоения его догм и обрядов» [3. С. 39]. Я оставляю в стороне это «снизу» в вышеупомянутой цитате, которое напоминает о терминологии марксизма-ленинизма и его объяснении причинно-следственных связей. Мне кажется, важнее акцентировать внимание на общей типологии, а именно, что во времена раннего Средневековья христианство, как правило, распространялось решением центральной власти, что хорошо известно на примерах из истории Европы, чтобы останавливаться на них поподробнее. Но давайте вернемся к Енравоте и христианству при болгарском «царском» дворе, что – наряду с данными из «Синаксаря» Константинопольской

церкви и эпизодом с византийцем Кинамом, описанным архиепископом Феофилактом Охридским много веков после крещения болгар, – лежит в основе утверждений о серьезном преследовании христиан в Болгарии в первой половине IX в. В начале 1990-х годов П. Георгиев предположил, что под фундаментом Большой базилики в Плиске, бывшей в IX в. столицей государства, еще до 865 г. («между 856 и 863 г.») этому болгарскому мученику был воздвигнут мавзолей [28. С. 110–130] (см. также [29. С. 79–91]. Против этой гипотезы, однако, выступили Р. Рашев, Я. Христов, С. Бояджиев и Т. Чобанов [3. С. 39–40; 30. С. 33–37; 31. С. 26; 32. С. 169–170; 33. С. 106–120]. Первый из них обращает внимание на тот факт, что здание-«мавзолей» состоит из тесаных квадратов, стоящих на круглых пилотах, что соответствует типу строительства по заказу центральной власти, и вряд ли хан-язычник стал бы распоряжаться о создании такого вида здания в самом сакральном центре его власти. Чобанов же считал, что это сооружение представляет собой фундамент языческого (пра)болгарского храма огня, над которым после крещения была построена самая представительная базилика новообращенных в христианскую веру болгар. Таким образом он согласился с предположением, высказанным С. Ваклиновым в книге «Формирование болгарской культуры в VI–XI вв.». С. Бояджиев же выдвинул другую гипотезу – здание это было «мавзолеем хана Тервеля».

Итак, в болгарской историографии до сих пор существуют различные подходы к определению времени распространения христианства в Болгарии: от первого десятилетия IX в., когда христиане в Болгарии стали настолько многочисленными, что вскоре христианство было принято в качестве официальной и обязательной религии в стране, до незначительного распространения христианства даже к середине IX в. Следует отметить, что и в новейших исследованиях редко используются новые методологические подходы (как например антропологические методы и компаративистика), особенно применительно к степным империям тюрков, хазар и уйгуров, которые в период раннего Средневековья сталкивались с такими же проблемами (взаимоотношение с империями Китая, сасанидского Ирана, арабов и Византии). Сравнительный анализ мог бы дать ценную информацию относительно менталитета «варваров», живущих прямо у границ оседлых цивилизаций на юге (о некоторых аспектах этой проблемы см. [27]). Сравнительно мало внимания уделяется и косвенным сведениям (ср. миссионерство Византии от Юстиниана Великого, Ираклия и до середины IX в.), хотя именно они в состоянии подсказать нам некоторые ответы при отсутствии конкретной информации в источниках. После 1989 г. прочно укоренился тезис, что болгары-язычники были толерантными к христианам, при условии, что последние не вмешивались во внутренние дела государства, не поднимались на бунт и не проповедовали против религии аристократической элиты и, прежде всего, самого владетеля. В конце концов, видимо, придется согласиться с Р. Рашевым [3. С. 35], что на протяжении последних двух десятилетий осуществляются попытки «переоценить, в известной степени, вопрос о роли христианской традиции в Болгарии до официального крещения». Притом, следуя научной корректности, надо учитывать отсутствие данных как об епископских центрах до 865 г. на территории земель, захваченных болгарскими ханами, так и о каком-либо запрете исповедовать христианскую веру со стороны болгарских владетелей-язычников [34. С. 29]. Если когда-нибудь будут найдены новые надежные источники, мы сможем узнать больше о христианстве в Болгарии в период с конца VII в. и до 864 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Стаматов А.* Tempora incognita на ранната българска история. София, 1997; *Добрев И.* Нови вести за прабългарите в панегиричната литература // Старобългарска литература. 1982. № 11.
2. *Венедиков И.* Прабългарите и християнството. Стара Загора, 1995.
3. *Рашев Р.* Българските ханове и християнството // Християнската култура в средновековна България. Материали от национална научна конференция, Шумен, 2–4 май 2007 година, по случай 1100 години от смъртта на св. княз Борис-Михаил (ок. 835–907 г.). Велико Търново, 2008.
4. *Димитров Б.* Ранна християнизация в България – VII – средата на IX век // История на българите: необходимост от нов подход. Преоценки. София, 1998. Ч. II.
5. *Димитров Б.* Българската християнска цивилизация и българските манастири. София, 2007.
6. *Noonan Th.* Why orthodoxy did not spread among the Bulgars of the Crimea during the early medieval era: an early Byzantine conversion model // Christianizing Peoples and Converting Individuals. Turnhout, 2000.
7. *Атанасов Г.* За кесарската промоция и владетелските инсигнии на хан Тервел // Епохи. 1994. № 3. С. 61–72; *Атанасов Г.* Инсигниите на средновековните български владетели. Корони, скиптри, сфери, оръжия, костюми, накити. Плевен, 1999; *Атанасов Г.* Тервел – хан на България и кесар на Византия. Силистра, 2004.
8. *Бакалов Г.* Средновековният български владетел (Титулатура и инсигнии). София, 1985.
9. *Simeonova L.* Diplomacy of the Letter and the Cross. Photios, Bulgaria and the Papacy, 860's–880's. Amsterdam, 1998.
10. *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
11. *Theodori Studitae.* Epistulae. Berlin; New York, 1992. [CFHB, XXXI, 2].
12. *Атанасов Г.* Християнският Дуросторум–Дръстър. Доростолската епархия през Късната античност и Средновековието, IV–XIV в. Варна, 2007.
13. *Колева Р., Кирилов Ч.* Спасително археологическо проучване на обект УПИ 1, кв. 69 НААР «Дуросторум–Дръстър–Силистра» // Археологически открития и разкопки през 2007 г. София, 2008.
14. *Николова Б.* Ранното християнство в България преди покръстването. Теории и реалност // 1100 години Велики Преслав. Шумен, 1995. Т. 1.
15. *Nikolov S.* The pagan Bulgars and Byzantine Christianity in the eighth and ninth centuries // Journal of Historical Sociology. 2000. Vol. 13. № 3.
16. *Дончева-Петкова Л.* Археологически сведения за християнството в България преди и непосредствено след покръстването // 1100 години Велики Преслав. Шумен, 1995. Т. 1.
17. *Рашев Р.* Българската езическа култура през VII–IX век. София, 2008.
18. *Николов Й.* Византийската цивилизация в ранното средновековие на княжество България // Международна конференция «Византийското културно наследство и Балканите», 6–8 септември 2001. Сборник доклади. Пловдив, (Б. г.).
19. *Photius.* Epistulae at Amphilochia. Leipzig, 1983. Vol. 1.
20. Старогръцко-български речник. София, 1943.
21. *Theophanes Continuatus.* Chronographia. Vonnac, 1838.
22. *Бакалов Г.* Християнски традиции по българските земи до покръстването // Преславска книжовна школа. София, 2001. Т. 5. Изследвания в чест на проф. д.и.н. Тотю Тотев.
23. *Responso Nicolai I* parae ad consulta *Bulgarorum* 1960 // Латински извори за българската история. София. Т. 2.
24. *Стойнев А.* Светогледът на прабългарите. София, 1985.
25. *Рашев Р.* Прабългарите и българското ханство на Дунав. София, 2001.
26. *Степанов Ц.* Власт и авторитет в ранносредновековна България (VII – средата на IX в.). София, 1999.
27. *Степанов Ц.* Българите и степната империя през ранното средновековие: Проблемът за Другите. София, 2005.
28. *Георгиев П.* Мартириумът в Плиска и началото на християнството в България. София, 1993.
29. *Георгиев П.* Мъченическият култ към Енравота: критицизъм, хиперкритицизъм и реалност // Годишник на Софийския Университет Св. Климент Охридски. Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». 91 (10). 2001. София, 2002.

30. *Христов Я.* Бяло поле в ранната българска агиография – Енравога, светец-мъченик или обезнаследен принц // *Минало*. 2007. № 1.
31. *Чобанов Т.* Наследството на Сасанидска Персия у българите на Долния Дунав. София, 2006.
32. *Ваклинов С.* Формиране на старобългарската култура VI–XI век. София, 1977.
33. *Бояджиев С.* Българската архитектура през VII–XIV в. София, 2008. Т. 1. Дохристиянска архитектура.
34. *Данчева-Василева А.* Сердика (Триадица, Средец) – епископски и митрополитски център IV–XII век // *Християнската култура в средновековна България. Материали от национална научна конференция, Шумен, 2–4 май 2007 година, по случай 1100 години от смъртта на св. княз Борис-Михаил (ок. 835–907 г.). Велико Търново, 2008.*

© 2010 г. Я.В. ШИМОВ

ПЛАНЫ ЭРЦГЕРЦОГА ФРАНЦА ФЕРДИНАНДА ПО ПРЕОБРАЗОВАНИЮ АВСТРО-ВЕНГРИИ: УТОПИЯ ИЛИ НЕРЕАЛИЗОВАННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ?

Есть исторические деятели с несчастливой судьбой, остающиеся в памяти потомков главным образом не благодаря своим прижизненным деяниям, а из-за обстоятельств смерти. К числу таких исторических «неудачников» можно причислить и эрцгерцога Франца Фердинанда д'Эсте (1863–1914), наследника престола австро-венгерской монархии Габсбургов, убитого сербским экстремистом Гаврилой Принципом в Сараево 28 июня 1914 г. О катастрофических последствиях этого убийства хорошо известно любому исторически грамотному человеку.

Между тем жизнь и деятельность Франца Фердинанда заслуживают внимания не менее пристального, чем хорошо исследованные обстоятельства его трагической гибели. Хотя эрцгерцогу не было суждено взойти на трон «двуединой» империи Габсбургов, он тщательно готовился к этому, вместе с кругом близких помощников и сотрудников разрабатывал планы широкомасштабных реформ, призванных кардинальным образом изменить структуру австро-венгерского государства, которую наследник трона считал устаревшей и не соответствующей требованиям времени, исторической ситуации начала XX в. Эти планы интересны не только как нереализованная альтернатива тому катастрофическому (для Австро-Венгрии и для всей Европы) развитию событий, которое последовало за сараевским убийством. Они также являются ценным историческим свидетельством, дающим представление о идеях и настроениях части австро-венгерской политической элиты в канун Первой мировой войны, позволяют взглянуть с иной, порой непривычной стороны на проблемы, стоявшие в тот период перед дунайской монархией, лучше оценить обстановку последних лет, предшествовавших войне 1914–1918 гг., первыми жертвами которой можно считать Франца Фердинанда д'Эсте и его супругу, погибшую вместе с ним.

Активной государственно-политической деятельностью Франц Фердинанд занимался лишь 14 последних лет своей жизни – с момента, когда в 1900 г. он добился от императора Франца Иосифа I согласия с его морганатическим браком с графиней Софией Хотек (впоследствии получившей титул княгини фон Гогенберг), торжественно отказавшись от прав наследования престола за будущих детей от этого брака. С этого времени статус эрцгерцога как второго лица в государстве официально никем не оспаривался, однако фактически ему приходилось вести активную борьбу с множеством противников. Реформаторские планы Франца Фердинанда сложно понять, не зная обстоятельств, при которых он стал наследником, а также некоторых событий его личной и общественной жизни. Вкратце остановимся на них.

Шимов Ярослав Владимирович – канд. ист. наук, обозреватель радио «Свобода» (Прага).

Франц Фердинанд был старшим сыном эрцгерцога Карла Людвига (1833–1896), брата императора Франца Иосифа I. Мать будущего наследника трона, Мария Аннунциата из рода неаполитанских Бурбонов, умерла, не дожив до 30 лет, от туберкулеза – болезнь, которую старший сын унаследовал от нее. Мальчику повезло с мачехой – третья жена его отца, Мария Тереза Португальская, была всего на восемь лет старше пасынка, и между ними сложились теплые дружеские отношения, сохранявшиеся до самой гибели Франца Фердинанда. Другим важным событием его детства стала смерть дальнего родственника, Франца V д'Эсте, герцога Моденского, завещавшего Францу Фердинанду огромное состояние – в обмен на обязательство принять имя «д'Эсте». Этот подарок судьбы сделал будущего наследника самым богатым членом императорского дома и дал ему определенную независимость от монарших благодетелей.

Молодость эрцгерцог провел на военной службе. Будучи неспособным к иностранным языкам, Франц Фердинанд и в буквальном, и в переносном смысле слова не нашел общего языка с демонстративно говорившими по-магьярски офицерами полка, которым ему довелось командовать в Венгрии. Тогда возникли предпосылки для глубокой неприязни, которую будущий наследник трона питал к венгерской военной и политической элите и к Венгрии как таковой. Он считал мажар надменными, ненадежными, склонными к мятежу и недостаточно преданными правящей династии. Эта неприязнь впоследствии отразилась и на политических планах эрцгерцога. Уже в 1895 г., после того, как в венгерской печати появилась нелестная для него статья, Франц Фердинанд писал своему дяде-императору: «Я знаю, что в Венгрии меня не любят и даже в каком-то смысле горжусь этим, поскольку не желаю уважения со стороны такого народа» (цит. по [1. S. 74]).

После самоубийства кронпринца Рудольфа в январе 1889 г. новым наследником габсбургского трона стал младший брат императора Карл Людвиг, но его преклонный возраст и относительная аполитичность заставляли предполагать, что действительным преемником Франца Иосифа I станет Франц Фердинанд. Однако император, глубоко переживавший гибель сына, не спешил публично признавать новый статус племянника, с которым у него были непростые отношения: сдержанного до холодности, но весьма вежливого и в принципе довольно мягкого по натуре Франца Иосифа не могла не раздражать вспыльчивая, упрямая, конфликтная натура молодого эрцгерцога. Вдобавок в середине 90-х годов XIX в. у Франца Фердинанда развился унаследованный от матери туберкулез, и в течение нескольких лет над ним висела угроза смерти. Буквально чудом эрцгерцогу удалось вылечиться, но болезнь сказалась на его характере. Как пишет его чешский биограф Ян Галандауэр, «Габсбурги всегда отличались подозрительностью, а Франц Фердинанд особенно. К этому необходимо добавить психические изменения, сопровождающие туберкулез. Один из специалистов, занимающихся влиянием туберкулеза на психику больных, называет возникающую у них подозрительность “туберкулезным психоневрозом с параноидальными элементами”» [2. S. 66]. Эрцгерцогу казалось, что все вокруг настроены против него и строят козни, чтобы помешать ему в будущем унаследовать престол. Так, он ревновал императора к своему младшему брату Отто, которому Франц Иосиф симпатизировал, несмотря на нелепые и иногда постыдные выходки беспутного племянника, которому суждено было умереть в 40 лет от последствий венерической болезни.

Наконец, история женитьбы Франца Фердинанда тоже не способствовала его популярности в глазах императора и двора – хотя несколько улучшила его имидж в глазах более широкой общественности. Роман с чешской графиней Софией Хотек, на которой он решил жениться, поставил Франца Фердинанда перед жестоким выбором: отказаться от любимой женщины или от прав на трон, поскольку

ку закон о престолонаследии, действовавший в габсбургской монархии, лишал членов императорского дома, заключивших морганатический (неравный) брак, прав на наследование короны. Со свойственным ему упорством Франц Фердинанд избрал третий путь: он уговорил императора сохранить за ним право наследования – как уже говорилось выше, в обмен на отказ от подобных прав для детей от брака с Софией Хотек¹. Недоброжелатели наследника отыгрались на его жене: София как «неравная родом» во время множества церемоний и мероприятий, согласно строгому этикету венского двора, не смела находиться рядом с мужем. Это обстоятельство тоже не улучшило отношений эрцгерцога с придворной элитой. Таким образом, к моменту, когда Франц Фердинанд формально и фактически стал вторым лицом в Австро-Венгрии, он был зрелым 36-летним человеком, который перенес ряд жизненных испытаний, закаливших, но при этом испортивших его характер, обладал немалым упорством и выработал привычку к преодолению препятствий любой ценой. Все это отразилось на действиях и политических планах наследника габсбургского трона в 1900–1914 гг.

В первую очередь Франц Фердинанд д'Эсте был военным. Эта профессия соответствовала и его характеру, и биографии, и мировоззрению. Он уделял много внимания австро-венгерской армии и флоту, часто выезжал на инспекции воинских частей, выступал в роли военного реформатора². Военная карьера Франца Фердинанда увенчалась его назначением генеральным инспектором вооруженных сил монархии 17 августа 1913 г. Старый император, по-прежнему во многом не доверявший племяннику, не возражал против его активности на военном поприще, вероятно, считая, что это отвлечет эрцгерцога от вмешательства в политические дела. Однако Франц Фердинанд рассматривал армию не только (и даже не столько) как силу, направленную против внешних врагов Австро-Венгрии, но и как политический инструмент. Как мы увидим, во внешней политике наследник трона придерживался весьма миролюбивых взглядов, а вот в политике внутренней считал вооруженные силы одним из столпов, поддерживающих единство Австро-Венгрии перед лицом многочисленных угроз. Вот что писал он еще в 1896 г.: «Противоречия в нашей монархии постоянно нарастают. В Венгрии мы идем навстречу революции, в этой части империи набирают силу сепаратистские националистические тенденции [...] Точно так же в низших слоях населения, особенно среди рабочих, находят себе почву социалистические подрывные идеи [...] В трудные времена кто и что удержит трон, династию? На этот вопрос есть один ответ – армия. Ее главной задачей является охрана [...] трона и подавление [...] внутренних врагов» (цит. по [2. S. 136]).

Франц Фердинанд был человеком ярко выраженных консервативных взглядов, набожным католиком, убежденным в том, что власть династии Габсбургов над народами Центральной Европы – благо, соответствующее замыслу Божественного Провидения. Однако полагаться лишь на Божью помощь эрцгерцог не собирался, его активной натуре были совсем не чужды реформаторские устремления.

¹ Их было трое – Максимилиан, Эрнст и София, все они носили титул князей фон Гогенберг (по матери) и официально не являлись членами императорского дома. Новым наследником трона после гибели Франца Фердинанда стал его племянник, эрцгерцог Карл Франц Иосиф (в 1916–1918 гг. под именем Карла I/IV – последний император Австрийский и король Венгерский). Сыновей Франца Фердинанда ждала нелегкая судьба: будучи активными противниками нацизма, после аншлуса Австрии они были арестованы и несколько лет провели в концлагере Дахау.

² Особенно ощутимы были плоды его деятельности применительно к небольшому флоту габсбургской монархии, который базировался на Адриатике. К началу Первой мировой войны флот – во многом стараниями Франца Фердинанда – заметно усилился и насчитывал четыре дредноута, восемь линейных кораблей (один из них был назван в честь эрцгерцога), семь тяжелых крейсеров, 55 торпедных катеров и шесть подлодок. Этот флот не мог составить конкуренцию британскому или немецкому, но был вполне достойным конкурентом главному противнику Австро-Венгрии на море – Италии.

Поначалу это был сугубо авторитарный, жесткий реформизм, если можно так выразиться, «реформизм на штыках» – недаром одной из главных опор монархии он считал вооруженные силы. По мере того, как наследник престола обзаводился кругом приближенных и сотрудников, среди которых были люди разного происхождения и мировоззрения, взгляды Франца Фердинанда на проблемы Австро-Венгрии и возможные способы их решения становились более уравновешенными, а его подходы к политическим проблемам – более компетентными и профессиональными. Эта эволюция фактически продолжалась до последних дней жизни эрцгерцога.

Став наследником престола, Франц Фердинанд получил в свое распоряжение построенный в стиле барокко замок Бельведер в Вене. Там разместилась и военная канцелярия эрцгерцога, которая постепенно превратилась из крохотного незначительного учреждения в своего рода параллельный центр власти, противостоявший Хофбургу – резиденции старого императора. Несмотря на трения между обоими Габсбургами, их многое объединяло – «безусловная вера в высокую историческую миссию династии и убеждение в исключительности положения государя, который находится в центре всего происходящего. Франц Фердинанд д'Эсте тоже принадлежал к “старой школе” и, подобно императору, всем образом своей жизни утверждал представления о [...] трудолюбивом “слуге государства”, который полностью осознает важность своей роли» [3. S. 257]. Тем не менее и представления наследника о будущем монархии, и методы, которыми он намеревался достичь своих целей, настолько отличались от взглядов и привычек Франца Иосифа I, что премьер-министр Австрии (точнее, западной части Австро-Венгрии) Эрнст Кёрбер как-то заметил: «У нас не только два парламента, но и два императора» [4. S. 98].

Главой военной канцелярии наследника престола стал майор (впоследствии полковник) Александр Брош фон Ааренау (1870–1914), один из очень немногих сотрудников эрцгерцога, которым удалось завязать с ним не только плодотворные рабочие, но и дружеские отношения. Чрезвычайно работоспособный и безупречно лояльный человек, Брош способствовал созданию разветвленной информационной сети, в центре которой находилась канцелярия Франца Фердинанда. Во многом благодаря его усилиям вокруг эрцгерцога сложилась группа военных и политических советников, которые представляли наследнику трона свои взгляды на реформирование монархии и способствовали выработке государственно-политической концепции Франца II – под этим именем Франц Фердинанд хотел вступить на престол. По отзыву одного из таких политиков, лидера трансильванских румын Александру Вайды-Воевода, «в характере Броша сочетались энергичность и склонность к самопожертвованию с хитростью и ловкостью; в трудные моменты он умел преодолевать препятствия с мягкой иронией» (цит. по [5. S. 136]). Судьба А. Броша фон Ааренау сложилась трагически. Летом 1914 г., потрясенный до глубины души гибелью Франца Фердинанда и крахом всех многолетних планов, которые он помогал наследнику разрабатывать, полковник впал в глубокую депрессию. В августе, сразу после начала войны, Брош добился отправки на фронт в Галицию, где очень скоро погиб в бою.

Военная канцелярия эрцгерцога уделяла внимание не только военным, но и политическим проблемам. Главной из последних Франц Фердинанд, считал вопрос внутреннего устройства габсбургской монархии. Дуалистическая модель, возникшая в 1867 г. в результате вынужденного компромисса между Францем Иосифом I и венгерской политической элитой, представлялась наследнику старого императора крайне неудачным решением. В этом вопросе его возникшая еще в молодости неприязнь к венграм, зачастую носившая иррациональный характер, сочеталась со вполне реалистической оценкой ситуации в стране. Аристократическая элита Венгерского королевства, составлявшего восточную (территориаль-

но более крупную) часть государства Габсбургов, пользовалась привилегиями, с которыми монарх в трудной ситуации 1867 г.³ вынужден был согласиться, и вела дело к все большей самостоятельности Венгрии, добываясь от императора-короля все новых уступок (в очередной раз – во время политического кризиса 1906 г., что вызвало ярость и возмущение Франца Фердинанда). В рамках самого Венгерского королевства консервативная элита проводила централизаторскую и националистическую политику, зачастую противоречившую интересам династии. Как отмечает Я. Галандауэр, «Франц Фердинанд ненавидел этих “оппозиционных графов” [...] Откровенные *кошутовцы*, т.е. сторонники венгерской независимости, не казались ему столь опасными, как те, кто стоял на платформе дуализма [...] Император, несомненно, желал сохранить единство страны, армии, внешней политики, но был склонен в тех или иных вопросах уступать венгерскому давлению. Он был стар, хотел покоя, да и в конце концов дуалистическое решение было его рук делом. У Франца Фердинанда же складывалось впечатление, что своими уступками ненавистным мадьярам император транжирит предназначенное ему, Францу Фердинанду, наследство» [2. S. 158].

В этих условиях естественными союзниками эрцгерцога становились национальные меньшинства Венгрии – трансильванские румыны, словаки, сербы, хорваты... Неудивительно, что в окружении наследника появились представители этих народов – румын А. Вайда-Воевод, словак М. Ходжа и др. Надо заметить, однако, что эрцгерцог не чурался общения и с отдельными венгерскими деятелями, чьи взгляды казались ему разумными и лояльными, – например, вел переписку с графом Миклошем Сечени. Франца Фердинанда трудно назвать интернационалистом в современном смысле этого слова. Скорее он был имперским патриотом, стремившимся к сохранению и упрочению единства монархии Габсбургов, и национальное происхождение людей, которые могли помочь ему в достижении этой цели, представлялось ему второстепенным фактором. В то же время Франц Фердинанд понимал, что стремление народов Австро-Венгрии к по меньшей мере национально-культурной автономии становится фактором, с которым нельзя не считаться.

Возможно, именно поэтому его внимание привлекла вышедшая в 1906 г. книга Аурела Поповича «Соединенные Штаты Великой Австрии» (*Die Vereinigten Staaten von Gross-Österreich*), в которой излагалась концепция федерализации государства Габсбургов на принципах, более справедливых с точки зрения национальных чаяний отдельных народов. Попович предлагал разделить Австро-Венгрию на 15 равноправных автономных образований (штатов, *Staaten*) по национально-территориальному принципу⁴. Во главе этой федерации, помимо императора, должно было стоять правительство, составленное из представителей отдельных штатов. Государственным языком «Соединенных Штатов Великой Австрии» предполагалось сделать немецкий, однако в отдельных штатах широко использовались бы местные языки. Права этнических меньшинств в рамках штатов, согласно проекту Поповича, должны были быть защищены. Главным проигравшим в результате такой реформы, будь она осуществлена, являлась бы Венгрия – хотя ее границы, предлагавшиеся Поповичем, все равно оказались бы более широкими, чем те, в рамки которых Венгрия была загнана после Первой мировой войны в результате Трианонского мира (и в которых, с незначительными изменениями, она существует по сей день).

Так далеко, как предлагал А. Попович, эрцгерцог Франц Фердинанд заходить не хотел, хотя федералистский проект, несомненно, оказал на него за-

³ После поражения, которое империя Габсбургов потерпела в войне с Пруссией летом 1866 г.

⁴ 1) Немецкая Австрия, 2) Крайна, 3) Трентино, 4) Триест, 5) Чехия (Богемия), 6) Немецкая Богемия, 7) Немецкая Моравия, 8) Венгрия, 9) Словакия, 10) Трансильвания, 11) Сикульская область, 12) Воеводина, 13) Хорватия и Славония, 14) Западная Галиция, 15) Восточная Галиция.

метное влияние. В 1910–1911 г. при активном участии А. Броша фон Ааренау, австрийского ученого и политика К. Ламмаша (будущего последнего премьер-министра Австрии при императоре Карле I), венгерского (!) политика и экс-министра Й. Криштоффи и ряда других деятелей был разработан проект политических реформ, которые предполагалось осуществить сразу по восшествии Франца II на престол. Краеугольным камнем преобразований должно было стать введение в Венгрии всеобщего избирательного права (в западной части монархии оно действовало с 1907 г.). По замыслу Франца Фердинанда и его помощников, это привело бы к появлению в парламенте Венгерского королевства по меньшей мере 200 депутатов, представляющих национальные меньшинства, и тем самым – к резкому сужению политической базы мадьярского дворянства, фактически узурпировавшего всю власть в многонациональной Венгрии. Франц Фердинанд вовсе не был убежденным демократом, однако он рассматривал резкое расширение электората в Венгерском королевстве как залог будущего краха дуалистической системы. Новый демократически избранный парламент, по его мнению, мог начать широкомасштабные реформы – устранение старой системы органов местного самоуправления (комитатов), служивших опорой политической власти мадьярской шляхты (*gentry*), реализацию требований национально-культурной автономии для этнических меньшинств, унификацию в армии и т.д.

Разработчики проекта, однако, не исключали и возможности сопротивления со стороны радикально-националистически настроенной части венгерского общества, прежде всего дворянства. В таком случае – в полном соответствии с представлением Франца Фердинанда об армии как опоре трона – предполагалось использование военной силы: «Если же будет решено применить силу, не следует останавливаться на дуалистическом решении 1867 года, а напротив – нужно провести радикальную реконструкцию монархии. После подавления революционного движения корона должна провозгласить, что народ (венгерский. – *Я.Ш.*) самим фактом мятежа нарушил, а значит и утратил конституцию. Таким образом Венгрия будет низведена (*degradiert*) на уровень таких земель, как Хорватия или Чехия. Естественно, название государства в таком случае звучало бы – Австрийская империя» [б. S. 101–102]. Таким образом, программа действий будущего Франца II предполагала два по сути своей противоположных варианта действий: конституционно-демократический (постепенное преобразование государственно-административного устройства Венгрии путем демократизации ее политической системы) и авторитарно-силовой (фактическое повторение сценария подавления венгерской революции в 1849 г.).

Пожалуй, в этом заключалось основное противоречие программы преобразований, разработанной Францем Фердинандом и его окружением. С одной стороны, эрцгерцог стремился к укреплению монархии на основе централизации и усиления авторитета монарха и династии, ради чего и замышлялось устранение ненавистного наследнику австро-венгерского дуализма. С другой стороны, эрцгерцог выступал в роли реформатора-демократа, сулящего своим народам национальную автономию и равноправие. В проекте манифеста о восшествии Франца II на престол заявлялось: «Нашим принципам равноправия всех народов и сословий соответствует наше стремление к тому, дабы каждой народности в монархии была обеспечена свобода национального развития – если стремление к оной свободе будет осуществляться в ее, монархии, рамках [...] Да живут народы дунайской монархии, близкие друг другу исторически и географически, в братской любви, да состязаются они лишь в прогрессе хозяйственном и культурном» [б. S. 104–105].

Проблемы Дунайской монархии далеко не исчерпывались Венгрией и дуализмом. Не менее пестрой и сложной по национальному составу и государственно-

политической структуре была и западная часть Австро-Венгрии. После введения там Францем Иосифом I всеобщего избирательного права (1907) острота национальных проблем ничуть не уменьшилась – что могло служить наследнику престола предостережением при составлении планов на будущее. Особенно сложной была ситуация в чешских землях (по тогдашней терминологии, «землях короны св. Вацлава»), где сохранялось острое соперничество между чешской и немецкой общинами. Франц Фердинанд, чье любимое поместье Конопеште находилось в 30 км от Праги, сознавал важность чешского вопроса для судьбы монархии и размышлял над разными вариантами его решения. Поначалу им рассматривались варианты «триализации» монархии – за счет подъема статуса земель короны св. Вацлава до уровня венгерской короны св. Стефана, или же за счет создания равноправного с Австрией и Венгрией королевства на землях монархии, населенных южными славянами. В последние годы жизни, однако, Франц Фердинанд все больше склонялся к идее постепенной федерализации государства, начать которую, как уже было сказано, он намеревался с демонтажа дуализма и преобразования внутреннего устройства Венгерского королевства.

За эрцгерцогом укрепилась репутация «чехофила» (возможно, благодаря чешскому происхождению его жены, хотя ее семья давно онемечилась и родным языком Софии фон Хотек-Гогенберг был немецкий), в действительности, однако, Франц Фердинанд, как уже говорилось выше, оценивал представителей разных народов прежде всего как лояльных или нелояльных «австрийцев», подданных габсбургского императора. В языковом же вопросе эрцгерцог был однозначным сторонником сохранения статуса немецкого как языка государственного управления и межнационального общения: «До чего бы мы дошли, если бы в каждой провинции можно было говорить только на ее языке! У нас в монархии 16 языков, я не владею всеми, немецкий же – язык династии, администрации, армии, образованных высших слоев и должен использоваться при официальных церемониях» (цит. по [2. S. 207]).

Тем не менее эрцгерцог был решительным противником немецкого национализма, чьи пропрусские, великогерманские и антикатолические тенденции справедливо считал крайне опасными для существования габсбургской монархии. Поэтому он стремился добиться примирения немцев и чехов на основе наднационального патриотизма – как общеимперского, так и регионального, богемского и моравского. Отсюда – активные контакты Франца Фердинанда с представителями аристократии земель короны св. Вацлава – графом Ф. Туном, князем К. Шварценбергом, графом О. Чернином и др. От наследника, однако, не могло укрыться, что космополитичная и преимущественно немецкоязычная аристократия уже не играет существенной политической роли в чешских землях, уступив ее буржуазным и социалистическим политикам, чехам и немцам. Поэтому эрцгерцог налаживал контакты и с этой средой – в частности, через одного из лидеров чешской Национально-социалистической партии К. Швигу. Вокруг последнего весной 1914 г. разгорелся крупный скандал – Швигу обвинили в доносах и работе на полицию. Политик защищался удивительно вяло и вынужден был покинуть партию и уйти из общественной жизни с клеймом «предателя национального дела». Лишь много позднее стала известна причина странного поведения Швиги: его тайные встречи с представителями властей объяснялись контактами не с полицией, а с эрцгерцогом Францем Фердинандом. Ему Швига с ведома лидера Национально-социалистической партии В. Клофаха через посредников передавал меморандумы с планами возможных политических преобразований в чешских землях.

Эта история свидетельствует о специфической обстановке, сложившейся в чешском обществе в последние годы монархии. Швига предпочел незаслуженный позор и обструкцию раскрытию своих контактов – не с каким-нибудь пре-

ступником или шпионом, а со вторым лицом в государстве! Клофач, зная истинные мотивы действий Швиги, тем не менее не вмешивался в это дело, чтобы не оказаться скомпрометированным. Наконец, ни Франц Фердинанд, ни его представители не отважились открыто заступиться за политика, с которым поддерживали контакты, понимая, что это вызвало бы еще больший скандал. Как отмечает чешский историк И. Пернес, «Швига не был доносчиком, однако он сотрудничал с наследником престола, а это было в глазах общественности грехом не меньшим, если не еще большим. Эрцгерцог [...] не пользовался в чешских землях доброй репутацией» [5. S. 28–29]. Отчасти в этом была вина самого Франца Фердинанда, человека со сложным характером, который умел быть открытым, приветливым и ласковым лишь со своей семьей и узким кругом ближайших друзей и сотрудовников. Но с другой стороны, непопулярность наследника престола была обусловлена и накалом националистических страстей – как в Чехии, так и в других провинциях монархии. Именно национализм становился главным противником габсбургской власти, и именно он представлял собой главное препятствие на пути реализации реформаторских планов эрцгерцога.

Шанс реализовать эти планы существовал только при условии сохранения мира, это Франц Фердинанд сознавал очень хорошо. Его взгляды на проблемы внешней политики служат естественным дополнением его внутривнутриполитических планов, поэтому необходимо вкратце коснуться и этого вопроса. Эрцгерцог с недоверием и неприязнью относился к новоиспеченной Германской империи Гогенцоллернов, которой не мог простить разгрома Австрии в войне 1866 г. Императору Вильгельму II, отличавшемуся склонностью к театральным жестам, позерству и фанфаронству, Франц Фердинанд поначалу тоже не слишком симпатизировал. Однако постепенно отношения между кайзером и эрцгерцогом стали куда более доверительными – не в последнюю очередь благодаря вежливости и дружелюбию, с которыми Вильгельм отнесся к супруге Франца Фердинанда, подвергавшейся протокольным унижениям при венском дворе. Эрцгерцог, очень любивший жену, не мог не оценить этот жест. В последние годы жизни Франц Фердинанд вел оживленную переписку с Вильгельмом II, их личные встречи тоже были довольно частыми – последняя произошла в Конопеште, чешском имении Франца Фердинанда, в июне 1914 г., незадолго до отъезда эрцгерцога в Сараево.

Суть отношений Франца Фердинанда и Вильгельма II, возможно, лучше других понял и описал австрийский дипломат Йозеф Штюргк. По его мнению, двигателем этой дружбы «не была взаимная симпатия. Франц Фердинанд был по характеру и воспитанию слишком австрийцем, слишком привержен традициям своего дома для того, чтобы преподнести сердце на ладони отпрыску Гогенцоллернов [...] Эта дружба основывалась [...] с обеих сторон на убеждении: мы очень нужны друг другу, а потому должны быть друзьями» [7. S. 301]. Тем не менее до конца жизни Франц Фердинанд не разделял антипатии Вильгельма II к славянам и той смеси враждебности и страха, с которой германский император относился к России. Напротив, австро-венгерского наследника можно назвать русофилом. Симпатии к России возникли у Франца Фердинанда во время его первого визита в эту страну в 1891–1892 гг. Молодого эрцгерцога поразила пышность петербургского двора, богатство и огромный потенциал русской монархии, да и к самодержавию как политической модели консервативный Франц Фердинанд не мог испытывать особой неприязни. С тех пор эрцгерцог не переставал настаивать на том, что внешняя политика габсбургской монархии не должна быть враждебна России – и в этом он снова расходился во взглядах с ведущими венгерскими политиками, придерживавшимися антиславянской и антирусской ориентации.

Франц Фердинанд стремился к восстановлению «союза трех императоров», существовавшего в последней трети XIX в. и объединявшего Австро-Венгрию,

Германию и Россию. В 1907 г. он лично инструктировал дипломата, отбывавшего с миссией в Петербург: «Скажите в России каждому, с кем будете иметь возможность поговорить, что я – друг России и ее государя. Никогда австрийский солдат не стоял против русского солдата с оружием в руках [...] Мы должны быть добрыми соседями. Я одобряю старый союз трех императоров» (цит. по [2. S. 170]). В 1913 г., за год до катастрофы, эрцгерцог написал пророческие слова: «Война с Россией – это наш конец [...] Неужели австрийский император и русский царь должны свергнуть друг друга с тронов и открыть дорогу революции?» (цит. по [2. S. 170]). Осознание губительности внешних конфликтов для Австро-Венгрии с ее многочисленными внутренними противоречиями привело наследника престола к столкновению с влиятельным начальником генштаба императорской и королевской армии Францем Конрадом фон Гётцендорфом, хотя поначалу эрцгерцог покровительствовал этому способному, но слишком амбициозному и агрессивному генералу.

Внешнеполитические взгляды Франца Фердинанда относятся к его неосуществленной концепции преобразования австро-венгерской монархии так же, как и планы внутривнутриполитических реформ. Те и другие означали разрыв с политическими традициями эпохи «позднего» Франца Иосифа I – правда, разрыв не окончательный, ни в коем случае не направленный против самих основ власти Габсбургов, а напротив, имевший своей целью укрепление этих основ. На вопрос: была ли возможна их реализация на практике? – нельзя дать однозначный и окончательный ответ. За время, прошедшее с момента заключения союза Австро-Венгрии с Германией (1879) и постепенного демонтажа «союза трех императоров» в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в., изменилось очень многое. Европа оказалась разделена на два блока держав. Непримиемые противоречия между Германией и Францией дополнились союзом последней с Россией и Великобританией и обострением соперничества России и Австро-Венгрии на Балканах, достигшего пика во время боснийского кризиса 1908–1909 гг. Если представить себе, что Франц Фердинанд действительно стал бы Францем II, перед ним возникла бы колоссальная дипломатическая проблема: как урегулировать отношения с Россией без разрыва с Германией? Очень сложно сказать, было ли возможно достижение этой цели без очередной «дипломатической революции», подобной той, которую осуществил в середине XVIII в. австрийский канцлер Кауниц⁵, и к каким последствиям для монархии Габсбургов такая революция могла бы привести.

Итак, эрцгерцог Франц Фердинанд д'Эсте был неглупым, трудолюбивым и решительным государственным деятелем, вынашивавшим планы широкомасштабных внутри- и внешнеполитических преобразований, которые он намеревался осуществить в случае своего вступления на престол. Судьба не дала ему этого шанса. Мы уже никогда не узнаем, стал бы этот неординарный человек спасителем центральноевропейской империи Габсбургов – или же наоборот, как многие неудачливые реформаторы, выступил бы в роли ее могильщика, катализируя процессы распада? С точки зрения автора этих строк, вероятность обоих вариантов примерно равна (возможно, с небольшим перевесом в пользу пессимистического сценария). Однако и без ответа на этот вопрос анализ политических взглядов и планов эрцгерцога, ставшего первой жертвой европейской катастрофы 1914–1918 гг., позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в начале XX в. дунайская монархия отнюдь не представляла собой заведомо обреченное «лоскутное» государство, существовавшее исключительно в силу исторической

⁵ С подачи этого дипломата император Франц I Стефан и его супруга Мария Терезия отказались от традиционного для тогдашней монархии Габсбургов союза с Великобританией против Франции и вступили в союз с Францией и Россией, совместно выступив против Пруссии (и поддержавшей ее Великобританией) в Семилетней войне 1756–1763 гг.

инерции – а ведь с такими отголосками антантовской и националистической пропаганды периода Первой мировой и первых лет после нее приходится сталкиваться до сих пор. Это было государство, за сохранение и реформирование которого готовы были бороться многие представители его политической, военной и интеллектуальной элиты, принадлежавшие к разным социальным слоям и разным народностям. Во-вторых, реформаторские планы Франца Фердинанда служат очередным убедительным доказательством того, что история – открытый процесс, и на каждом ее этапе у общества есть возможность выбора того или иного пути. Иногда этот выбор оказывается спасительным, иногда – губительным. К чему пришла бы Центральная Европа, избери она путь, предложенный несостоявшимся Францем II, мы уже не узнаем. В этом, наверное, и заключается трагическое обаяние и загадка этой исторической фигуры, при жизни прозванной «сфинксом из Бельведера».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Holler G.* Franz Ferdinand von Österreich-Este. Wien, 1982.
2. *Galandauer J.* František Ferdinand d'Este, následník trůnu. Praha, 2000.
3. *Urban O.* František Josef I. Praha, 1999.
4. *Kiszling R.* Erzherzog Franz Ferdinand von Österreich-Este. Graz;Köln, 1953.
5. *Pernes J.* O trůn a lásku. Dramatický život a tragická smrt Františka Ferdinanda d'Este. Praha, 2007.
6. *Sosnoski T. von.* Franz Ferdinand der Erzherzog Thronfolger. Berlin, 1929.
7. *Stürgkh J.* Politische und militärische Erinnerungen. Leipzig, 1922.

© 2010 г. С. ПАВЛОВИЧ

СИНТАКСИС ДРЕВНЕСЕРБСКОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА С ПРЕДЛОГОМ *у* В СВЕТЕ ТЕОРИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ЛОКАЛИЗАЦИЙ

В современном сербском языке предлог *у*, независимо от происхождения, сочетается с тремя падежами: родительным, винительным и предложным. При этом конструкция *у + родительный* в современном сербском литературном языке обычно считается архаизмом и/или регионализмом. К. Фелешко по этому поводу отмечает: «Все значения и синтаксические позиции, характеризующие *у + родительный*, свойственны в то же время конструкции *код + родительный*» [1. С. 124]. Однако конструкция *у + родительный* является неконкурентоспособной, если лексический экспонент наделен ингерентным семантическим признаком одушевленности. Различия в статусе конструкции *у + родительный* в славянских языках побуждает исследователей обратиться к диахронической перспективе данной синтаксемы¹. Синтактико-семантический профиль древнесербского *оу + родительный*, засвидетельствованный в сербских грамотах и письмах, явно указывает на то, что уже в первые 250 лет существования сербской письменности данная конструкция была склонна к редукции и проигрывала по сравнению с более молодой и жизнеспособной конструкцией *конь + родительный*².

Анализ древнесербских примеров, засвидетельствованных в использованных источниках, проведенный с учетом употребления данной конструкции в церковнославянских канонических памятниках (см. [4]), в рамках теории семантических локализаций (см. [5]), приводит к следующим выводам.

Родительный с предлогом *оу* является, прежде всего, формализатором спациальной юксталокализации (лат. *iuxta* – рядом, около) [6. С. 19], эксклюзивной [7. S. 281] пространственной семантемы, которая сводится к пропозиции *объект локализации расположен в непосредственной близости ориентира*. Остальные значения и функции считаются отражением юксталокализации, конкретизированной в субполях локативности, аблативности и адлативности, определяемых директивностью. Учитывая тот факт, что исследуемая конструкция может упо-

Павлович Слободан – д-р филол. наук, доцент кафедры сербского языка и лингвистики Новисадского университета (Сербия).

¹Словенскому языку, например, эта конструкция не знакома, в то время как в чешском и русском языках ее употребление стабильно (см. [2. S. 257]).

²В качестве источников в данной работе использовались древнесербские грамоты и письма, относящиеся по жанру к административно-деловой письменности и ярче всего отражающие все особенности древнесербского языка. В соответствии с требованиями, относящимися к филологическому исследованию древнего текста, в работе указывается год появления документа, номер документа (по регистру С. Павловича [3. С. 341–388]) и номер строки, в которой пример встречается.

требляться как с директивными, так и с индирективными глаголами, и в зависимости от этого являться локативной, аблативной или адлативной, синтаксему *оу + родительный* можно считать нейтральной в плане директивности [± директивность].

В субполе локативности, а именно в сочетании с индирективными глаголами (как эксплицитными, так и имплицитными), *оу + родительный* сохраняет немодифицированное значение специальной юксталокализации лишь в том случае, если в качестве лексического экспонента используется имя существительное с ингерентным семантическим признаком [– одушевленность], т.е. географическое название (апеллятив или топоним): *и свѣтлоу неоугашеноу бы|ти| въ храмѣ ꙗко . и оу гроба чьстнаго* (1200, № 3. 65), *нива оу доуба великого поредь млачиць що даде николиць и брат мою храниславъ за гробъ* (1346, № 94. 143), *и оу мрамора нива* (1346–1347, № 95. 157), *И ꙗще приложи цр|с|тво ми ... и ливада оу свѣстова лоуга и с лоугомъ . и нива ниже лоуке а выше м'лач'на конь стльпа бгородичина на самомъ прѣходѣ оу кр|с|та* (1348, № 103. 10), *нива оу брѣста при кашакоули* (1366, № 153. 290), *и на томъ ѡ|д|е поутоу оу трьна хатарь* (1398, № 269. 20).

Начиная с середины XIII в. наряду с синтаксемой *оу + родительный* в значении локативной юксталокализации начинает употребляться родительный падеж с новым деноминальным предлогом *конь*, не зафиксированным в канонических текстах (ср. старославянское *искони*, древнесербское *коньць*, русское *конец*). Со временем эта конструкция встречается все чаще: *съставихъ и оутврдихъ съ архиктупомъ арсяниѣмъ ... село . лятине . конь моста . и мость како га постави дядь ми* (1254–1263, № 29. 33), *и да кралев'ство ми рьпиноу конь обле кирге . от кирге до кирге . низь зидь град'ски обь долнѣ стране.* (1300, № 45. 115), *село свѣкир'ны|к| . и земля ... конь свѣкирника од потока и више поута* (1336, № 81. 39), *и нива ниже лоуке а выше м'лач'на конь стльпа бгородичина на самомъ прѣходѣ оу кр|с|та* (1348, № 103. 11), *село архилевица конь цркве с мегѣми и одтеси и съ заселци* (1354, № 119. 27), *приложисмо и мы въ дарь ... таи села ... конь банѣ съ вѣмъ метохомъ* (1372–1375, № 171. 19), *приложихъ цркви оу спасовоу оу хвосноу конь митрополие хвостыское* (1380–1381, № 186. 11), *приложихъ светому монастироу обители прѣчистыѣ владычице наше богородице хиландарскыѣ иже въ свѣтѣ горѣ авоньсѣи села конь новога брьда* (1411, № 429. 11), *село божково конь рибника* (1452, № 658. 78).

В конце второй половины XIV в. в синтаксемах, относящихся к субполю локативной юксталокализации, начинает встречаться родительный падеж с деадвербиальным предлогом *поредь*: *и полѣ що приложи кралѣ в'ство ми поредь млачиць* (1343–1345, № 89. Б14), *нива що ꙗко даль лъжо и братиянь за доушоу поредь воиславове ниве* (1346, № 94. 59), *нива оу доуба велик го поредь млачиць що даде николиць и брат мою храниславъ за гробъ* (1346, № 94. 143).

Анализируя приведенные примеры, можно заметить, что немодифицированная специальность в субполе локативной юксталокализации зафиксирована, прежде всего, в монастырских грамотах и практиках. Это вполне понятно, так как в указанных жанрах древнесербской административно-деловой письменности речь идет о пространстве, представляющем чью-то недвижимость. В связи с тем, что в западных сербских канцеляриях эти жанры не употреблялись, возникает вопрос, насколько актуальна юксталокационная конструкция *оу + родительный*, лексикализованная неодушевленным существительным, в западном регионе распространения сербского языка.

Если в качестве лексического экспонента синтаксемы *оу + родительный* используется личное местоимение или существительное с ингерентным семантическим признаком [+ одушевленность], то специальность в области локативной

юксталокализации модифицируется в семантему *пребывание кого-то/чего-то в чьей-то сфере* [8. С. 145]: *и цариникъ твои да стои оу насъ. (1234–1235, № 8. 32), ере ми сте писали за соль за калоугеровоу за никоновоу . како е оу климе нърке (1265–1266, № 30. 12), что ꙗ дохо|д|къ кра|л|ства ми тамо оу вась двѣ тисоуше (1313, № 54. 2), две ста повелле оу бана стефана (1333, № 76. 53), тизи соу листи оу лонете держикя (1355, № 128. 5), а соужнѣе ни|х| кои се обрѣтоу оу всои земли цр|с|ва ми и оу властель цр|с|ва ми (1362, № 147. 21), царине кою нѣсоу биле вла|с|телю|м| и тръговце|м| доубровачки|м| да и|м| нѣсоу ни оу мне ни оу мога бра|т| балше ни оу мога синовца младога гюря (1373, № 167. 8), поясъ кои ꙗ оу марина (1392, № 223. 2), и този иманик правите да ꙗ оу нѣгова бра|т| и оу сна моу и оу никъше жаретикя (1399, № 281. 5), како дръжа оу гн|с|тва ни марок циньцоуловикъ црине (1402, № 316. 2), ето соу ти|з| стар'ци иеросали|м|лянѣ никандръ и гаврииль били оу гна де|с|пота и о|в|де оу на|с| (1424, № 576. 3), разе ꙗ било остало оу почтеннога кнеза и оу властель|л| доубровъчкихъ две стѣ литръ злата . (1447, № 671. 5).*

Этот семантический нюанс подразумевает, что объект может быть интралокализован, помещен в пространство, принадлежащее указанному лицу. *Быть у нас (стояти оу насъ)* значит *находиться в локализаторе, принадлежащем так или иначе нам* (в нашем доме, нашем городе, нашей стране), а не только *находиться около нас*. Таким образом, из сферы спациональной эксклюзии объект практически перемещается в сферу спациональной инклюзии. А синтаксема *оу + родительный* указывает на того, кому принадлежит имплицитный локализатор³. Располагаться в сфере, принадлежащей кому-то, не значит находиться под его властью, хотя от пребывания в чьей-то сфере до посессивности всего один шаг, что наглядно подтверждает древнесербская административно-деловая письменность: *И оу кога се обрѣте лоу|д| отрокъ ... да оу томъ госпо|д|ра не ишоу . нъ да сншоу кривца (1302, № 48. 11), и оу кога се обрѣтаю оу цръковнога члвка тръмке да дава сто-моу николѣ десето (1352–1353, № 117. 89), ако би се нашао синь оу го|д|на вою воде стелана (1438, № 615. 30).*

И здесь объект локализован, но локализатор к тому же является еще и посессором, в то время как объект локализации получает статус посессума. Абстрагированием локативной юксталокализации синтаксема *оу + родительный* переходит из семантического субполя спациональности в сферу посессивности.

Относительно семантемы *пребывание кого-то/чего-то в чьей-то сфере*, являющейся своеобразным сплавом спациональности и посессивности, отметим: с *оу + родительный* может конкурировать синтаксема *конь + родительный*, что, однако, засвидетельствовано лишь в документах XV в.: *и како ꙗ|д|нъ гръгоуръ осталъ конь господар|р| (1406, № 386. 8), и чимъ би био конь насъ . да не боуде оусилова|н|ь одь никогаръ изити из' вѣре кою вѣроуѣ (1455, № 669.19), и що ꙗ било дина|р| . конь нѣга . све ꙗ изъгиноуло (1422, № 556. 6).*

Итак, очевидно, что *оу + родительный* с индирективными глаголами изначально вытеснялось из сочетаний, в которых существительные были наделены признаком [– одушевленность]. В то время как судьба семантемы *пребывание кого-то/чего-то в чьей-то сфере* складывалась иначе. Эта конструкция дошла до наших дней, а до XV в. существовала автономно.

Из спационального субполя локативной юксталокализации через семантему *пребывание кого-то / чего-то в чьей-то сфере* синтаксема *оу + родительный* могла перейти в субполе темпоральной интралокализации, или симультанности. В

³Исследуя эту семантическую категорию в русском языке, Г.А. Золотова [9. С. 107–109] использует термин *посессивный локатив*, объединяя таким образом два значения: *принадлежность и местонахождение*.

древнесербской административно-деловой письменности этот переход был весьма продуктивен: *да ходе власи свободно : их добиткъ : тако како соу оу бана коулина ходили (1232–1235, № 7. 3), що си соу дрѣжали винограде оу г|д|на ми стопочившега кра|л| . то да си и съде дрѣже (1289, № 44. 2), и кѣ ще да и|х| дрѣжи кра|л|в|с| ми на томъ законѣ . кои соу имали оу стопочившега г|д|на отца кра|л|в|с|ми (1302, № 48. 23), и всаци властели кои те стаяти по дабижиствѣ да не оузима црине тези до века векоу ни оу сна кра|л|в|с| ми да ни оу кога настоѣцаго кра|л|я оу срьбли|х| (1345, № 92. 13), И оше за онези царине коѣ но соу съзи постале а нѣсоу биле оу ро|д|ителя цр|с|ва ми . и на тѣх 'зи царина|х| да не плакю никому нищо (1360, № 140. 11), що кѣ ст дрѣжалъ попь симон оу цара стефна и докле кѣ приѣ ла црква роушка макриѣ во и мокране и от часа нѣ давалъ десетка да си този има и напрѣд (1375–1376, № 174. 5), да не плате нища ни да плакю царине ни бро|д|ве коѣ нѣсоу имали законъ оу цра стефана и оу гюргя (1385, № 192. 9), хо|т|е насъ властеломъ и всоу опкиноу гра|д| доубрвьянка за своѣ сръчане и въ све|м| поч|т|ене прьятелѣ како см|о| били оу прьве госто|д|е срь|с|ке и оу босан|с|ке како то оу кѣ го прародителя го|д|на краля тврѣтка и оу ине го|д|е срь|с|ке и босан|с|ке (1399, № 279. 10), а съди носе сребро и злато . г|д|не деспоте този кѣ и прьво било . и оу г|д|на родителя ви и гн|с|тва ти . а и дьнась к|с| (1417, № 492. 40), що имъ нѣсть било записано оу стопочившега г|д|на и родителя ми деспота стефан| за оудовѣ и за този имъ сътвори мл|с|ть гн|с|о|д|ство ми (1445, № 647. 4).*

Выражение синтаксемой *оу + родительный* специальной или темпоральной инклюзии зависит исключительно от того, актуальна ли в момент референции принадлежность указанной области определенному лицу⁴. Если имеет место принадлежность, то объект локализации помещается в пространство, принадлежащее указанному лицу. Если же отсутствует значение принадлежности – независимо от того, какая принадлежность по отношению к моменту референции имеется в виду – постериорная (лат. *post*) или антериорная (лат. *ante*), – то объект локализации помещается во временной промежутке, который приравнивается к принадлежности. Учитывая то, что такой временной локализатор не актуален в референционный момент, вполне понятно, что действие детерминированной предикации относится к прошлому или будущему⁵. В связи с тем, что владение той или иной областью подразумевает определенный период времени (в средневековом государстве он обычно совпадает с годами жизни владельца), темпоральная конструкция *оу + родительный* может сочетаться с глаголами как совершенного (*записати*), так и несовершенного вида (*быти, дрѣжати, ходити, имати, оузимати*). Именно эта возможность делает темпоральную конструкцию процессуально нейтральной [\pm процессуальность].

Конструкция *конь + родительный* в данном значении не может быть конкурентноспособной. С момента появления первых памятников письменности она закрепила за полем темпоральности, конкурируя тем самым с конструкцией *по + предложный*: *и другомоу приш|д|ьшоумоу къ ва|м| кнезоу конь тога кнеза . да стою выноу къ вамъ оу сие|м| обѣтѣ . доколѣ ми и вы стоите оу то|м| обѣтѣ*

⁴Референционный момент, или перспектива высказывания, в древнесербской административно-деловой письменности представляет собой момент создания фавулы, переход административного действия (*actio*) в административный документ (*conscriptio*). Референционный момент в административно-деловой письменности, как правило, отождествляется с хронологической датой, указанной в заключительной части (в эсхатоколе) документа.

⁵Вторая возможность встречается редко, так как постериорная принадлежность в такого рода документах наделена низкой прагматической валентностью. В примере № 92.13 установленная предикация выражена императивом (*да + настоящее время*), который, как и современный императив, фиксируя нереализованное действие, «имплицитно описывает будущее время, если он привязан к темпоральному детерминатору» [10. S. 259].

(1254, № 27. 27), и снь съ оцѣмь да сѣди оженивъ се три годища . конь трехъ годищъ да постоупа оу особноу работоу цркви (1234–1243, № 16. 29), да мою се не свръже вѣра за наю живота и конь нега и еговоу дѣтетеви (1323–1331, № 62. 4), да самъ волянь оузмати и опеть сталяти ... ѣа гднь воєвода радосавъ и конь мене снь ми кнезь иванишь (1427, № 584. 34).

Древнесербская темпоральная конструкция *оу + родительный* может взаимозаменяться с конструкциями *за + родительный* и *при + предложный*, если эти конструкции лексикализованы существительным с ингерентным признаком [+ ОДУШЕВЛЕННОСТЬ]:

(*за + родительный*) како драгок гоучетиъ з братиомъ и з дружъбомъ своиомъ дръжа цариноу каменичкоу осамъ годищъ за г|д|на тврѣтка кра|л| (1392, № 219. 2), ꙗ рь за прѣве госпoде нѣсоу ини трѣзь изъ сръбляя изъносили размѣ коже воскъ и сиреньꙗ (1417, № 492. 38), кои соу законъ имали прѣгꙗ за стопочившиа|з| гна и родителя ми деспота стефана и оу господства ми тѣзи законъ да имаю и напредъ оу госпо|д|ства ми (1445, № 646. 13), да слободно ходе ... плаћаюѣ правѣ царине гди є подобно ке соу биле за доброга споменоутя за стрица ми господина краля тврѣтка и за мене не боѣѣ се ниеднога хоудога (1456, № 670. 4);

(*при + предложный*) кто нѣсть отъприль при игоумане isaцѣ и оузель при архимодритѣ никодимѣ по ошьсти никодимовѣ никто да не оузицѣтъ цркви светаго георгия ни игоумень настоꙗщихъ ни о бащинѣ ни о коуплѣници (1300, № 45. 147), А жрьностѣкъ како ꙗ былъ при владиславѣ такози да боуде и в'сез|д|а (1313–1318, № 56. 406), хотеца ю обновити съ зиданиѣмъ и съ приданиѣмъ сельъ . яже соутъ была и при иришь грѣч'кыхъ и при стьихъ родительъ кралѣвства ми (1343–1345, № 89. A116), и придоше слободни людикъ изъ грѣчъ на црковноу землю при стомъ крали (1352–1353, № 117. 67), и при цари стефанѣ знамо оузе гоуса конѣ цареве (1375–1376, № 174. 14), а що и|м|ъ ꙗ бил| зако|н|ъ при цароу стефаноу то|з|и и съ|д|и (1387, № 195. 30), и що имъ соу биле мезꙗ и хатары и правине всакѣ при господиноу ми и родителю светомоу кнезоу и такози ои дарова царство ми (1404, № 347. 19), а що ꙗ бил| зако|н| при цроу стефаноу и при гноу сто|м| кнезоу лазароу и при стопочившои гн|с|ги коур| сфроси|н| и при стопочивши|м| гноу и родителю ми деспотоу стефаноу до дн|с|ъ този да и|м| ꙗ|с| и оу гн|с|о|д|ства ми (1445, № 647. 30).

Однако полная взаимозаменяемость здесь нет, потому что вышеупомянутые синтаксемы, в отличие от *оу + родительный*, могут быть лексикализованы и существительным *животъ*, а родительный с предлогом *за* еще и общим временным понятием, выраженным существительным *врѣме*: да мою се не свръже вѣра за наю живота и конь нега и еговоу дѣтетеви (1323–1331, № 62. 4), да плакяю како соу плакяли при живо|т|оу брата мога з|д|на гюрзя . и по всои змли моои да соу на зако|н|ъ кои соу имали при гюрю (1379, № 182. 5), да нихъ трѣговци и ини ни|х|ъ людѣ ходе слободноо ... плаћаѣ правѣ царине коѣ соу прѣво плаћали за врѣмень нашиехъ родительъ (1454, № 665. 26). Возможность «расширенной» лексикализации обеспечивает двум упомянутым конструкциям темпоральное значение и в том случае, когда в сочетании *оу + родительный* оно отсутствует. При этом очевидно, что употребление *за + родительный* присуще западным сербским канцеляриям. В то время как *при + предложный* употребляется практически только на востоке.

В субполе аблативности древнесербское *оу + родительный* может быть лексикализовано лишь личным местоимением или существительным с ингерентным семантическим признаком [+ ОДУШЕВЛЕННОСТЬ]. Так как речь идет о нейтральной в директивном отношении конструкции [+ ДИРЕКТИВНОСТЬ], аблативность в сочетаниях типа *коупил смь оу миха коукю* бывает обозначена переходными глаголами

со значением перемещения объекта из сферы принадлежности одному лицу в сферу принадлежности другому – *испросити, коупити, оузети, замѣнити* и др.: *ере испросихъ парике оу цара оу призьрѣнѣ* (1199, № 2. 50), *кои соу били коупилы оу метохъискога члвка* (1276–1281, № 38. 9), *коупихъ или испросихъ . или замѣнихъ . или оу гн|д|а архикл|с|па или оу кога любо* (1313–1318. № 56. 756), *И симь образомъ замѣнихъ црковь спаса оу младѣна владоквиця и оу матере кго . и оу всега родьства кго ... замѣнихъ и дахъ замѣноу оу охридѣ ан'дричу црковь* (1348. № 103. 1), *оузмите ми ви сверхъ себе оу марина поясь* (1352, № 115. 8), *и испроси оу насъ оноузи кклию* (монах Доротей 1359–1360, № 142. 16), *коупиль смь оу миха коую оу дмитровцехъ* (1414–1419, № 508. 15).

Уже в первых письменных памятниках *оу + родительный* заменяется конструкцией *одь + родительный*, наделенной значением аблативности: *или що оузъмь одь нихъ* (1283, № 42. 7), *и коупи кралквство ми от костадина сына лип'сотова и от андриана . сына кур теодорова и од кура калик . сестре теодорове и од брати кк теодора* (1300, № 45. 56), *ере самъ ѣ оузелъ свитоу од нихъ* (1376, № 177. 6), *къда любо опѣина доубровьчка тои одь нкгова госпо|д|ства оуспросѣ* (1387, № 198. 14), *що є коупиль од радослава фаргана* (1388, № 202. 78), *да соу нимь волни оу всако врѣме оузети га од на|с|ь* (1390, № 216. 5), *оузє|с|мо одь вастель гра|д| доубровника все що пише оу семь листоу* (1402, № 313. 3), *доброволно проси од насъ од кнеза и власт|т|ео и все опкине доубровачке овь нашъ веровани и непоречени обеть* (1442, № 633. 18), *и поиска|л| од почтенога кнеза и властє|л|* (1457, № 675. 12).

В такого рода сочетаниях, которые обозначают изменения в посессивных отношениях (см. [9. С. 113]), древнесербская конструкция *оу + родительный*, устанавливающая владельца объекта через семантику *пребывание кого-то/чего-то в чьей-то сфере*, снова выходит за рамки поля спациональности и превращается в синтаксическую категорию индиректного объекта. Этот переход очевиден в примере: *коупил смь оу миха коую* по сравнению с предложением *продано сам Михи куфу* (*Я продал Михе дом*), в котором данная синтаксическая функция выражена в форме дательного падежа. По территориальному распределению приведенных примеров видно, что *оу + родительный* относится к документации восточных канцелярий, в то время как *одь + родительный* не привязано к конкретной территории.

В сочетании с директивными глаголами (*доити, доходити*) и переходным глаголом *поставити* из семантической группы *verba sistendi* древнесербское *оу + родительный* относится к субполю адлативности⁶. В качестве лексического экспонента и здесь также используются, прежде всего, личные местоимения и существительные с ингерентным семантическим признаком [+ одушевленность], которые указывают на лицо, владеющее областью, в которой происходит директивное действие: *що соу покладоу поставили оу мароя гочетикя* (1355, № 123. 3), *ко к по|с|тавил|л| нашъ братъ лофеть гюрегъ оу ва|с|* (1368, № 157. 3), *що к бл|л|о црковно тои к поставиль оу гра|д|нина оу вшега . оу реньдита* (1376, № 175.1), *кръ к оу насъ оу наше мѣсто . доволѣ госпode велике и племенице доходило* (1402, № 324. 13), *ко к сте били прѣнороучили и поставил|л| оу ре|ч|нога марина* (1411, № 434. 6), *да к поставиль оу мароя тамарикя оу нашега властелина* (1421, № 533. 4), *що соу били поставили светопочивши родителие гн|с|о|д|ства ми . гнь деспо|т| гюр|г|ь и маика ми гн|с|о|гя деспотица ерина . покла|д| оу почтени|х|*

⁶ Адлативное значение родительного с предлогом *оу*, по мнению Ф. Копечного [2. S. 260], представляет специфику южнославянской языковой территории, а развитие конструкции можно проследить от церковнославянских канонических памятников – ср. *и томоу оумърьшоу оу гроба к го вѣр'ниш стлѣть поставишк великъ* – Супр. 539.10 [11. С. 625].

наши|x| приате|л| и братие . оу княза и оу власти|л| доубров|ч|ьки|x| (1447, № 671. 2).

Так как и в приведенных примерах объект локализации интралокализуется в область, принадлежащую указанному лицу, синтаксема *оу + родительный* из поля спациальной эксклюзии переходит в поле спациальной инклюзии. Конструкция *оу + родительный*, которая таким образом лексикализована, лишь в качестве исключения используется с типичным директивным глаголом (*доходити*), в то время как сочетание *поместить что-то в кого-то* отличается стабильным управлением.

Немодифицированная спациальная юксталокализация, разумеется, может быть выражена конструкцией *оу + родительный*, если в качестве лексического экспонента используется существительное с ингерентным семантическим признаком [– одушевленность]. Сочетание таким образом лексикализованной конструкции *оу + родительный* с директивными глаголами встречается весьма редко в сербских грамотах и письмах: *и да пою попове ходекѣ от гж|д|ине цркве оу црквице кичев'ске* (1243–1276, № 33. 2), *да догжшь на стань|к| оу шоуметоу оу стога трипоуна ти своо|м| главо|м|* (1396, № 244. 3)⁷. Так как родительный, привязанный к предлогу *оу* – это нейтральная в плане директивности синтаксема [±Директивность], адлативность в приведенных примерах определяется префиксом *до-*, или лимитативностью юксталокационной конструкции *оу + родительный* с аблативной конструкцией *одь + родительный* (*ходекѣ от гж|д|ине цркве оу црквице кичев'ске*).

Если глагольный и/или контекстуальный указатель адлативности не назван эксплицитно, то конструкция *оу + родительный* в сочетании с директивным глаголом (*грести, ити, ходити*) может выступать не только в качестве идентификатора адлативной точки, в которой заканчивается директивное действие, как это было в предыдущих примерах, но и в качестве идентификатора точки, определяющей направление директивного действия: *од црева поути кои гре оу лоупоглаве до поути кои гре|д| ис латине оу чрѣшево .* (1300, № 45. 100), *како иде поуть оскоршице оу сръбице* (1348, № 103. 132). С этой дилеммой мы сталкиваемся, если нейтральная в директивном отношении конструкция *оу + родительный* находится в одном ряду с синтаксемами, которые обозначают границы подаренной территории: *а мегѣ моу оус' стан'къ ниже илиине цркве . от тоу|д| оуз рьть оу цѣстоу и оу стоуден'ць оу дозвало . и оу врановикѣ оу скакав'ць . и стрьмо оу рѣкоу . и низ'рѣкоу оу тьж|д|е стан'къ оу илиине цркве .* (1313–1318, № 56. 31б), *а мега моу от планине от прьвослава на слать на обло брьдо . на соухы стоуденьць . на модрии мѣль ... на кр|с|ть оу стоуден'ца поутемь велимь на потокь* (1313–1318, № 56. 48).

Из-за явно низкой частотности примеров, подтверждающих данное утверждение, невозможно говорить о том, насколько часто древнесербское *оу + родительный* переходило в поле спациальной перлативности, пересекаясь при этом с юксталокационной конструкцией *мимо + винительный*, наделенной ярко выраженным значением перлативности.

В ряду директивных синтаксем, употребляемых в сочетании с имплицированным директивным глаголом, уже с середины XIII в. встречается *конь + родитель-*

⁷В примере *дож или оу солоунь или на строумоу или близоу метохии или оу метохии монастырскык* (1398, № 269. 50) конструкция *оу + родительный* лексикализована существительным с ингерентным семантическим признаком [– ОДУШЕВЛЕННОСТЬ], однако детерминизованное директивное действие (*доити*) адлативно интралокализовано (*в метохии*), а не юксталокализовано (*у метохии*), что не свойственно древнесербской письменности. В то же время оно недвусмысленно указывает на явную тенденцию к прикреплению предлога *оу* к инклюзии, не зависимо от того, с каким падежом она употребляется.

ный: а мега простянью . от тарс ... оу велью гороу оу пысаноу клеу от пысане кле . конь дядина пола . право оугарчь стоуденьць (1254–1263, № 29. 58), а мега моу от стан'ка рѣкоу оу град'ць . от град'ца право поутель конь гоубав'ча потока оу рѣкопь . от тоуд| по дѣлоу конь дола оу тръниѣ ... оу звеч'коу конь голога брьда . оу лок'вь (1313–1318, № 56. 316), а мега велицѣ съ р'жаницомь . оу пет'ковоу црк'вь и конь бѣлошева брѣга оу дѣль . и како се камы вали оу великоу и р'жаницоу ... и до гвоза|д| оу грохоть конь носа . оу сал'че гладе (1330, № 72. 214).

Постепенное исчезновение синтаксемы *оу + родительный* в сербском языке можно наблюдать уже в средневековых памятниках административно-деловой письменности. Если принимать во внимание все вышеприведенные факты, а также то, что словенскому языку конструкция *оу + родительный* вообще не знакома, то можно предположить, что процесс редуцирования данной синтаксемы на славянском юге начался с запада и затем постепенно распространялся на восток. Проследить же, что с данной конструкцией происходило на «общественном» уровне, если он вообще существует, можно лишь анализируя все славянские языки⁸. Не стоит, однако, исключать самостоятельное развитие отдельных языков в указанном направлении. В сербском языке статус этой конструкции не стабилен, на что, вероятно, оказал влияние фонетический переход инициального * *иъ(-) > у*, который относится к предысторическому периоду (самое позднее к XI в.). Этот интралокационный фонетический процесс уподобил общеславянский предлог **иъ* (сочетается с винительным и предложным падежами) юксталокационному предлогу **и* (сочетается с родительным падежом). Таким образом, древнесербский предлог *оу* практически указывает на два локализатора: на внутреннюю часть ориентира и на пространство, определяемое близостью ориентира. Юксталокационное значение со временем приобретают новые предлоги, прежде всего деноминальный предлог *конь*, в то время как предлог *оу* остается привязанным к интралокализации, даже если он сочетается с личным местоимением или одушевленным существительным. Объект локализации при этом перемещается в локализатор, принадлежащий указанному лицу (см. схему). В этом значении конструкция *оу + родительный* дошла до наших дней, несмотря на то, что с начала XV в. она конкурировала с конструкцией *конь + родительный*.

⁸ Родительный падеж с предлогом **и* практически не встречается на территории распространения лужицкого языка, в то время как в белорусском его употребление сводится лишь к possessivному значению [2. S. 257].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фелешко К.* Значења и синтакса српскохрватског генитива. Београд, 1995.
2. *Корећниј F.* Etimologický slovník slovenských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule. Praha, 1973.
3. *Павловић С.* Старосрпска зависна реченица од XII до XV века. Нови Сад, 2009.
4. *Ходова К.И.* Синтаксис предлога *оу* с родительным падежом в старославянском языке // Scando-Slavica. Copenhagen, 1966. Т. XII.
5. *Piper P.* Jezik i prostor. Beograd, 2001.
6. *Павловић С.* Детерминативни падежи у старосрпској пословноправној писмености. Нови Сад, 2006.
7. *Večerka R.* Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur. Freiburg, 1993.
8. *Ивић М.* Систем предлошких конструкција у српскохрватском језику // Јужнословенски филолог. Београд, 1957–58. Вып. XXII.
9. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
10. *Antonić I.* Vremenska rečenica. Novi Sad, 2001.
11. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.

О ЯЗЫКОВОЙ ПРАКТИКЕ МАКСИМА ГРЕКА РАННЕГО ПЕРИОДА SUB SPECIE GRAMMATICAE

История средневековой церковнославянской грамматической мысли, будучи дискретной по своему характеру и одновременно преемственной по сути, связана с несколькими знаковыми именами. Едва ли не самым заметным из них (по крайней мере в отношении его авторитетности как для современников, так и для нескольких последующих поколений книжников) является имя Максима Грека. Именно с появлением в Москве в 1518 г. афонского монаха связывается начало «грамматической хитрости», т.е. более или менее последовательного приложения к кодификации церковнославянского языка грамматических принципов. Эти принципы реализовались в процессе исправления текстов Толкового Апостола, Толковой Псалтыри и Цветной Триоди по греческим оригиналам в 1518–1522 гг. Новизна такого подхода была очевидна для современников, поскольку влекла за собой существенные изменения традиционных текстов. Споры, сопровождавшие процесс над Максимом Греком на Соборах 1525 и 1531 гг., демонстрировали различие позиций и используемых аргументов: там, где его противники усматривали посягательство на изменение экзистенциального значения сакрального текста, сам Максим Грек видел лишь различие грамматических форм. В «Исповедании православной веры» 1534–1539 гг. Максим приводил слова своих оппонентов: «максимъ ꙗвѣ ѡбъѣдетъ еѣ ѡдеснѣи седѣлица бѣ і ѡца. съпретѣлника и ꙗносѡуина сѣа еѣго. сѣе вѣ седѣлаъ еси і седѣвъъ. мимошеѣшаго вреѣмени естъ гѣюѣ сказаѣлена. а не настоѣщаго и всегдашнѣаго [1. Ф. 304.1. № 201. Л. 9–9об.]. Ответная реплика Максима Грека на суде носила чисто лингвистический характер: «В том разньства никоторого нет, а то мимошедшее и минувшее» [2. С. 90].

Именно книжная справа Максима Грека на сегодняшний день удостоена наибольшего внимания лингвистов: вызвав бурную реакцию со стороны его современников, она же в первую очередь привлекла внимание и современных исследователей (см. [3; 4; 5; 6]. Действительно, лексические и грамматические исправления Максима Грека в традиционных текстах максимально наглядны и позволяют проследить их зависимость от чтений соответствующих греческих текстов. Грекоориентированность sprawy несомненна: «Греческий язык замещает несуществующую грамматику церковнославянского языка, задавая необходимый набор значений, средства выражения которых Максим ищет в пределах церковнославянского языка» [5. С. 265]. К таким наиболее маркированным средствам выражения у него относится последовательное употребление л-форм со связкой во 2 л. ед.ч. прошедшего времени, избавляющее от омонимии 2 и 3 л.

Вернер Инна Вениаминовна – канд. филол. наук, доцент РГГУ.

аориста в соответствии с различием этих форм в греческом, формы индикатива с частицей *да*, отвечающие греческому оптативу, рефлексивные глаголы как эквивалент греческого медиопассива, распределение полных и кратких прилагательных и причастий в зависимости от наличия или отсутствия артикля перед соответствующей греческой формой, согласованное употребление относительных местоимений *иже*, *аже*, *еже*, формы которых правятся по греческой парадигме, а также калькирование ряда синтаксических конструкций греческого языка¹.

Часть из этих форм присутствует не только в правленных Максимом Греком текстах, но и в его переводах и оригинальных сочинениях. Последние привносят в характеристику грамматических особенностей его языка ряд специфических черт, позволяющих оценить последний как «идиолект». Основанием для такого определения являются нестандартные церковнославянские формы, к которым прежде всего относятся взаимозаменяемые флексии: род. и мест. падежей мн. ч., род. и вин. падежей неодушевленных существительных, вин. и мест. падежей при глаголах со значением места и направления, род., вин. и мест. падежей после предлогов *по* и *чрѣзъ*; а также использование именных прилагательных в косвенных падежах [7. С. 4–12]. Названные формы выступают в качестве наиболее показательных маркеров принадлежности текста Максиму Греку. Существующие объяснения появления подобных форм связывают их со знакомством Максима Грека с узусом архаичных церковнославянских текстов, в том числе и южнославянского происхождения [8; 9; 10; 7]. Предполагается, что с последними он мог иметь дело еще во время пребывания на Афоне [8. С. 263]. Целостного объяснения сосуществования этих форм с грецизмами в его идиолекте не существует.

Поскольку сводная характеристика лингвистической практики Максима Грека, учитывающая и ее эволюцию, и ее различное воплощение в правленных, переводных и оригинальных текстах, пока невозможна по многим причинам², целесообразным и необходимым представляется восстановить «предысторию» различных типов его филологической деятельности, реконструировав изначальную систему его представлений о грамматической норме церковнославянского языка, усвоенную при его изучении. Это позволит обнаружить как истоки совмещения столь разнообразных грамматических форм в церковнославянском языке Максима Грека, так и объяснить их дальнейшую судьбу. При этом особенно значимы показания переводных текстов, созданных в ранний период. Для интерпретации лингвистических данных ранних текстов Максима Грека важное значение имеет и исторически засвидетельствованный факт его тесного общения в это время с другим крупнейшим представителем русской филологической мысли – толмачом Дмитрием Герасимовым, переводчиком латинской грамматики Элия Доната на церковнославянский³.

¹ Полный список грецицизированных моделей Максима Грека см. [7. С. 14–21].

² Безусловно, ценным для лингвистов является принадлежащий Х. Олмстеду первый опыт такой характеристики [7]. Однако она основывается на разных типах текстов и безотносительна к эволюции языковой практики Максима Грека, не владевшего славянским до приезда в Москву и ставшего впоследствии одной из авторитетнейших фигур в истории церковнославянского языка. Подобная эволюция была прослежена для книжной sprawy Максима – его трудов по исправлению Псалтыри до 1525 г. и 1552 г. [5; 11]. Дальнейшее лингвистическое изучение текстов в соотношении с их типом и временем их создания остается актуальной задачей, непосредственно связанной с определением датировки большинства атрибутируемых Максиму рукописей, которым еще предстоит войти в новое издание его сочинений [12].

³ Дмитрий Герасимов перевел Донат в Ливонии в 70–80-е годы XV в., а затем неоднократно вносил в текст изменения. Новейшая точка зрения на статус Доната Герасимова объединяет высказывавшиеся ранее различные взгляды: еще И.В. Ягич и А.И. Соболевский полагали, что целью Герасимова было создание учебника латыни для русских [13. С. 813; 8. С. 122], тогда как позднейшие исследователи видели в этом переводе попытку грамматического описания церковнославянского/русского языка [14; 15; 16; 17]. В работах Э. Исинг, Д.Б. Захарына и В. Томеллери на лингвистическом и текстологическом материале была сформулирована идея о неоднократной

Как известно, Максим Грек приехал в Москву в марте 1518 г. и вскоре приступил к переводу Толкового Апостола, а затем Толковой Псалтыри. Этот труд выполнялся в стенах митрополичьего Чудова монастыря совместными усилиями Максима Грека, переводчиков Власа Игнатова и Дмитрия Герасимова и писцов Силуана и Михаила Медоварцева и был закончен в декабре 1522 г. Хорошо известен и метод работы этого коллектива, состоявший в том, что Максим Грек переводил с греческого на латынь, а Дмитрий Герасимов и Влас Игнатов переводили с латыни на церковнославянский. Процесс был описан и Дмитрием Герасимовым (в послании к дьяку Мисюрю Мунехину, см. [22. С. 190; 23. С. 207]), и Максимом Греком (в «Исповедании православной веры», см. [1. Ф. 304.1. № 201. Л. 10]). Все рукописные источники, содержащие данные о первом периоде пребывания афонского монаха в Москве, акцентируя внимание на его совершенном владении греческим и латынью, упоминают и о том, что «Максимъ не у совершенно словенскаго языка клоненія словесь грамматическою хитростію знаяше» («Сказаніе о Максимѣ философѣ, иже бысть инокъ святыя горы Аѳонскія», цит. по [23. С. XXXV]). Те же источники весьма скупо сообщают о процессе освоения им церковнославянского языка: «по малѣ времени и самъ онъ Максимъ грекъ навъкъ достовѣрно словенскому языку» («Сказаніе о премудромъ и многотрудномъ Максимѣ инокъ Святыя горы», цит. по: [23. С. XIV]).

В эти первые семь лет жизни на Руси Максим Грек переводил не только богослужебные книги, но выполнил и огромное количество других переводов, преимущественно из святоотеческого наследия (см. [24]). В контексте его сотрудничества с Дмитрием Герасимовым значим тот факт, что к этому же времени относится и переработка церковнославянского Доната, представленная в списке Казанской научной библиотеки, изданном И.В. Ягичем [13. С. 528–585]. Этот список датирован 1563 г. и переписан, в свою очередь, с текста 1522 г. Переработка коснулась как структуры текста, так и его содержания: с одной стороны, налицо стремление к созданию полного свода грамматики, с другой стороны, в текст включены не соотносимые с латинским оригиналом замечания, касающиеся собственно грамматического устройства церковнославянского языка⁴. Общение Дмитрия Герасимова и Максима Грека ограничивается периодом до 1525 г., когда последний был осужден на церковном Соборе, по решению которого он на шесть лет был заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь, а Герасимов в апреле 1525 г. вместе с посланником папы Климента VII отбыл в Рим.

Идея о возможной связи лингвистической деятельности двух наиболее значимых фигур в истории церковнославянского языка уже высказывалась как исследователями творчества Максима Грека [4; 6], так и авторами, занимавшимися изучением рукописной традиции славянского Доната [18; 21]. Было отмечено грамматическое тождество производимых им замен глагольных форм (аориста 2 л. ед.ч. формами перфекта со связкой, а форм аориста 3 л. ед.ч. – формами перфекта без связки) и перфектной парадигмы в Донате Герасимова [6]. Структура глагольной парадигмы прошедшего времени у Максима Грека преследует цель избавления от омонимий форм 2–3 л.: этот принцип последовательно проведен во всех парадигмах у Герасимова и унаследован всеми позднейшими грамматиками церковнославянского языка, а также никоновскими справщиками [4. С. 261].

переработке Герасимовым своего сочинения, сопровождавшейся и постепенным изменением его назначения: от обучения латыни к описанию церковнославянского языка [18; 19; 20; 21]. Различие назначения перевода наиболее ярко демонстрируют, с одной стороны, интерлинейный латинско-русский Донат, изданный В. Томеллери по рукописи БАН Арх. № 476 [21], и, с другой стороны, список Казанской научной библиотеки, изданный И.В. Ягичем [13. С. 528–585].

⁴ На основе анализа всех известных ныне рукописей, содержащих перевод Доната, В. Томеллери был сделан вывод об уникальности данного списка: «Здесь видны сознательная и целенаправленная деятельность того или другого соавтора с целью составления целого комплекса или полного грамматического свода с учетом просодии и синтаксиса» [25. С. 217].

По-видимому, в совпадении принципа оформления глагольной парадигмы прошедшего времени у Максима Грека и у Герасимова следует видеть не заимствование, а параллелизм грамматических методов, поскольку снятие омонимии в позициях 2–3 л. ед.ч. было присуще как латинской парадигме, на которую ориентировался Герасимов, так и греческой парадигме, служившей образцом для Максима Грека. Контаминированная аористо-перфектная парадигма присутствует как в правленных, так и в его переводных текстах.

Подобные аналогии могут быть прослежены и для других значимых для Максима Грека грамматических форм, традиционно связываемых с грецизацией: разрешение на употребление таких форм, как опатив с частицей *да*, рефлексивные глаголы, или вариативность полных и кратких прилагательных может исходить из того же Доната Герасимова, где все эти формы есть. Учет одной лишь текстологической составляющей его образования здесь недостаточен, поскольку традиция употребления этих форм в церковнославянских текстах отличается от их использования Максимом Греком⁵.

Переводные, а также оригинальные сочинения Максима Грека позволяют обнаружить гораздо более существенную и интересную связь между Донатом Герасимова и Максимом Греком. В этих текстах присутствуют никак не проявляющие себя в процессе справки, не соотносимые с греческим языком специфические особенности его идиолекта, касающиеся именного формообразования. Они могут быть сведены к двум основным: взаимной мене флексий род. и мест. падежей мн.ч. и род. и вин. падежей неодушевленных существительных. Причиной их появления в языке Максима Грека Х. Олмстед совершенно справедливо считает специфичность парадигматической структуры церковнославянского языка, в отличие от греческого или латыни организованной сложнее с точки зрения противопоставления местоименных, адъективных и именных форм как на синхронном, так и на диахронном уровне [7. С. 12]. Тем не менее такое объяснение кажется недостаточным, поскольку расценивает названные формы лишь как следствие недостаточного владения церковнославянским языком и знания церковнославянских текстов и никак не объясняет системность подобных его «ошибок». Поэтому дальнейшее изложение будет посвящено выявлению таких закономерностей возникновения «нестандартной» грамматики Максима Грека как парадоксальных практических следствий средневековой грамматической теории.

Практическим воплощением этой теории на церковнославянской почве для Максима Грека мог выступать только *Донатъ* Дмитрия Герасимова. Будучи полифункциональным по своему назначению и восприимчиво в истории церковнославянского языка, перевод Доната для Максима Грека был единственным грамматическим славянским руководством, пригодным для практического изучения церковнославянского⁶, происходившего одновременно с переводами 1518–1522 гг.

⁵ Все названные формы используются Герасимовым для передачи латинской грамматики: пассив *авнигъся, возавнигъся, полънигъся* и *тон* соответствует синтетическим латинским формам пассива, опатив представлен вариантными формами *ѡ да чтечь, ѡ да чтѣчь, ѡ читаль, ѡ читахъ, да бы тон чель*, в которых использование частиц связывается с маркерами опатива в немецком тексте-посреднике Доната Герасимова [20. С.16]. О полных и кратких прилагательных в тексте Доната см. далее в настоящей статье, а также об отличии их употребления Максимом Греком от церковнославянского узуса см. [26]. Отсутствует в Донате лишь парадигма местоимений *ниже, гаже, еже*, однако характерно присутствие этих актуальных для Максима Грека форм в списках Доната, содержащих контаминированный текст: *всѣгда ѡ различїи, сирѣчь ѡ членѣхъ* добавлена в него по греческому образцу, возможно, на основе трактата о восьми частях слова [13. С. 592; 21. С. 26].

⁶ В случае с Максимом Греком сама идея «навыка» церковнославянскому языку посредством грамматики является более чем актуальной, ибо именно такой способ изучения греческого и латыни был для него привычным. Полученное им на родине образование должно было включать в себя тесное знакомство как с более ранними византийскими вопросно-ответными грамматиками Максима Плануда и Мануила Мосхопула, так и с новейшими, современными ему «Эротематами» Мануила Хрисолора и Константина Ласкариса. Первое издание «*Erotemata sive quaestiones*»

или вскоре после них. Специфические именные образования, о которых идет речь, представляют собой результат осмысления той грамматической информации, которая содержится в славянской части Доната: производность «русских» именных парадигм от латинских не исключает их ценности как имплицитного описания славянской грамматической системы.

Именные формы представляют собой зону максимального противопоставления между греческим и латынью, с одной стороны, и церковнославянским – с другой. У Герасимова следствием этого выступает отсутствие в зависимой от латыни падежной системе церковнославянских творительного и местного падежей и необходимость обособления от основного текста перевода замечаний об устройстве славянской парадигмы. Для Максима Грека, как уже упоминалось, определенные трудности в усвоении славянской именной парадигмы составляет осмысление форм мест., отсутствующего в Донате, и род. и вин., удостоенных в тексте Герасимова отдельного комментария.

Своеобразие именного словоизменения и у Герасимова, и у Максима Грека определяется двумя основополагающими принципами средневековой грамматики. Один из них являлся методологическим – это мнемотехнический принцип распознавания, запоминания и порождения падежных форм, располагавший падежные флексии не в парадигматической последовательности, а в соотношении между собой омонимичных флексий разных падежей. Второй – теоретический – был унаследован средневековой грамматикой от античности и состоял в объединении существительных и прилагательных в одной категории «имени». Как будет показано ниже, сочетание и взаимопроникновение обоих принципов повлияло и на представленные в переводе Герасимова замечания о грамматических особенностях собственно русского языка, и на возникновение специфических грамматических форм в переводах Максима Грека.

Принцип омонимии используется в тексте Доната при характеристике заглавной формы в каждой из шести латинских именных парадигм, ср. в переводе Герасимова: *мѹза ѿмѹ нарицателноѹ рода же҃ска числа єдинствена҃. ѡ҃раза єдинор҃на҃. паде҃нї именователна҃. и звател҃на҃ и ѡрицател҃на҃го [...] или сѣдмалїце ѿмѹ нарицателноѹ рода посре҃дна҃го числа єди҃ствена҃го. ѡ҃раза проста҃ паде҃нї ѿмѹновател҃на҃. и виновна҃го і звател҃на҃* [21. С. 234, 240]. На основе этого принципа строится вопросно-ответная переработка Доната, содержащаяся в списках грамматики после основного текста и развернуто представляющая все парадигмы [13. С. 585–589]. В соответствии с мнемотехникой «мест и образов», использовавшейся при обучении языкам еще с античности [20. С. 17–23], одна флексия может занимать одно, два или три места в парадигме.

Основной собственно славянской парой омонимов у Герасимова выступают флексии род. и вин. падежей. Совпадение этих форм рассматривалось автором церковнославянского Доната как аналогия множественным случаям совпадения латинских падежных флексий внутри парадигмы, при этом категория одушевленности, в выражение которой вовлечены эти формы в русском языке, не входила в поле зрения грамматиста. Если в латинской «Ars minor» омонимия использовалась в дидактических целях – как составная часть техники запоминания форм, то независимое от латинского текста замечание переводчика о формальном тождестве славянских род. и вин. падежей является, скорее, атрибутом спекулятивного средневекового грамматического описания. De facto в эти отношения включен и

Хрисолора вышло в 1484 г., а «Erotemata» или «Compendium octo Orationis partium etc.» Ласкариса – первая печатная греческая книга – в 1476 г. Оба автора неоднократно издавались в типографии Альда Мануция, с которой был связан Михаил Триволис в итальянский период своей жизни. В письме к Василию Михайловичу Тучкову Максим Грек упоминает, что «часто хаживал к нему книжным делом» [27. С. 198]. Речь идет о периоде между 1494–1495 гг. (время основания типографии Альда) и 1505–1506 гг. (принятие Максимом пострига в Ватопеде).

«отрицательный» падеж, соответствующий у Герасимова аблативу и состоящий из предлога ѿ и род. падежа⁷.

Замечание о тождестве род. и вин. падежей особо выделено среди всех других случаев совпадения славянских именных флексий. Во всех списках Доната это замечание предваряет парадигму склонения типа fructus – плодъ: По словескоумъ ꙗзыкъ. во именовате^{ном} и зване^{ном} токмо. ед^н. есть гла [роствены и же] плоде^н есть вино^{ном} [21. С. 249]. Далее в тексте это подтверждается формами из парадигм разных типов склонений, причем в род. и вин. даны омонимичные формы: 1) мн. ч. мужского и женского рода (сѣхъ мастеровъ/оучителейъ, сѣхъ сопѣлен/м^нростен, сѣхъ плодовъ), 2) ед. ч. мужского рода (сего мастера/оучителя, сего плода) одушевленных и неодушевленных существительных.

Помимо этого, в Казанском списке с переработанного текста 1522 г. есть следующее утверждение, вынесенное в начало изложения типов склонений и помещенное сразу после первой парадигмы magistr – мастеръ/магистеръ/учитель: в ѿском же ꙗзыкъ в^ъ мно^гствено^н числѣ роствено^н и виновное падѣние согласни сътъ в^ъ члѣне г глагѣ [21. С. 233].

Это внесенное в ходе переработки 1522 г. утверждение о совпадении форм мн. ч. претендует на некоторое обобщение и представляет собой определенное уточнение отвлеченной идеи омонимии форм, из которой исходил автор при заполнении других мест парадигмы в процессе первоначального перевода грамматики. Уточнение заключается в ограничении омонимии только формами данных падежей во мн. ч., а обобщение – в полном соответствии со средневековым категориальным объединением существительных и прилагательных – распространяет эту омонимию не только на формы (одушевленных) существительных мн. ч. в род. и вин. падежах, но и на другие – адъективные – формы «имени» в этих грамматических позициях. Именно по отношению к последнему данному утверждение следует признать абсолютно корректным: оно справедливо как для современных русских форм, так и для форм прилагательных у Герасимова, имеющих в род. и вин. мн. унифицированную флексию -ѹхъ.

Адъективная парадигма у Герасимова представлена формами блаженъ, счастливъ, богатъ, чистенъ, соответствующими латинскому имени общего рода felix. Данный отрывок в Донате Герасимова не имеет латинского подстрочника и является вставкой, размещенной в Казанском списке в соответствующем разделе грамматики, а в других списках – в конце текста [21. С. 256–257]. Эта парадигма реализует в себе оба упоминавшихся принципа: омонимии и категориального объединения именных и адъективных форм. Во-первых, можно предполагать, что в этой парадигме мн.ч. не случайно пропущены формы вин. падежа: только эти формы полностью совпадают с формами род. падежа, и сознательный или невольный их пропуск при заполнении парадигмы можно объяснить действием правила омонимического запоминания, сказавшегося в данном случае при воспроизведении форм. Во-вторых, парадигма прилагательных у Герасимова содержит краткие формы в номинативе и полные – в косвенных падежах, причем в интерлинейрном тексте Доната присутствуют только формы им. падежа, эквивалентные латинскому существительному felix, а вся остальная парадигма появляется в несоотносимом с латинским текстом добавлении, описывающем собственно славянское склонение. В подобной контаминации именных и местоименных форм в парадигме прилагательных можно видеть такое же движение грамматической мысли переводчика от абстрактной идеи к ее конкретной языковой реализации, попытку совместить универсальную теорию грамматики с языковой практикой, как и в случае с определением омонимичных пар падежей.

⁷ О причинах перевода латинского аблатива у Герасимова именно такой конструкцией см. [19. С. 9–11].

Переводы Максима Грека демонстрируют, условно говоря, результат двойного преломления: изначальное назначение Доната как руководства для обучения латыни предопределило своеобразие представленных в этом тексте церковнославянских форм, и столь же индивидуально формы Герасимова были осмыслены Максимом Греком. Результаты такого осмысления можно проследить по текстам двух библейских переводов раннего периода: IV Маккавейской книге (М) и книге Есфирь (Е)⁸. Текст книги Есфирь приводится далее по рукописи конца XVI в. БАН Доброхот. 32 (Воскр. 6), л. 301об.–317об. [30. С. 63–69], IV Маккавейская книга – по рукописи начала XVII в. [1. Ф. 304. I. № 201. Л. 112об.–120; 31. С. 208].

В соответствии с заявленной у Герасимова омонимией форм род. и вин., у Максима Грека окончания род. падежа присутствуют в вин. неодушевленных существительных: 1) мужского рода ед. ч.: М 11.25 *пеложити помысла нашего* (л. 118 об.), М 5.17 *ни по єдиноу вєразѣ прєстѹпати закона* (л. 114об.), М 9.3 *прєстѹпѣти закона* (л. 113об.), М 6.7 *имѣаше і неуклонна помысла* (л. 115), М 9.30 *зѣла побєжѣема годѣго помысла* (л. 117об.), М 7.8 *такимъ подовѣтѣ быти єїєннодѣствѣщиѣмъ закона* (л. 116), М 7.8 *защитѣти закона* (л. 116); 2) женского и среднего рода мн. ч.: М 13.1 *прєзрѣша волѣзнен* (л. 119 об.), М 17.2 *немоцныхъ показавши злыѣ егѣ оумышлєніи* (л. 120). В греческом оригинале формам род. падежа Максима соответствует нормальный вин. падеж либо сложный глагол (например *прєстѹпати закона* – *παράνομειν*). Независимость форм Максима от греческих подтверждает и объединение в пределах одной синтагмы род. и вин.: М 5.23 *яко вєлкого тѣрѣдѣ и волѣзнь волею терпѣти* (л. 114об.), Е 2,3 *да нзвєрѣтѣ ѿтѣроковѣци дѣѣ доврѣтѣ видѣ* (л. 304).

В книге Есфирь, переведенной, по-видимому, позже Маккавейской книги⁹, почти нет форм род. вместо вин. в ед. ч., не считая единственного примера: Е 6.1 *гдѣ же ѡѡтѣ сна* (л. 311об). Другие немногочисленные случаи имеют отношение исключительно к формам мн. ч., ср.: Е 4.17h *не истѣрєки ѡстѣ поѡщиѣ тѣ* (л. 309), Е 6.2 *ѡѡрѣтѣтѣ писаниѣ списаныѣ ѡ мардохєє* (л. 312), ср. Е 8.5 *да возвратѣтѣ писаниѣ посланаѣ ѡ аманѣ* (л. 314).

Все приведенные примеры находят поддержку в Донате: вин. = род. существительных мужского рода ед. ч. у Максима Грека соответствуют формам *плода* у Герасимова, а формы вин. = род. существительных мн. ч. задаются сформулированным в грамматике правилом омонимии. В этом правиле не указан род существительных: по умолчанию у Максима Грека правилу подчинены имена всех трех родов (в тексте Герасимова омонимичные формы *de facto* имеют лишь *masculina* и *feminina*). В сокращении форм вин. = род. ед. ч. в книге Есфирь по сравнению с Маккавейской книгой можно усмотреть некоторую эволюцию грамматических представлений переводчика, параллельную движению грамматической мысли Герасимова: от абстрактной омонимии род. и вин. к реальному совпадению более узких грамматических позиций.

Наиболее характерные для языка Максима Грека формы мест. вместо род. падежа одинаково часто встречаются в обоих библейских текстах: М *graeſ. прєзрѣвѣше волѣзненѣ* (л. 113) (ср. стандартную форму в М 13.1 *прєзрѣша волѣзнен* (л. 119об.)),

⁸ Эти переводы выступали в качестве самостоятельных объектов, изучения с точки зрения текстологии и лингвистических особенностей в работах [28, 29]. В них же приведен список всех известных рукописей и описание собраний сочинений Максима Грека, содержащих эти тексты. IV Маккавейская книга переведена с греческого текста в сокращенном варианте, авторство которого приписывалось Иосифу Флавию, ср. церковнославянское название: *їосифѣ іудє танїна слово ѡ тоѣ, яко гл҃гоче тѣмъ помысла, самодрѣжеѣ єтѣ стѣратѣ і снє тѣвлѣтѣ ѡ вѣшеєтѣтѣвеннаго тѣпѣнїѣ. єже ко горѣчїиѣмъ мѣкамъ, макѣвѣѣмъ мѣченыхъ бывшихъ анѣнохома* [1. Ф. 304. I. № 201. Л. 112об]. Максимов перевод книги Есфирь был использован позднее редакторами острожской Библии 1581 г. в качестве основного источника: при исправлении ему отдавалось предпочтение перед греческим оригиналом книги Есфирь и текстом Геннадиевской Библии 1499 г. [29. С. 111–112].

⁹ Соображения об относительной хронологии этих двух переводов см. [26].

М praef. глаголю же емазара седмичи брати ѿмѣри ихъ (л. 113), М 12.12 ѿ чѣхъ^ж вывѣши стихѣе (л. 119 об), М 4.26 ѿвѣщенїа юдѣнскаго закона и обычае^х (л. 14), М 9.2 студи^нска бо прародителе^х (л. 116об.), М 5.2 повел^к имъ единого когоч^ю ѿ еврее^х привлачити (л. 114), М 7.9 не разорилъ еси вѣтвеныя прем^арости словесехъ (л. 116), М 8.2 повелѣ антиохъ ины^х ѿ пленены^х еврее^х привет^и (л. 116), Е 10.3 любн^н ѿидее^х, Е 9.16 пошла ѿ бране^х (л. 317), Е 2.17 ѿбръкте влчть па^а всѣхъ дѣл^х (л. 304 об.), Е 2,7 по преставленн^нх^х родителе^х ел (л. 304), Е 6.1 спѣски поматныя днѣхъ ѿнѣхъ (л. 311об.), Е 4.13 па^а всѣхъ идее^х (л. 308). В обоих текстах формы мест. падежа возможны и вместо вин., т.е. вин. = род. = мест.: Е 4.17а воспоминаа всѣхъ дѣлѣхъ гн^нх^х (л. 308об.), Е 3,8 жъзыкъ црк^нхъ законѣхъ не слушае^т (л. 305об.), Е 8.5 погубити идее^х (л. 314), М 8.7 властеле^х васъ поста^алю (л. 116об.), М 4.11 аподонн^н... молаше идѣе^х (л. 113об.), Е 8.12р мы^х преданы^х на пагубу идѣе^х ѿ треклатга^а амана ѿбръктае^н на злодѣе^х (л. 315об.). Обратная замена, т.е. окончание род. вместо мест., встречается лишь один раз: М 11.3 о^у множайши^х неправ^ованн^нх^х по^имѣши ѿ не^наго соуд^а бо^лшю^у мѣк^у (л. 118об)¹⁰.

В контексте преимущественно грамматического, а не текстологического изучения церковнославянского языка Максимом Греком происхождение данных форм также обусловлено спецификой падежной парадигмы имен в Донате, а именно двойственностью в описании именных и адъективных форм (декларированное тождество/реальное несовпадение по крайней мере форм словоизменения). В самом деле, для адъективных форм род. и мест. падежей мн. ч. актуальна омонимия флексий. Формы род. даны у Герасимова с окончанием **-ыхъ**, а мест. падежа в его парадигме нет. Объединение местоименных окончаний мест. и род. по принципу омонимии и распространение этого принципа на именные формы и повлекло за собой появление у Максима Грека в позиции род. падежа существительных с флексией **-хъ** (причем это относится не только к беспредложному род., но и к род. с предлогом **ѿ**, соответствующему «отрицательному» падежу – эквиваленту аблатива у Герасимова). Совпадение подобных с форм со стандартными формами мест. падежа не находило формального противоречия в парадигме Герасимова: в последней, как уже говорилось, мест. падеж как таковой отсутствует. Отсутствие мест. падежа в церковнославянской грамматической традиции могло дать Максиму дополнительные основания для подобного осмысления соответствующих форм. Таким образом, появление специфической формы род. мн. ч. есть следствие объединения внутрипарадигматических и межпарадигматических связей именных и местоименных форм.

Итак, грамматические формы языка ранних переводов Максима Грека обнаруживают несомненную связь с Донатом Дмитрия Герасимова. В случае с именными формами такая связь не столь очевидна, как для глагольной парадигмы прошедшего времени: именные парадигмы еще не кодифицированы должным образом в церковнославянской грамматике. Тем не менее эта связь обнаруживается на уровне системы именных форм и находится в зависимости от переработки Доната от учебника латыни к описанию церковнославянского/русского языка. В качестве последнего и выступал **Донатъхъ** при освоении Максимом Греком церковнославянского.

Актуальный для Максима Грека статус Доната вкупе с фактической незавершенностью эмансипации в нем собственно славянской грамматики от латинской обусловил не просто восприятие им определенных форм и утверждений перевода Герасимова, но и их специфическое осмысление в соответствии со средне-

¹⁰ Однонаправленность замены падежных форм является важной отличительной чертой их изначального грамматического происхождения. У Максима род. замещает собою вин., но не наоборот: род. занимает в парадигме место раньше вин., который уже выводится из него. мест. п. появляется в позиции род., но не наоборот, так как он «не легитимен» в церковнославянской грамматике, объединен с род. «помимо» нее, для него не прописана возможность образования формы от род. падежа.

вековыми теоретическими представлениями и практическими методами грамматики. Такое осмысление подразумевает категориальное объединение именных и местоименных форм и операции с формами внутри и между парадигмами имен по принципу омонимии. Операционный механизм, используемый переводчиком для оформления падежных значений в церковнославянском, действует на уровне «универсальное падежное значение – церковнославянская флексия» и определяет этот необходимый вариант через соотнесение омонимов, подсказанных парадигмой Герасимова. Результатом этого и стало появление окончаний род. в позиции вин. и мест. в позиции род. падежа.

Предложенная экспликация «нестандартных» падежных образований Максима Грека позволяет объяснить их сосуществование в его языке наряду с грецизированными грамматическими формами: в начальный период филологической деятельности Максима ориентация на греческий язык и ориентация на грамматику церковнославянского в варианте Доната сочетаются и дополняют друг друга, реализуясь в разных типах филологической деятельности, разных типах текстов и разных локусах грамматической системы. Кроме того, получает лингвистическое обоснование высказывавшаяся ранее гипотеза о том, что сотрудничество Максима Грека и Дмитрия Герасимова не ограничивалось переводом богослужебных книг, но распространялось и на их языкотворческую деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рукописный отдел Российской государственной библиотеки.
2. Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1971.
3. *Ковтун Л.С., Синицына Н.В., Фонкич Б.Л.* Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки: источники для их изучения. М., 1973.
4. *Живов В.М., Успенский Б.А.* Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // Russian Linguistics. 1986. V. 10. № 3.
5. *Краевец Е.В.* Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI века // Russian Linguistics. 1991. V. 15. № 3.
6. *Ромодановская В.А.* «Седе одесную отца» или «сидел еси»? К вопросу о грамматической правке Максима Грека // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000.
7. *Olsted H.M.* Recognizing Maksim Grek: Features of his Language // Palaeoslavica. 2002. T. X. № 2.
8. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: библиографические материалы. СПб., 1903.
9. *Ржига В.Ф.* Неизданные сочинения Максима Грека // Byzantinoslavica. 1936. Т. 6.
10. *Denissoff E.* Maxime le Grec et l'occident: contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris, 1943.
11. *MacRobert C.M.* Maksim Grek and the Norms of Russian Church Slavonic // Papers to be presented at the XIV International Congress of Slavists. Ohrid, 2008.
12. *Преподобный Максим Грек.* Сочинения. М., 2008. Т. 1.
13. *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1896. Т. 1.
14. *Живов В.М.* Славянские грамматические сочинения как грамматический источник // Russian Linguistics. 1986. V. 10. № 1.
15. *Worth D.S.* The Origins of Russian Grammar: Notes on the State of Russian Philology before the Advent of Printed Grammars. Columbus, 1983.
16. *Keipert H.* Deutsches im russischen Donat // Die Welt der Slaven. 1989. № 34/2.
17. *Daiber T.* Die Darstellung des Zeitwortes in ostslavischen Grammatiken von der Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert. Freiburg, 1992.
18. *Ising E.* Die Herausbildung der Grammatic der Volkssprachen in Mittel- und Osteuropa. Berlin, 1970.
19. *Захарьин Д.Б.* О немецком влиянии на русскую грамматическую мысль // Russian Linguistics. 1991. V. 15. № 1.
20. *Захарьин Д.Б.* Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV – сер. XVIII вв.) // Specimina philologiae slavicae. München, 1995. Bb. 40.

21. Der russische Donat: Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik / Hrsg. und komment v. V. S. Tomelleri. Köln, 2002.
22. Горский А.В. Максим Грек Святогорец // Прибавления к изданию творений святых отцов. М., 1859. Ч. 18.
23. Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.
24. Синицына Н.В. Раннее творчество Максима Грека // *Преподобный Максим Грек*. Сочинения. М., 2008. Т. 1.
25. Томеллер В.С. Опыт изучения рукописной традиции Доната // *Ricerche slavistiche*. 1995. Vol. XLII.
26. Вернер И.В. Нестандартная грамматика библейских переводов Максима Грека: влияние Доната Дмитрия Герасимова на церковнославянский язык IV Маккавейской книги и книги Есфирь // Палестинский сборник. СПб., в печати.
27. Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека: неизданные тексты. Л., 1984.
28. Олмстед Х.М. К изучению библеистики Максима Грека. Перевод четвертой книги Маккавеев на церковнославянский язык // Археографический ежегодник за 1992 г. М., 1994.
29. Taube M., Olmsted H.M. «Povest' o Esfiri»: the Ostroh Bible and Maksim Grek's Translation of the Book of Esther // *Harvard Ukrainian Studies*. 1987. V. 11. № 1–2.
30. Срезневский В.И., Покровский Ф.И. Описание рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук. СПб., 1915. Т. II.
31. Иеромонах Арсений, иеромонах Иларий. Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // *ЧОИДР*. М., 1878. Кн. 2. Т. 1.

© 2010 г. А. А. САФОНОВ

ДОКУМЕНТАЦИЯ ДОВЕРИЯ: СПИСКИ
ЗАЕМЩИКОВ ИЗ МАНАСТИРА
1607–1610 годов

Списки заемщиков – относительно малоизученный источник по истории балканских владений Османской империи.

Подобные списки составлялись кредиторами-заимодавцами, а каждая сделка официально заверялась судьей-кадием в присутствии должного числа свидетелей. Поэтому списки входят в фонды так называемых сиджиллов – особого рода дневников, в которых кадии отмечали совершенные ими нотариальные операции различного рода. По своему функциональному назначению списки представляли собой юридические документы, в соответствии с которыми с должников-заемщиков могли быть взысканы суммы займов и проценты по ним. Списки также служили сводками финансовой деятельности кредиторов за тот или иной период времени.

Государственный архив Македонии¹ в 1960-х годах провел большую работу по выявлению и введению в научный оборот османской документации, сохранившейся в Македонии. В результате многолетней работы македонских османистов М. Соколоского, А. Старовой и В. Бошкова в числе других документов кадилыка Манастир² были опубликованы пять списков заемщиков начала XVII в. [1. С. 1–30].

Как следует из самих списков, крупным местным кредитором выступал вакуф визиря Ахмет-паши – специализированный фонд, доходы которого распределялись между исламскими учреждениями самого города Манастир, включая мечеть (джамию) Айдар-кади (Эльхан Керде)³ и месджид шейха Хызыр Бали. В качестве сотрудников вакуфа в списках упоминаются имам Мехмет Халифе, мутевелии (управляющие делами) Омер Челеби, Коджа Меми Челеби и Курд Чауш, а также векилхарч (эконом) Баба Муслихуди́н. Руководил вакуфом глава мутеферриков Высокой Порты Джафер-ага.

Исламский институт вакуфов получил широкое освещение в историографии. Исследователи анализировали экономическую роль вакуфов как крупных землевладельцев, изучали процесс и мотивы перевода собственности в категорию вакуфа, определяли значение вакуфов для распространения ислама на Балканском полуострове (историографический обзор см. [3. С. 11–56]).

Сафонов Александр Андреевич – аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ В настоящее время – Државен архив на Република Македонија, ранее – Државна архива на Социјалистичка Република Македонија.

² Манастир – османское название города Битола в современной Республике Македония.

³ Построена в 1561/1562 гг. Подробнее о мечети см. [2. С. 98–99].

Владевшие значительным капиталом и пускавшие его в оборот вакуфы наряду с различными товариществами и мудараба⁴ играли важную роль в развитии кредитного дела. Между тем, кредитную функцию вакуфов многие историки-османисты традиционно оценивают негативно. Рассматривая кредитное дело как замаскированное ростовщичество, исследователи оценивают процентные ставки как чрезмерно высокие, способствующие разорению и обнищанию заемщиков – мелких сельских или городских производителей. Так, В. Мутафчиева полагает, что вакуфы стали крупнейшими османскими кредитными организациями потому, что их религиозный статус позволял обходить запрет шариата на ростовщичество и гарантировал неприкосновенность капитала от посягательств со стороны государства [5. С. 128]. Сравнивая материалы из Манастира с аналогичной документацией из Калканделена⁵, М. Соколовский различает губительную роль ростовщичества для крестьян и позитивную – при кредитовании городского ремесла и торговли [6. С. 152].

В рамках данной статьи предполагается раскрыть ту роль, которую играла кредитная деятельность вакуфа Ахмет-паши в жизни Манастира и его окрестностей. Возможность подобного анализа обусловлена значительной информативностью и репрезентативностью рассматриваемой коллекции.

Манастирская коллекция включает два списка 1607 г. (119 займов в первом случае и 11 во втором), а также обновления списков 1608 г. (восемь займов), 1609 г. (62 займа) и 1610 г. (23 займа) [1. Док. № 1, 2, 4–5, 7]. В общей сложности зафиксировано 223 займа на годичный срок. Разница в количестве займов в разные годы, вероятно, указывает на неполную сохранность коллекции и утрату некоторых из ранее существовавших списков.

Однако даже сохранившиеся и опубликованные списки представляют собой значительный массив данных, локализованный как во времени (четыре последовательных года), так и по территории (все займы были выданы в одном городе). Подобная локализация придает манастирским спискам характер уникального источника. Многие из зафиксированных в них займов выдавались одним и тем же заемщикам, что делает возможным построение индивидуальных кредитных историй. А краткость временного периода, к которому относятся списки, позволяет избежать погрешности в возможных расчетах, связанной с характерной для XVII в. в Османской империи «революцией цен». Тем самым манастирские списки дают возможность выявить некоторые из важнейших параметров местной социальной среды.

Каждая запись в списках формализована: указывается сумма займа, годовой процент, имена и места жительства заемщиков, имена и места жительства поручителей, имена свидетелей заключения сделки. Иногда к имени прибавляются указания на профессию, родственные отношения и социальный статус. Если заем гарантированный, то указывается предмет залога и условия его использования в период займа. Некоторые записи сопровождаются маргинальными пометами о внутренних операциях вакуфа.

Почти во всех зафиксированных случаях займов имели место равные условия процентной ставки – 15% годовых⁶. Данную процентную ставку можно признать высокой: в азиатских займах 1599–1601 гг. она составляла 13 %, а шариатская норма не превышала 10% [7. Р. 107; 8. С. 121]. Однако 15 % годовых соответствовали обычному праву балканских народов, что было зафиксировано, например, в албанском Кануне Леки Дукагини [9. С. 31].

⁴ Подробнее о формах кредитных организаций см. [4. Р. 100–101, 132–135].

⁵ Калканделен – османское название города Тетово в современной Республике Македония.

⁶ 219 случаев, три исключения (13, 20 и 32%), по всей видимости, представляют собой технические ошибки.

Разница между обычными и «привилегированными» займами состояла лишь в количестве поручителей. Так, некоторым представителям местной элиты (например, монастырскому чаушу Абдулу Баки), а также сотрудникам вакуфа (имаму, векилхарчу, мутевелию) займы предоставлялись без поручительства и залога.

Специфика османской провинциальной документации налагает серьезные ограничения на постановку исследовательских вопросов. Большинство документов отражает лишь некоторые взаимозависимые показатели: лояльность жителей к провинциальной администрации, их платежеспособность, религиозно-правовой статус в рамках системы миллетов. Поэтому более подробные, хотя и формализованные, сведения монастырской коллекции вызывают особый интерес и позволяют составить исследовательскую базу данных для последующего статистического анализа.

Итак, институт кредитования основан на многократном доверии. Заимодавец доверяет заемщику денежные средства. Заимодавец доверяет платежеспособности поручителей заемщика. В свою очередь, поручители доверяют заемщику, а также друг другу.

Доверие никогда не бывает случайным. Поручители и заемщик должны быть знакомы на протяжении длительного времени. Как показывает анализ монастырских списков, многие поручительства совершались родственниками, некоторые – партнерами по ремеслу. В 99 % случаев поручители проживали в том же населенном пункте, что и заемщик.

Внутренние связи в кругу заемщиков и поручителей представлены в табл. № 1.

В числе заемщиков и поручителей часто присутствуют православные священники и исламские духовные лица. В списках упоминаются семь священников (три из них дважды), шесть имамов (один дважды) и два муэдзина (один дважды). Но никаких свидетельств о наличии у них каких-либо особых привилегий или значительного богатства списки не содержат. Можно предположить, что их авторитет не выходил за рамки руководимых ими религиозных общин.

Таблица № 1

Связи в кругу заемщиков и поручителей

Вид связей	Количество сделок
Прямые родственники:	16
отцы – сыновья,	6
братья,	9
тесть – зять	1
Возможные родственники (совпадение вторых имен):	27
Возможные родственники (совпадение первого имени и второго имени у разных людей):	24
Партнеры по ремеслу:	11
мясники,	4
кожевники,	4
такияджии ⁷ ,	2
скорняки	1
Православные священники	2
Исламские духовные лица	3

Классификация сделок

Тип займа	Заемщик	Поручительство и/или залог	Количество сделок	%
Без поручительства и залога	Лицо либо группа лиц	Нет	12	5,4
Коллективные				
всего:			134	60
представительские	Лицо либо группа лиц	Все жители общины	20	9
общинные	Все жители общины	Все жители общины	111	49,8
общинные с дополнительным поручительством	Все жители общины	Все жители общины и иное лицо	3	1,4
Индивидуальные				
всего:			88	29,6
общие	Лицо либо группа лиц	Иное лицо либо иная группа лиц	32	14,4
взаимные	Группа лиц	Та же группа лиц	31	13,9
взаимные с дополнительным поручительством	Группа лиц	Та же группа лиц и иное лицо	3	1,4
Гарантированные				
всего:			9	4
общие	Лицо	Материальный залог	4	1,8
с дополнительным поручительством	Лицо	Материальный залог и поручительство иного лица	5	2,2
Отсутствует информация			2	0,9

Общая классификация сделок, зафиксированных монастырскими списками, обобщена в табл. № 2.

Коллективный и индивидуальный типы займов роднит между собой солидарная ответственность заемщиков и их поручителей. Разница состоит в том, что в первом случае жители села или городского квартала-махаллы образуют некое «юридическое лицо» – общину, тогда как во втором случае заемщики и поручители выступают от собственного имени.

Исходя из количественного распределения сделок, можно предположить, что круговая порука общинников (коллективные общинные сделки) была наиболее распространенным и, следовательно, надежным типом займа. К круговой поруке близок тип индивидуальных взаимных сделок, когда каждый из группы заемщиков поручается за всех остальных.

Интерес вызывает тип «представительских» сделок. Скорее всего, заемщик был лишь авторитетным представителем своей общины, и следовательно, данный тип является разновидностью круговой поруки: община присылала для ве-

Характеристики залогов

Предмет залога	Количество сделок	Стоимость, акче ⁸
Дом	2	500
Дом и лавка на рынке	1	500
Земельный участок	2	6 000
Чифтлик	2	1 000
Дом, сад, пастбище	1	10 000
Луг	1	500

дения переговоров с кредитором доверенных лиц. Выскажу предположение, что указание имен представителей и дополнительных поручителей объяснялось тем, что данные лица ранее участвовали в индивидуальных сделках, и автор списка стремился отслеживать кредитную историю каждого заемщика.

Высокая доля коллективных сделок (60%) демонстрирует, что потребность в займах возникала регулярно. Развивая гипотезу Е. Гроздановой [10. С. 102–104], решусь предположить, что основной регулярной тратой общин была уплата налогов. Следовательно, изучаемый нами вакуф мог обслуживать следующую поэтапную «финансовую» схему:

1. Заключается сделка, и кредитор передает общине сумму займа.
2. Община передает сборщикам сумму займа в счет уплаты налогов.
3. После сбора и реализации урожая община получает определенный доход.
4. Из этого дохода община возвращает кредитору сумму займа и процент по нему.
5. Сделка заключается на новый год на прежних условиях.

Подобная «финансовая» схема была выгодна для общины, поскольку позволяла исправно и своевременно исполнять все налоговые обязательства и избегать конфликтов со сборщиками. Вакуф, в свою очередь, получал стабильный ежегодный доход.

Обратим внимание на гарантированные сделки. Основные характеристики залогов сведены в табл. № 3.

Малое количество гарантированных займов относительно общего числа сделок показывает, что требование к предмету залога со стороны залогодержателя могли удовлетворить буквально единицы из заемщиков. В качестве залогодателей упоминаются горожане (четыре случая), землевладельцы (два), разорившийся спахий (дважды) и село, заложившее общинные угодья.

Спахий для получения кредита прибыл из села Тополчани, а землевладельцы – из г. Лерин (современная Греция), дальность их пути до Манастира составляла не менее 40 км. Видимо, далеко не каждый вакуф соглашался проводить операции с залогом, а потому залогодатели были вынуждены обращаться за займом на значительное расстояние от места своего проживания.

Как видим, в качестве предмета залога ценилась лишь недвижимость и земельные угодья, т.е. вакуф не был ломбардом. Удивительно, но в монастырских списках не упоминается ни одного случая залога скота, будущего урожая или товаров. Вероятно, это объясняется «революцией цен»: недвижимость представляла собой наиболее надежное вложение средств.

Детали гарантированных сделок сравнительно сложны, поскольку процедура предполагала оценку залога и определение условий его эксплуатации. В одном слу-

⁷ Денежная единица, серебро.

чае залог давал последнюю возможность выплатить долг перед третьими лицами. В трех случаях вакуф покупал недвижимость. В двух случаях сделка сопровождалась дополнительным договором аренды, по которому заемщик брал недвижимость в аренду у вакуфа, в том числе и под поручительство. Благодаря такому договору вакуф вместо 15 % годовых по займу получал арендную плату в том же размере.

Если посмотреть на объем сделок, то наиболее часто встречаются суммы в 2 000 акче (42 сделки), 1 000 (30), 3 000 (29), 4 000 (23), 1 500 (21), 500 (13). Наименьшей суммой является 500 акче, наибольшей – 16 200 акче. Приблизительную покупательную способность этих сумм можно оценить по предметам залога, указанным в табл. № 3.

Первое, что бросается в глаза, – абсолютное преобладание «круглых» сумм, что может быть объяснено целевым назначением займов, состоявшим в обеспечении уплаты фиксированных налоговых платежей. Также вероятно действие субъективного фактора – неграмотные заемщики старались избегать вычислений и прибегали к заранее известной сумме.

Традиция брать определенный заем отчетливо видна на примере с. Кукуречани. Вначале село взяло на круговую поруку огромную сумму в 15 000 акче, а через два года четыре односельчанина взяли точно такой же заем. Зафиксирован 51 случай «повторения» суммы займа для того же села в разных списках коллекции, в том числе семь случаев трехкратного займа одной и той же суммы и один случай четырехкратного займа – это приблизительно половина всех сделок.

Высокий показатель регулярности сделок означает, что их условия представлялись приемлемыми для обеих договаривающихся сторон: заемщики без особых затруднений выплачивали долги.

Единственный случай разорения произошел с неким Хызыр-бегом сыном Алагёза, спахией из с. Тополчани, который после нескольких неудачных сделок был вынужден продать вакуфу свой чифтлик.

Средняя сумма сделки равна 3 200 акче. Для общих коллективных займов этот показатель несколько выше – 3 687 акче. Малых займов (до 1 000 акче) крайне немного – всего 18 случаев⁸. Не исключено, что вакуф просто избегал давать малые займы – вероятно, из соображения, что берущий столь незначительную сумму имеет больше шансов разориться и не вернуть задолженность. Очевидна регулярность средних займов (2 000–4 000 акче), бравшихся селами с целью реализации описанной выше «финансовой» схемы, связанной с исполнением налоговых обязательств.

21 высокодоходная сделка (от 7 000 акче) принесла вакуфу значительный доход, но в целом данная категория сделок отличалась повышенным риском. Поэтому большинство операций совершалось в два транша, как это можно наблюдать на примере с. Кукуречани. Вероятно, первый «пробный» транш в половину необходимой суммы позволял кредитору оценить платежеспособность заемщика и целесообразность предоставления второго транша.

21 сделка достоверно и еще 16 предположительно связаны непосредственно с городом Манастир и его девятью кварталами-махаллами.

Для 77 сел (155 сделок) были найдены соответствия современным населенным пунктам, что позволило вычислить приблизительное расстояние между ними и Манастиром и свести данные списков в таблицу территориального распределения (см. табл. № 4). 18 населенных пунктов (31 сделка) отождествить не удалось.

Сделки охватывают территорию семи административных общин современной республики Македония: Битола, Демир-Хисар, Кичево, Крушево, Могила, Новаци, Прилеп, а также нома Флорина в современной Греции. В османском

⁸ По данным анатолийских списков, малые займы составляют 78% сделок (см. [7. P. 107]).

Территориальное распределение сделок

Район	Расстояние до Манастира, км	Количество сделок	Общая сумма, акче	Сумма средней сделки, акче
Манастир	0–5	37	87 300	2 359
Ближняя зона	6–25	52	190 450	3 663
Средняя зона	26–35	57	191 900	3 367
Дальняя зона	36–80	46	178 960	3 890

административно-территориальном делении данной территории соответствовали санджаки Паша (частично) и Лерин.

Большинство населенных пунктов охватывают равнину Пелагонии, но в ареал сделок включаются еще два «языка»: на юго-восток к Лерину и на северо-запад к Демир-Хисару. Как заметил А. Матковский, не было ни одного монастырского села, которое бы не имело задолженности перед каким-либо вакуфом [11. С. 108]. Поэтому наличие подобных «языков» может указывать на то, что в Охриде (к западу) и в Прилепе (к северо-востоку) действовали иные кредиторы, что вынуждало вакуф Ахмет-паши заключать сделки с клиентами, проживавшими сравнительно далеко от Манастира.

Исходя из анализа сумм, предположим, что кредитование сельских общин было наиболее выгодной и массовой операцией. Это еще раз подчеркивает аграрный характер средневековой экономики Пелагонии. Находящийся на пересечении торговых путей город Манастир представлял собою не столько ремесленный, сколько административный центр и место сбыта сельскохозяйственной продукции из окрестных сел.

Установить принадлежность участников сделок к тому или иному вероисповеданию позволяет анализ личных имен заемщиков и их поручителей. Имена христиан и мусульман не могли совпадать. Результаты соответствующего анализа представлены в табл. № 5.

Христиане брали займы чаще и на большие суммы, чем мусульмане. Возможно, это объясняется различным отношением к практике кредитования в христианской и мусульманской культуре. При этом следует учесть тот факт, что христиане составляли большинство сельского населения, а мусульмане – городского. На практике христиане заключали сделок намного больше, чем отражено в таблице. Подавляющее большинство сел, заключивших коллективные общинные сделки, были либо чисто христианскими, либо с преобладанием христианского населения.

В числе заемщиков и поручителей упоминаются и новообращенные в ислам, по отношению к которым применяется традиционная формула «сын Абдуллаха». Тот факт, что почти все указанные в списках новообращенные проживали в самом городе Манастир, указывает на интенсивность исламизации именно в городской среде, а также, вероятно, в среде крестьян, приходивших в город на временную работу.

Важное исключение – случай в с. Света Петка. Некий Хасан сын Абдуллаха брал два крупных займа по 1 500 акче под поручительство трех христиан из другого села Горна Клештина (оба села находятся на территории современной Греции). При этом двое из христиан поручались дважды. Можно объяснить подобный случай сохранением связей и взаимовыручки между христианами и их родственниками, перешедшими в ислам. Этот случай примечателен еще и тем, что поручители не являются односельчанами заемщика. Тем самым находит очередное подтверждение наблюдение македонских историков, согласно которому

Религиозный состав участников сделки

Вероисповедание участников сделки	Количество сделок	из них: Манастир	из них: села	Общая сумма, акче	%	Средняя сумма сделки, акче
Православные	57	3	54	173 200	57	3 039
Мусульмане	50	32	18	122 900	41	2 458
Мусульмане и православные	3	0	3	7 000	2	2 333

новообращенный в ислам выходил из христианской общины и потому стремился к переезду в то из соседних сел, где уже проживали мусульмане [12. С. 34]. При этом связи бывших односельчан не прерывались, чему способствовало малое расстояние между селами, – в данном случае оно составляло приблизительно 10 км.

Наличие связей между представителями разных религиозных общин выявилось и в селе Обедник, где двое мусульман поручились за пятерых односельчан-христиан, взявших значительный заем в 4 000 акче. Вероятно, гарантии мусульман воспринимались кредитором как более надежные, а потому христиане прибегали к их поручительству. Известен и обратный случай, когда христианин взял заем без поручительства, а свидетелем сделки выступил упоминавшийся выше спахий Хызыр-бег из с. Тополчани. Возможно, именно разорвавшийся спахий и был инициатором сделки.

За индивидуальными кредитными историями из монастырских списков стоят судьбы конкретных людей, чьи родственные, соседские, профессиональные связи проступают сквозь формализованные записи сведений о заемщиках и их поручителях. Тем самым списки выступают как своего рода «слепок» с повседневной жизни населения Манастира и его округа в начале XVII в.

Итак, можно сделать следующие выводы. В противовес сложившемуся в историографии мнению можно предложить позитивную оценку кредитной деятельности османских вакуфов. По данным списков, вакуф Ахмет-паши на равных и взаимовыгодных условиях предоставлял займы как мусульманскому, так и христианскому населению. Самым выгодным по соотношению прибыли к риску «сегментом» деятельности вакуфа являлось кредитование сельских общин путем регулярного предоставления займов ограниченному кругу постоянных клиентов. Большинство займов, вероятно, направлялось на осуществление ежегодной «финансовой схемы», обеспечивавшей своевременное исполнение налоговых обязательств.

Регулярное повторение крупных займов несмотря на высокую процентную ставку говорит об уверенности обеих сторон в возврате средств и не позволяют трактовать кредитную деятельность вакуфов как ростовщичество, ведущее к неизбежному разорению заемщиков. Показательно, что из числа заемщиков окончательно разорился лишь пожилой спахий Хызыр-бег из с. Тополчани, не сумевший адаптироваться к новым реалиям начала XVII в.

На фоне хорошо известных по другим источникам «революции цен», децентрализации и роста социального напряжения, совпавших с тяжелыми последствиями войны (1593–1606) против Габсбургов, списки из Манастира демонстрируют завидную стабильность социально-экономического положения Пелагонии, по крайней мере, в отношении широкого и репрезентативного круга заемщиков. Это лишний раз подтверждает значительные локальные различия в развитии отдельных балканских земель под властью Османской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Турски документи за историјата на македонскиот народ. Скопје, 1963. Сер. 1 (1607–1699). Т. 1 (26.06.1607–30.05.1623).
2. *Ayverdi E.H.* Avrupa'da Osmanlı Mimari Eserleri III: Yugoslavya. İstanbul, 2000.
3. *Ivanova S.* Introduction // *Radushev E., Ivanova S., Kovachev R.* Inventory of Ottoman Turkish Documents about Waqf Preserved in the Oriental Department at the St. St. Cyril and Methodius National Library. Sofia, 2003. P. 1: Registers.
4. *Inalcik H.* The Ottoman Empire: Conquest, Organization and Economy. London, 1978.
5. *Мутафчиева В.П.* За ролята на вакъфа в градската икономика на Балканите под турска власт (XV–XVII в.) // Известия на Института за история. 1962. Т. 10.
6. *Соколки М.* Осврт на вакафите и вакафските имоти во Тетовската нахија во XV и XVI век // Гласник на Ин-т за Национална историја. 1976. Vol. XX. № 3.
7. *Faroghi S.* Peasants, Dervishes and Traders in the Ottoman Empire. London, 1986.
8. *Мутафчиева В.* Основни проблеми в изучувањето на вакъфа како част од социално-икономическата структура на Балканите под османска власт (XV–XIX в.) // Проблеми на балканската историја и култура (Studia Balcanica. № 14). София, 1979.
9. *Лазович Џ.* Извлечение «Канун Леки Дукагини» из архива В. Богишича // Памятники обычного права албанцев османского времени. М., 1994.
10. *Грозданова Е.* Българската селска община през XV–XVIII век. София, 1979.
11. *Матковски А.* Крепосништвото во Македонија во време на турското владеење. Скопје, 1978.
12. Охрид и Охридско низ историјата. Скопје, 1978. Кн. 2. Од паѓањето под османлиска власт до крајот на првата светска војна.

© 2010 г. А.В. АНТОШИН

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ А.В. СОЛОВЬЕВА В ЭМИГРАЦИИ В 1950–1960-е ГОДЫ

(по материалам Русского архива Лидса)

Судьба известного российского историка А.В. Соловьева (1890–1971) уже неоднократно привлекала внимание исследователей. Как известно, немалый вклад в осмысление судеб российских эмигрантов внесли историки Сербии. Так, в статье белградского историка С. Аврамовича освещены основные вехи биографии А.В. Соловьева, отмечен его вклад в изучение истории славянского права [1]. Немало информации о жизни и деятельности российского историка-эмигранта можно найти на страницах фундаментального издания «Белоэмиграция в Югославии. 1918–1941», вышедшего в Белграде в 2006 г. в двух томах под редакцией известных сербских историков М. Павловича и Т. Миленковича [2]. Отдельные аспекты жизни А.В. Соловьева в Югославии, прежде всего, его разнообразные научные связи в 1920–1930-е годы затрагивались и в ряде публикаций на страницах журнала «Славяноведение» [3–4]. Тем не менее судьба историка, изобиловавшая крутыми поворотами, по-прежнему вызывает интерес исследователей. Одним из слабоизученных сюжетов является жизнь А.В. Соловьева после Второй мировой войны, особенно в 1950–1960-е годы. Основной комплекс источников по этому периоду хранится в личном фонде А.В. Соловьева, находящемся в Русском архиве Лидса (Великобритания). В нем содержится около 300 писем историка, его заметки, тексты лекций, написанные А.В. Соловьевым, статьи для иностранных газет и журналов и т.д. Материалы этого фонда, который ранее практически не использовался отечественными исследователями, позволяют существенно дополнить наши представления об одном из крупных российских историков-эмигрантов.

Напомним, что в дореволюционной России Александр Васильевич Соловьев успел окончить сначала, в 1912 г., юридический факультет Варшавского университета, а затем, через три года – и историко-филологический факультет того же учебного заведения, после чего был оставлен там же для подготовки к профессорскому званию по истории русского права. В годы Первой мировой войны А.В. Соловьев – ассистент Варшавского университета, в годы Гражданской войны преподавал в Ростове-на-Дону, успел получить звание приват-доцента. Но события революции и Гражданской войны привели к тому, что, как и многие представители российской интеллигенции, ученый оказался в эмиграции. Несколько десятков лет, до 1951 г., А.В. Соловьев прожил в Югославии, где сделал успешную академическую карьеру, став профессором истории славянского пра-

Антошин Алексей Валерьевич – канд. ист. наук, доцент Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

ва Белградского университета, защитил докторскую диссертацию, опубликовал ряд крупных трудов по истории права средневековой Сербии. Специалисты признавали его одним из наиболее авторитетных ученых в области средневековой истории Восточной Европы, указывая, что русский ученый отличался весьма широким «творческим диапазоном». Защищенная в 1928 г. докторская диссертация А.В. Соловьева – «Законник короля Стефана Душана» – была посвящена историко-правовым вопросам, но он занимался и средневековыми религиозными учениями, и историей русской литературы, музыки и геральдики. Как отмечают исследователи творчества А.В. Соловьева, он стремился вписать сербское право в широкий исторический контекст, изучая проблемы влияния на него византийского права и юридических норм других славянских народов.

Участвовал А.В. Соловьев и в научной жизни Российской зарубежья. В год защиты докторской диссертации он принял участие, например, в работе Четвертого конгресса русских ученых в эмиграции, который прошел в Белграде, выступив с докладом о статуте Корчулы. Занимал А.В. Соловьев и пост секретаря русской академической группы в Белграде. После оккупации Чехословакии нацистской Германией в столицу Югославии переместился и знаменитый Кондаковский институт, являвшийся одним из объединений русских историков в эмиграции. Одним из руководителей института на новом месте стал А.В. Соловьев [2. С. 234].

В жизни А.В. Соловьева, как и других российских эмигрантов, одним из переломных событий стала Вторая мировая война. В годы оккупации он прекратил педагогическую деятельность, но опубликовал ряд работ по проблемам истории права средневековой Сербии, правового положения сербских крестьян и ремесленников в Средние века. Большое значение в творчестве профессора приобрели проблемы истории геральдики, которые интересовали его еще в 1930-е годы. Именно по этим вопросам им и был опубликован ряд статей в воскресном приложении к газете «Обнова», которая ориентировалась на позицию главы марионеточного правительства Сербии генерала М. Недича. Эти статьи в итоге и сыграли роковую роль в судьбе историка.

Приход к власти в Югославии после Второй мировой войны коммунистов существенно изменил судьбу А.В. Соловьева. Как отмечает С. Аврамович, из-за сотрудничества с «оккупационными изданиями» в годы войны он был вынужден покинуть Белградский университет, но в 1947 г. принял приглашение стать деканом юридического факультета университета в Сараево. В этот период А.В. Соловьев стал активно заниматься вопросами боснийской истории, прежде всего, историей права, и сюжетами, связанными с юридическим положением крестьянства в средневековой Боснии. В этот же период выходит ряд работ А.В. Соловьева, посвященных истории учения богомилов [1. С. 244].

Его академическая карьера в университете Сараево была прервана арестом 9 октября 1949 г. А.В. Соловьеву было предъявлено обвинение в том, что в 1948 г. он прочитал (не сообщив об этом властям) текст резолюции Коминформа об исключении из этой структуры Югославии. Кроме того, по некоторым данным, сомнение вызывало и содержание лекций А.В. Соловьева, которые он читал студентам, соответствие их марксистской методологии. Но, несомненно, следует согласиться с Х. Бараном и Е.В. Душечкиной, что «политическим фоном» ареста А.В. Соловьева и его жены Натальи Николаевны стал разрыв отношений между СССР и Югославией [4. С. 51]. Как и многие другие эмигранты, после окончания Второй мировой войны Соловьевы приняли советское гражданство, что в новой ситуации создавало для них, как и для других эмигрантов, дополнительные проблемы [5. С. 179].

Состоявшийся в 1951 г. суд приговорил А.В. Соловьева к 18 месяцам тюремного заключения (которые он уже отбыл до суда), лишению права на пенсию. Какое-то время семья была вынуждена жить на заработки Н.Н. Соловьевой, зани-

мавшей преподаванием иностранных языков. С большим трудом ученому удалось эмигрировать в Швейцарию. Однако здесь та проблематика, которой он всю жизнь занимался, мало кого интересовала. Заметим, что об этом свидетельствуют не только те письма А.В. Соловьева Р.О. Якобсону, которые уже цитировались исследователями. На равнодушие местного академического сообщества к проблемам истории России и других славянских стран жаловались и другие, оказавшиеся в те годы в Швейцарии, эмигранты. Так, например, известный публицист и политик дореволюционной России С.Н. Прокопович после Второй мировой войны предпринял попытку создания в Женеве Славянского института. Многолетняя спутница жизни С.Н. Прокоповича и его соратница по политической борьбе Е.Д. Кускова в письме к философу И.И. Лапшину, жалуясь на бедность нового института, объясняла это тем, что швейцарцы «большого интереса к вопросам славянства не проявляют» [6].

Однако иных реальных вариантов продолжения академической карьеры у А.В. Соловьева, очевидно, не оказалось. Все его попытки устроиться на работу на открывшиеся вакансии в какой-либо из университетов США или Европы, закончились неудачей, во многом вследствие того, что ученому было уже за шестьдесят. Семья вновь вынуждена была некоторое время жить на зарплату супруги, работавшей теперь машинисткой в ООН. Лишь в конце 1953 г., уже находясь в пожилом возрасте, А.В. Соловьев начинает преподавать в университете Невшателя, в 1955 г., после смерти С.И. Карцевского, ему удается устроиться преподавателем славянских языков и русской литературы в Женевский университет. Здесь и прошли последние полтора десятка лет жизни русского эмигранта.

Однако и в этот, по определению С. Аврамовича, «страдальческий» период своей жизни, А.В. Соловьев продолжал активно заниматься наукой. Среди основных тем его научной деятельности в эти годы – геральдика, история сербского права, история и культура России. Последняя из указанных проблем во многом обусловила наличие у ученого в 1950–1960-е годы достаточно прочных связей с советскими коллегами. Заметим, что А.В. Соловьев, получивший после Второй мировой войны советское гражданство, позитивно относился к установлению контактов с историками из Советского Союза. Они занимают существенное место среди корреспондентов профессора-эмигранта, письма которых хранятся в Русском архиве Лидса. В частности, активную переписку в 1950–1960-е годы А.В. Соловьев вел с сотрудниками Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (ИРЛИ) в Ленинграде. В этот период он занимался написанием работы, посвященной «Слову о полку Игореве», и сотрудники ИРЛИ помогали ему составлять научно-справочный аппарат [7. 10–12]. В свою очередь, и к самому А.В. Соловьеву обращались за советом и консультацией некоторые советские исследователи (например, Ю.К. Бегунов). Многие известные советские историки, прежде всего специалисты по истории Древней Руси, в этот период переписывались с А.В. Соловьевым, обмениваясь с ним информацией о вышедших в СССР и на Западе книгах. Среди них выделяется выдающийся специалист по истории русской культуры Д.С. Лихачев. В архиве хранится 21 письмо Д.С. Лихачева за 1957–1968 гг. [7. 105–125]. Среди других корреспондентов А.В. Соловьева были и такие крупные специалисты по истории Древней и Средневековой Руси, как В.Л. Янин, А.А. Зимин, А.Г. Кузьмин, Б.А. Рыбаков, И.П. Шаскольский [7. 99–104, 197, 213–214, 277–278, 280–281].

Занимаясь историей средневековой Сербии, А.В. Соловьев обладал обширными познаниями и в византиноведении. Это обстоятельство во многом обусловило связи и с советскими специалистами по истории Византии. В Русском архиве Лидса хранятся, например, три письма к А.В. Соловьеву одного из крупнейших отечественных византиноведов – Г.Г. Литаврина [7. 126–128].

О том, насколько разнообразны были научные контакты А.В. Соловьева в по-

следние годы его жизни, свидетельствует и такой интересный факт. Профессор-эмигрант переписывался даже с некоторыми провинциальными советскими исследователями. Так, в архиве Лидса мною обнаружено письмо А.В. Соловьеву известного советского византиноведа М.Я. Сюзюмова, написанное в 1958 г. Работавший в тот период времени в Уральском государственном университете, он через своих московских и ленинградских коллег установил контакты с Соловьевым, получая от него необходимые для исследований материалы, на что и указывал в письме:

«Глубокоуважаемый коллега Александр Васильевич!

Вам пишет Сюзюмов (из свердловского Уральского университета). Приношу Вам самую горячую благодарность за Ваши работы и присылку микрофильма. Институт истории АН СССР к Вам обратился по моей просьбе: я переиздаю “Книгу Эпарха”, которая мною издана применительно к требованиям студенческих семинаров, в типографии без греческого текста, с миллионами опечаток, да и в то время, когда ряд трудов был мне неизвестен, т.к. писал книгу во время войны. Теперь имею намерения полностью пересмотреть и издать через Институт истории АН СССР.

Я очень интересуюсь рукописью *genovis* 23. Если возможно, просил бы Вас сообщить, что в рукописи находится до “*επαρχιῃ Βιπλιν*” и что после Юлиана Аскалонита? Имеет ли хоть какую-либо общую идею помещение последующих статей в рукописи? Ведь книга Эпарха и Аскалонит имеют много общего. Я помещаю в “Ученых записках” университета статью об Аскалоните, и в моей первоначальной просьбе и книга Эпарха, и Аскалонит были объединены. Но, надеюсь, когда-нибудь можно получить и список Аскалонита.

Посылаю Вам XII том Византийского Временника (это будет и скорее, и вернее, чем через Институт). Посылаю Вам также и свою “Книгу Эпарха” 1949 г. Буду в Свердловске, пошлю и моих иконоборцев, и “зрелища” и др. Сейчас я нахожусь в Москве, буду в Свердловске в начале февраля.

Еще раз приношу Вам мою самую искреннюю признательность.

С приветом и наилучшими пожеланиями

М. Сюзюмов

Мой адрес: [...]» [7. 223].

Хранящиеся в Русском архиве Лидса документы показывают, что, так же, как и М.Я. Сюзюмову, помогал А.В. Соловьев и другим советским исследователям. В свою очередь, они информировали его о тех произведениях по истории Древней и Средневековой Руси, Византии, славянства, которые выходили в Советском Союзе. Некоторые из этих произведений они пересылали А.В. Соловьеву, который высказывал в своих письмах интересные суждения относительно новых концепций, появившихся в советской исторической литературе.

Следует отметить, что старый профессор-эмигрант, имевший к тому времени уже европейскую известность среди специалистов-славяноведов, не отказывал в помощи и рядовым школьным учителям из Советского Союза. Показателен такой факт: в 1964–1968 гг. он вел активную переписку с учителем истории средней школы поселка Шолоховский Ростовской области П.И. Ковешниковым, который создал в школе кружок по изучению «Слова о полку Игореве». В письмах учитель подробно рассказывал о деятельности кружка, сделанных школьниками на его заседаниях сообщениях, благодарил эмигрантского историка за помощь [7. 91–97].

Бесспорно, связи А.В. Соловьева в 1950–1960-е годы не ограничивались лишь советскими историками. Среди его корреспондентов были и коллеги-эмигранты. Среди них выделялась, пожалуй, фигура Н.Е. Андреева – известного историка, проживавшего в Великобритании. Н.Е. Андреев (1908–1982), представитель первой послереволюционной волны эмиграции, выпускник Карлова университета в Праге, после защиты диссертации «О деле дьяка Висковатого» стал доктором

Карлова университета. Известен он и как один из руководителей семинария Кондакова. С 1948 г. Н.Е. Андреев – профессор, преподаватель кафедры славистики Кембриджского университета. Известен он и как автор интересных воспоминаний «То, что вспоминается».

Заметим, что содержание переписки А.В. Соловьева с Н.Е. Андреевым свидетельствует о том, что и последний поддерживал тесные контакты с советскими историками, прежде всего с Д.С. Лихачевым, был в курсе всех новинок, выходящих в Советском Союзе по проблемам древней и средневековой истории России [7. 2–3]. Так, например, в переписке Н.Е. Андреева, А.В. Соловьева и Д.С. Лихачева активно обсуждались вышедшие в 1960-е годы оригинальные исследования известного советского историка А.А. Зимина.

Научные контакты с А.В. Соловьевым поддерживал и такой известный историк Российского зарубежья, как А.В. Флоровский (1884–1968) – выходец из семьи священника, до революции окончивший историко-филологический факультет Одесского университета. В 1915 г. им была защищена магистерская диссертация «Состав законодательной комиссии 1767–1774 гг.». В 1920 г. эвакуировался в Болгарию, с 1921 г. – в Праге. Как и Н.Е. Андреев, А.В. Флоровский также был в свое время членом семинария Кондакова и профессором Карлова университета. Бесспорно, А.В. Флоровского сближали с А.В. Соловьевым общие научные интересы – история русской и славянской культуры и межславянских связей [7. 31–32].

А.В. Флоровский принадлежал к старшему поколению историков-эмигрантов, чье становление как ученых произошло еще в дореволюционной России. Однако в 1950–1960-е годы А.В. Соловьев устанавливает контакты и с более молодыми исследователями-эмигрантами, сформировавшимися уже в европейской академической среде. Среди них был, например, Д.Д. Оболенский [7. 149–153], родившийся уже после революции, в 1918 г. Д.Д. Оболенский, в итоге получивший в Великобритании титул сэра, занимался проблемами византиноведения, взаимоотношениями Византийской империи и славянских народов.

Любопытен и такой факт: некоторые из российских эмигрантов, поддерживавшие контакты с А.В. Соловьевым, вели переписку с ним на английском языке. Прежде всего это, касалось, очевидно, тех выходцев из России, которые прочно интегрировались в академическую среду стран Запада. Так, например, на английском языке писал А.В. Соловьеву известный филолог Р.О. Якобсон, ставший в США одним из ведущих славистов [7. 78–79]. Заметим, что личность и научные связи Р.О. Якобсона уже неоднократно привлекали внимание исследователей в последние годы.

Поддерживал А.В. Соловьев контакты и с некоторыми из тех представителей российской эмигрантской интеллигенции, которые весьма критически относились к политическому режиму в Советском Союзе. Зная о его контактах с советскими историками, такие эмигранты не стеснялись иногда выражать в письмах свое негативное отношение к существовавшей в СССР идеологии. Так, например, проживавшая в Великобритании Е. Кутайсова дважды – в 1959 г. и в 1964 г. была в Советском Союзе по линии академического обмена между Бирмингемским университетом и советскими вузами. В течение нескольких месяцев она ездила по стране, побывав не только в Москве и Ленинграде, но и в Киеве и Харькове. Как она отметила в письме, сама «видела довольно много, так как ездила одна, а не в группе». При этом, вспомнив об исследованиях А.В. Соловьева в области истории русской культуры, она написала ему после поездки в СССР: «Вы трудитесь, пишете, особенно про тех писателей, как Тютчев, А.К. Толстой и др., которых мало изучают в СССР по политическим причинам. Чем больше работ на высоконаучном уровне издается за границей, тем больше советским ученым приходится с ними считаться» [7. 98].

Важной составной частью научных контактов А.В. Соловьева были его связи с коллегами-славистами из стран Центральной и Восточной Европы. Оказавшись не по своей воле вне Югославии, где прошла почти половина его жизни, историк не потерял контакты с балканскими исследователями. В его архиве – письма от С. Бесплагича, О. Мандича, М. Окича, С. Прибишевича, Д. Радойчича, в основном посвященные различным аспектам сербской истории, сербскому средневековому праву, изучению которого А.В. Соловьев отдал немало лет своей жизни. Сохранил контакты русский ученый и со славистами из других стран – А. Грабским, З. Вастотовской [7. 129–132].

Таким образом, изучение хранящейся в Русском архиве Лидса коллекции документов А.В. Соловьева показывает, что и в последние годы своей жизни историк поддерживал разнообразные научные контакты. Будучи преподавателем Женевского университета, далекого от главных центров славистики в Европе, он тем не менее оставался в курсе тех проблем, которые исследовались как его советскими, так и зарубежными коллегами. Тем не менее очевидно, что для более глубокого исследования круга контактов А.В. Соловьева необходима дальнейшая работа в архивах Российской Федерации и других стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аврамович С.* Житие и труды Александра Соловьева, корифея истории права // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
2. Белоэмиграция у Югославији. 1918–1941. Београд, 2006. Т. 1.
3. *Алексеева Е.В.* Русские интеллектуалы в культурной жизни Белграда (1919–1941) // Славяноведение. 1999. № 4.
4. *Баран Х., Душечкина Е.В.* Вокруг «Слова о полку Игореве»: Из переписки Р.О. Якобсона и А.В. Соловьева // Славяноведение. 2000. № 4.
5. *Арсеньев А.В.* У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.
6. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 753. Карт. 1. Ед.хр. 24. Л. 4.
7. Leeds Russian Archive (LRA), Solov'ev collection, MS 1204/...

© 2010 г. А.Л. ДАРКОВИЧ

ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В ПОЛИТИКЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1919–1926 ГОДАХ

(на примере городского самоуправления
белорусского Полесья)

Брест являлся уездным центром белорусского Полесья. В период либеральных реформ 60–70-х годов XIX в. в Российской империи власти пошли на создание новых форм городской администрации. 18 июня 1870 г. было издано Городовое положение, которое ввело сословное местное самоуправление в городах [1. С. 173–174; 2. С. 23; 3. С. 27].

Реализация городской реформы на белорусских землях началась с принятием 29 апреля 1875 г. закона «О применении Городового положения 16 июня 1870 г. к городам Западных губерний». Данный закон предусматривал некоторые особенности в проведении городской реформы, направленные на усиление административного контроля над деятельностью городских органов. В частности, в западных губерниях избрание городского головы требовало утверждения со стороны министра внутренних дел не только в губернских, но и в большинстве остальных городов. В Бресте Городовое положение было введено в 1876 г. [4. С. 14; 5. С. 52].

В период правления императора Александра III (1881–1894) принципы организации городских властей подверглись корректировке, уменьшая их самостоятельность [3. С. 30].

Брест относился к числу 15-ти белорусских городов, на которые действие Городового положения 1892 г. распространялось в полном объеме. В остальных городах (около 30) по причине «недостаточности городских средств [...] и степени развития торговли и промыслов» было введено упрощенное общественное управление: в них действовали только городские управы [6. С. 68–69].

Во время Первой мировой войны, с 26 августа 1915 г., Брест был оккупирован германскими войсками. Этому предшествовала массовая эвакуация населения и имущества. Кроме того, Брест подвергся существенным разрушениям в результате применения командованием отступавшей российской армии тактики «выжженной земли»: была уничтожена большая часть строений города [7. С. 39].

Немецкие военные власти заявили о намерении работать в полном контакте с органами земского и городского самоуправления. Была воссоздана довоенная структура местного самоуправления с той разницей, что члены органов самоуправления не избирались, а назначались, т.е. деятельность этих органов находилась под полным контролем немецкого военного командования. На них возлагалась обязанность помогать оккупационным властям [1. С. 448; 8. С. 23].

Главной задачей немецкой администрации являлась максимальная хозяйственная эксплуатация белорусских земель. В Германию вывозилась продукция и оборудование промышленных предприятий, транспортные средства, городское население использовалось на принудительных работах, была создана разветвленная система налогов, сборов, штрафов, проводилась реквизиция сельскохозяйственных продуктов. Более того, в Бресте разбирали руины разрушенных российскими войсками зданий и кирпичи отправляли на запад. С началом вывода германских войск с белорусской территории во второй половине 1918 г. планомерная политика сменилась хаотичным и тотальным ограблением ее материальных ресурсов [9. С. 50, 53; 10. С. 23].

Первая мировая война и революция в России привели к формированию новых международных и социально-политических реалий в Восточной Европе. Восстановление польской государственности в ноябре 1918 г. поставило на повестку дня проблему территориального размежевания с Россией, возродив извечный спор за обладание приграничными литовскими, белорусскими, украинскими землями. Польская политическая элита рассматривала их как сферу собственных экономических и геополитических интересов. Советская Россия считала себя правопреемницей Российской империи и на этом основании стремилась восстановить территориальную целостность, что позволило бы сохранить сложившиеся хозяйственные связи [11. С. 57–58].

Как Временное правительство России, так и большевистское руководство готовы были признать восстановление польского государства в этнических пределах. Схожую позицию заняли державы Антанты. Так, в декларации Верховного совета Антанты от 8 декабря 1919 г. Польше рекомендовалось рассчитывать на безусловное признание за ней только этнической территории к западу от линии, примерно соответствовавшей границе бывшего Королевства Польского, в последующем получившей название «линии Керзона» [12. С. 431–432].

Но глава польского государства Верховный главнокомандующий Юзеф Пилсудский первоочередной, после восстановления государственности, задачей считал расширение польских границ на юг и восток, неважно, каким способом. Взгляды на будущую восточную границу Польши он выразил в устной инструкции члену польской делегации на Парижской мирной конференции, своему давнему соратнику Л. Василевскому перед отъездом того в Париж: «Восточная граница должна обеспечить польской стороне железную дорогу Дрогобыч–Львов–Ковель–Пинск–Лунинец–Барановичи–Вильно и ее прикрытие в виде пояса болот и лесов Припяти. Таким образом, Польша берет край, пригодный для колонизации» (цит. по [13. С. 38]).

Популярной в Польше была идея расширения границ до исторических пределов Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, которые включали белорусские, литовские, украинские земли. Поэтому первым делом после восстановления польской государственности в Министерстве иностранных дел был учрежден под руководством профессора Л. Колянковского Государственный департамент по литовско-белорусским делам, который должен был распространить на Литву польское управление, несмотря на отсутствие каких-либо международно-правовых оснований. Однако в Литве, Белоруссии и на Украине формировалась собственная национальная государственность, шла внутренняя борьба за характер этой государственности – буржуазный или социалистический, по советскому образцу.

Учитывая это, Ю. Пилсудский, чтобы избежать обвинений в экспансионизме, обратился к идее федерации Литвы и Белоруссии под покровительством Польши. Эта идея приобрела широкую популярность в польском обществе и пользовалась поддержкой со стороны держав Антанты. Таким способом Пилсудский надеялся замкнуть Россию на западе в ее этнических границах и коренным образом повли-

ять на расстановку сил в Восточной Европе в свою пользу [14. S. 150]. Включение в федерацию советских республик, провозглашенных в западном пограничье России, Пилсудский не планировал: с ними под предлогом искоренения большевизма он мог вести открытую борьбу, не опасаясь осуждения Запада. Но не удавалось достигнуть взаимопонимания и с буржуазным правительством Литвы, которое поставило непременным условием переговоров о федерации признание Польшей литовского государства со столицей в Вильно (Вильнюсе), на что Ю. Пилсудский не соглашался. Он понадеялся, что добровольческим отрядам самообороны, образованным местными поляками, удастся установить в Вильно польскую власть в момент ухода из города немецких оккупационных войск. Однако сил самообороны оказалось недостаточно, а немецкое командование не пропустило на помощь им регулярные части польской армии. В начале 1919 г. литовские сторонники советской власти одержали победу [14. S. 118–119]. На белорусских землях советская власть установилась сразу вслед за эвакуацией немецких войск, и польская армия под флагом борьбы с большевизмом развернула там наступление в феврале 1919 г., как только удалось заключить соглашение с немецким командованием о пропуске польских войск на восток. Военный перевес в течение 1919 г. обеспечил Польше овладение большей частью Белоруссии до линии Двинск – река Западная Двина – Лепель – Борисов – реки Березина – Птичь – Припять. Таким образом, эти территории фактически оказались в режиме военной оккупации [15. С. 108].

Для захвата Вильно Ю. Пилсудский с начала 1919 г. разрабатывал новый план, продолжая для прикрытия развивать идею федерации. Об инструментальном, пропагандистском характере прикрытия свидетельствует его письмо, направленное в апреле 1919 г. Л. Василевскому в Париж: «Предполагаю, что в ближайшее время смогу немного приоткрыть двери в политику, связанную с Литвой и Белоруссией. Ты знаешь, что мои взгляды в этом отношении основываются на том, что я не хочу быть ни империалистом, ни федералистом, пока не буду иметь возможность говорить об этих делах более или менее серьезно и с револьвером в кармане. В связи с тем, что во всем божьем свете, похоже, начинает побеждать болтовня о братстве людей и народов и американские доктринки, я охотно склоняюсь в сторону федералистов» (цит. по [16. S. 56–57]).

Начальная стадия плана – изгнание из Вильно советского правительства Литовско-Белорусской республики с помощью присланных из Польши военных отрядов на этот раз удалась. Ю. Пилсудский немедленно прибыл в город и 22 апреля 1919 г. выпустил напечатанное на четырех языках – польском, литовском, белорусском и еврейском – воззвание «К жителям бывшего Великого княжества Литовского», в котором убеждал белорусов, литовцев и других в том, что польские войска пришли на эти земли только с целью освобождения от большевизма и что в дальнейшем освобожденные народы получат «возможность решать внутренние, национальные и религиозные дела [...] без какого бы то ни было насилия и давления со стороны Польши», чему послужит гражданская власть, которая будет сформирована «из людей местных, сынов этой земли» – из представителей всех национальных групп (цит. по [16. S. 57]).

Но коренное население Литвы и Белоруссии не доверяло польскому лидеру, широко применявшему военную силу. В Вильно не нашлось политиков-литовцев, которые согласились бы вместе с поляками образовать коалиционную власть в городе, готовую к переговорам о федерации. Литовское правительство, находившееся в Ковно (Каунас), по-прежнему на все предложения Варшавы выдвигало в качестве предварительного условия требование признать Вильно столицей литовского государства. Сами местные поляки предпочитали федерации прямое включение Виленщины в состав Польши. Белорусские и еврейские представители вошли в городские органы власти, но в малом числе и не по выбору, а по назначению самого Пилсудского. На благосклонность многочисленного еврейского

населения Вильно варшавское правительство не могло рассчитывать, особенно после того, как польские отряды, захватив город, учинили в нем жестокий погром. Среди белорусских национальных деятелей, правда, были те, кто склонялся к сотрудничеству с Варшавой. Но они не обладали достаточным влиянием, чтобы изменить антипольский настрой большинства своих земляков. Польское же руководство, не найдя среди белорусских деятелей подходящих влиятельных партнеров, поспешило с выводом, будто белорусы по причине слабого развития национального самосознания не способны на создание собственного государства. Вопрос об этом был снят [15. С. 269].

Таким образом, идея создания федерации в пределах бывшего Великого княжества Литовского, несмотря на призыв Ю. Пилсудского, была далека от осуществления. Вопрос о принадлежности оккупированных польскими войсками восточных земель на международно-правовом уровне оставался открытым. Тем не менее варшавское руководство в рамках федеративной программы поспешило безо всяких на то правовых оснований с формированием на оккупированных территориях управленческих структур по типу гражданской администрации. Перед взятием Вильно, по пути туда 15 апреля глава польского государства в целях создания гражданского управления учредил должность Генерального комиссара восточных земель, на которую назначил польского помещика из Полесья, сторонника федерации Е. Осмоловского [17. С. 45–46; 18. S. 74–75].

12 мая 1919 г. согласно постановлению Совета министров Польши территория Великого княжества Литовского, занятая польской армией, до полного урегулирования правового статуса переходила под управление Генерального комиссара, назначаемого и отстраняемого от должности Главнокомандующим. Пилсудский в тот же день издал приказ относительно организации Гражданского управления восточных земель, компетенция которого распространялась на территорию военных действий на востоке за исключением Белостокского, Сокольского и Бельского поветов (уездов), которые были включены в состав Польши. 13 мая 1919 г. Ю. Пилсудский отдал распоряжение, разграничивающее сферы деятельности военных властей и Гражданского управления восточных земель. При этом стратегически важные в условиях войны вопросы функционирования железных дорог, почты, телеграфа и телефона были оставлены в компетенции военных властей. Генеральный комиссар наделялся одновременно высшей гражданской законодательной и исполнительной властью, т.е. в его обязанности входило издание законов на местном уровне и контроль над их исполнением. Гражданское управление восточных земель возглавлял Генеральный комиссариат, который являлся надзорной властью для окружных, поветовых и городских комиссариатов, органов контроля, суда и самоуправления. 10 октября были внесены изменения в названия административных должностей: окружной комиссар переименовывался в начальника округа, поветовый комиссар – в старосту, городской комиссар – в комиссара гражданского управления [17. С. 47; 18. S. 76].

Определенную роль в создании гражданской власти играло формирование системы территориального, в том числе городского, самоуправления.

Создание правовой базы, регламентировавшей организацию и деятельность местных органов власти на оккупированных польскими войсками литовских, белорусских и украинских землях, относилось к обязанностям Генерального комиссара восточных земель. 25 июня 1919 г. он издал декрет, который санкционировал выборы во временные городские рады (советы). В соответствии с декретом избирательным правом пользовались все лица старше 21 года, проживавшие постоянно в пределах города не менее 10 месяцев. Избираться в городские рады могли обладатели избирательного права, достигшие 25 лет, грамотные. Рады выбирались сроком до 1 июля 1922 г. в ходе всеобщих, равных, тайных, прямых и пропорциональных выборов [19. № 7. S. 44]. Распоряжением Генерального комиссара

ра от 13 августа 1919 г. в Бресте срок проживания для получения избирательного права был снижен с 10 до 3 месяцев в связи с катастрофическим уменьшением числа населения за годы Первой мировой войны. При этом декрет от 25 июня 1919 г. не определял полномочия и обязанности городских рад.

Распоряжением от 27 июня 1919 г. был введен временный закон о городах, согласно которому во главе города должен находиться магистрат в составе бургомистра (городской голова), его заместителя и членов магистрата; члены магистратов не избирались, а назначались Гражданским управлением восточных земель [19. № 7. С. 48].

Следующим шагом польской администрации по созданию органов городского управления на оккупированных территориях стал закон о городах от 14 августа 1919 г., предусматривавший превращение магистратов и городских рад в собственно представительные институты, которые должны были избираться местным населением. В соответствии с данным правовым актом, институты городского самоуправления выступали в качестве самостоятельной территориальной единицы. Городская рада являлась распорядительным и контролирующим органом городского самоуправления. В ее состав входили радные (гласные) и члены магистрата. Радные и их заместители должны были избираться населением города сроком на три года. Число радных в зависимости от количества жителей колебалось от 12 до 70. К компетенции городских рад относилось управление муниципальным имуществом, утверждение бюджета города, утверждение оплат и налогов в пользу города, формирование аппарата управления (создание и упразднение должностей), установление фиксированных цен на предметы первой необходимости, утверждение уставов, регулировавших собственную деятельность рады, а также деятельность ее комиссий и магистрата, контроль над деятельностью всего городского управления и проверка его финансовой деятельности и т.д. Заседания рады собирались по мере необходимости, но не реже, чем один раз в месяц [20. Ф. 5. Оп. 1. Д. 782. Л. 49–50].

Согласно закону о городах от 14 августа 1919 г. магистрат являлся исполнительным органом городского самоуправления. В Бресте и Гродно магистраты возглавляли президенты, в остальных городах – бургомистры. Также членами магистрата являлись вице-президент (заместитель бургомистра) и заседатели – лавники. Президент (бургомистр) и вице-президент (заместитель бургомистра) составляли президиум городской власти. Количество членов магистрата не могло превышать 10% от числа радных. Члены магистрата избирались городской радой на три года, до конца срока полномочий рады. К компетенции магистрата относилось: исполнение постановлений городской рады; управление имуществом, всеми доходами и расходами города; подготовка проектов городских бюджетов и отчетов об их исполнении; распределение налогов и городских повинностей; подготовка отчетов городской раде о собственной деятельности и состоянии городского хозяйства и др. В чрезвычайных ситуациях (в каких именно, в документе не уточнялось) бургомистр (президент) имел право самостоятельно осуществлять функции, относившиеся к компетенции городской рады [20. Ф. 5. Оп. 1. Д. 782. Л. 51–52; 21. С. 51–52].

Органы городского самоуправления находились под контролем надзорной власти, которая имела право отменять их постановления, принимавшиеся по хозяйственным вопросам, осуществлять ревизии городского хозяйства и др. Генеральный комиссар мог распустить городскую раду или лишить ее члена мандата. Надзорной властью в первой инстанции являлся поветовый или городской комиссар (с октября 1919 г. – староста или комиссар гражданского управления), во второй – окружной комиссар (начальник округа). Решения окружного комиссара (начальника округа) городские органы могли обжаловать у Генерального комиссара, чьи постановления являлись окончательными [20. Ф. 5. Оп. 1. Д. 782. Л. 52–53].

Закон о городах от 14 августа 1919 г., основанный на Декрете о городском самоуправлении от 4 февраля 1919 г., который определял организацию городских органов на территории восстановленного польского государства, прежде входившей в Королевство Польское, был частично изменен в сторону уменьшения их самостоятельности. Так, были расширены полномочия бургомистра (президента), а выбор членов президиума требовал утверждения надзорной власти. В случае отказа в утверждении организовывались новые выборы. Если же во второй раз избрание кандидатов не утверждалось, надзорная власть осуществляла назначение на соответствующие должности. Назначенные члены президиума исполняли обязанности до момента утверждения избранных радой кандидатов. Все эти акты публиковались на польском языке, которым владело лишь проживавшее на восточных землях польское меньшинство. Основная часть местных жителей наряду со знанием родного языка – белорусского, литовского, еврейского, русского – школьное образование получила в свое время на русском языке. Теперь же в качестве делопроизводственного законом о городах был установлен польский язык, что заведомо ограничивало доступ непольского населения к должностям в официальной сфере [20. Ф. 5. Оп. 1. Д. 782. Л. 51; 22. № 13. S. 166–169].

Весной–летом 1919 г. на оккупированных польскими войсками белорусских землях временные органы городского управления обычно формировались военными властями. Так, Брестский магистрат был образован приказом коменданта города капитана Галинского вскоре после того, как 9 февраля 1919 г. Брест был занят польскими войсками (точную дату установить не удалось). В его состав вошли три представителя от католического и по два представителя от православного и еврейского населения города. Бургомистром (который вскоре в соответствии с законом от 14 августа 1919 г. стал называться президентом) стал поляк Владислав Вишневецкий, фотограф по профессии, беспартийный [20. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2. Л. 229; 23. S. 98].

В большинстве белорусских городов, оказавшихся в сфере польской оккупации, выборы прошли в конце лета – осенью 1919 г. Выборы в Брестскую раду должны были пройти в сентябре 1919 г. Реконструировать полную картину их проведения не удалось. Из 23 718 жителей города право голоса имели 8 756 человек. По той причине, что еврейское население не предоставило избирательный список в положенный срок, и был представлен только один компромиссный избирательный список от беспартийных христиан, состав Брестской рады был сформирован без проведения голосования. В него вошли 24 радных, в том числе 15 поляков и девять русских, практически все депутаты являлись беспартийными [24. С. 18–19]. Соответственно, депутаты от еврейского населения в сентябре 1919 г. в Брестскую раду не вошли.

13 ноября 1919 г. состоялось первое организационное заседание Брестской рады, на котором из числа радных был избран новый состав магистрата. В него вошли три поляка и двое русских. Президентом города стал Ян Урсын Немцевич (поляк, землевладелец, до войны являвшийся владельцем конезавода, беспартийный), его заместителем – В. Вишневецкий. Таким образом, в состав Брестских рады и магистрата представители еврейского населения не вошли, несмотря на то, что оно составляло абсолютное большинство жителей города. Так, из проживавших в Бресте на апрель 1920 г. почти 26,5 тыс. человек евреи составляли более 18 тыс. [20. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6. Л. 78]. Эта ситуация вызвала недовольство еврейского населения. Уже в начале декабря 1919 г. еврейская гмина Бреста обратилась к Брестской раде с просьбой включить двух ее делегатов в состав магистрата. В феврале 1920 г. рада приняла решение удовлетворить данную просьбу, при этом были поставлены два условия: делегаты от еврейского населения могут обладать только правом совещательного голоса и их выбор должен быть определен главным раввином города, а не всей еврейской гминой. Данное решение так и не было

реализовано до августа 1920 г., когда польские войска под ударами Красной армии оставили Брест.

Боевые действия польско-советской войны в 1920 г. радикально изменили ситуацию на западнобелорусских землях. В результате апрельского наступления польские войска вышли к Днепру. Летом началось советское контрнаступление, в ходе которого Красная армия заняла всю территорию Белоруссии. 1 августа советские части вошли в Брест. В связи с этим созданные под эгидой польских властей органы самоуправления города прекратили свою деятельность. В середине августа армии советского Западного фронта подошли к польской столице, но перейти ее не смогли. Началось повторное наступление польских войск на восток. К октябрю 1920 г. советско-польский фронт переместился на линию р. Западная Двина – Молодечно – Столбцы – Несвиж – р. Случь. По возвращении польских войск на белорусские земли Ю. Пилсудский 9 сентября 1920 г. издал приказ о ликвидации Гражданского управления восточных земель. В тот же день Министерством внутренних дел Польши по приказу Пилсудского на вновь оккупированной территории Белоруссии была создана новая структура временной гражданской администрации – Управление прифронтовыми и этапными территориями при МВД, которое возглавил бывший комиссар минского округа В. Рачкевич [16. С. 129; 17. С. 29].

19 августа 1920 г. Брест был взят польскими войсками. После этого в середине сентября 1920 г. последовало возобновление деятельности Брестского магистрата, а в декабре того же года – Брестской рады. Органы самоуправления города были воссозданы в составе, сформированном осенью 1919 г. При этом для большинства западнобелорусских городов был характерен другой сценарий развития событий: в них муниципальные органы во второй половине 1919 – начале 1920 г. были сформированы на выборной основе и включили в свой состав представителей различных национальных групп городского населения. Например, в Пинске рада была избрана населением города 31 августа 1919 г. В ее состав вошли 25 радных: шесть поляков, трое русских и 16 евреев. Большинство радных-евреев принадлежали к партиям Бунд и Поалей-Цион. Большой процент евреев и антипольские настроения значительной части депутатов привели к тому, что надзорная власть длительное время отказывалась утвердить результаты выборов. В итоге, первое заседание Пинской рады состоялось только 6 апреля 1920 г. На нем был сформирован новый состав магистрата, в который вошли два поляка (в качестве бургомистра и заместителя бургомистра) и два еврея (лавники) [20. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 23. Л. 1; Д. 1126. Л. 2].

В результате вступления 23 июля 1920 г. частей Красной армии в Пинск, Пинские рада и магистрат прекратили свою деятельность. В конце сентября 1920 г., когда город вновь был занят польскими войсками, возобновил свою деятельность Пинский магистрат. Однако 15 октября 1920 г. деятельность городской рады была приостановлена надзорной властью. Причиной послужили антипольские настроения значительной части радных, а также низкая эффективность ее деятельности (за время существования рады с апреля по июль 1920 г. ни один вопрос, касавшийся жизни города, не был разрешен, радные были заняты спорами по поводу языков, допустимых для использования на заседаниях, и выборами членов магистрата и различных комиссий). Новые выборы в Пинскую городскую раду состоялись лишь в 1927 г. В ситуации, когда городская рада не функционировала, в период с осени 1920 г. по 1927 г. вместо всех органов самоуправления в Пинске действовал магистрат. В таких условиях его члены назначались надзорной властью, и население города принимать участие в формировании состава городских органов не могло [20. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 26. Л. 73–75; 21. С. 179].

В Бресте евреи были отстранены от участия в выборах в городскую раду в сентябре 1919 г. В Пинске польские власти приостановили деятельность городской

рады, большинство мандатов в которой принадлежало евреям, члены магистрата в таких условиях назначались. При этом типичным являлся второй вариант. Так, на март 1922 г. из 16 городов и местечек Полесского воеводства, на которые распространялся закон о городах от 14 августа 1919 г., в 14-ти деятельность городских рад после событий польско-советской войны лета – осени 1920 г. не была восстановлена, а члены магистратов назначались надзорной властью. Исключением составляли Брест и Пружаны [25. № 3. S. 13–14].

Таким образом, идея создания демократических органов территориального самоуправления на оккупированных польскими войсками белорусских землях провалилась. Во время польско-советской войны местная польская администрация в лице Гражданского управления восточных земель и Управления прифронтовыми и этапными территориями стремилась контролировать ситуацию в органах самоуправления, что нашло отражение в прямых назначениях их членов, недопущении к участию в выборах еврейского населения, которое огульно обвинялось в большевизме, приостановке деятельности городских рад. В результате были сформированы лояльные по отношению к польским властям городские органы.

Управление прифронтовых и этапных территорий было ликвидировано 27 ноября 1920 г., его департаменты вошли в состав соответствующих министерств Польши. 4 февраля 1921 г., т.е. еще до подписания окончательного мирного договора, польский сейм принял закон о политико-правовом положении на землях, оставшихся за Польшей согласно заключенному в октябре 1920 г. договору о перемирии и предварительных условиях мира с РСФСР и УССР. Принятый сеймом закон передавал занятые белорусские территории в распоряжение центральных органов власти и тем самым включал их в состав польского государства [26. № 16. S. 216]. На западнобелорусских землях 1 марта 1921 г. были созданы Полесское (с центром в Бресте) и Новогрудское воеводства, а Гродненский, Волковысский и Беловежский поветы отошли к Белостокскому воеводству. Часть белорусских территорий вошла в состав созданного в 1925 г. Виленского воеводства. Включение западнобелорусских земель в состав польского государства было окончательно закреплено Рижским мирным договором в марте 1921 г.

На отошедших к Польше белорусских землях поляки составляли меньшинство, причем местное непольское население по отношению к польской власти было настроено преимущественно враждебно. Одновременно по другую сторону границы была восстановлена Белорусская Советская Социалистическая Республика, в декабре 1922 г. образовавшая вместе с другими национальными советскими республиками СССР. В таких условиях Варшава опасалась возникновения ирредентистского движения белорусов на отошедших к Польше территориях и использования его советским руководством в антипольских целях. Чтобы оградить национальные меньшинства от влияния коммунистической идеологии, был избран курс на быструю полонизацию восточных земель II Речи Посполитой [27. С. 10].

Вместе с тем в условиях парламентского правления (1921–1926 гг.), когда сменилось десять правящих кабинетов, единая программа национальной политики не была сформулирована. Практическое осуществление политики на западнобелорусских землях преимущественно определялось местной администрацией, которая в значительной степени зависела от местных крупных землевладельцев-поляков и реализовывала в своей деятельности их интересы [28. S. 16; 29. S. 131]. Полонизация белорусского населения проявилась в ликвидации белорусских школ, преследовании православной церкви, полицейских репрессиях по отношению к лицам, подозреваемым в поддержке коммунистического движения, и др. [30. С. 182]

Жесткий курс на ассимиляцию нашел отражение также в политике в области местного самоуправления. Как было отмечено, к моменту завершения польско-

советской войны на западнобелорусских землях различными способами было обеспечено существование лояльных органов городской власти. Срок полномочий городских органов, избранных летом–осенью 1919 г., истек 1 июля 1922 г. Однако в условиях нарастающей нестабильности и антипольских диверсионно-повстанческих действий белорусского населения власти II Речи Посполитой, опасаясь за результаты новых выборов, пошли на продление срока полномочий городских органов на неопределенный период. 30 марта 1922 г. было издано распоряжение министра внутренних дел, в котором указывалось, что органы городского самоуправления на территории Западной Белоруссии должны действовать до объявления правительством времени проведения новых выборов [31. S. 45]. В качестве причины такого решения называлась необходимость проведения выборов в соответствии с новым законом о местном самоуправлении. В результате выборы в большинстве западнобелорусских городов состоялись в 1927 г. [32. С. 22]. Новое законодательство в области местного самоуправления было принято только в 1933 г. [33. S. 11, 13].

С момента возобновления деятельности рады и магистрата Бреста после повторного занятия города польскими войсками во второй половине 1920 г. до конца 1922 г. президентом являлся Я. Немцевич. На заседании городской рады 21 ноября 1922 г. он сложил с себя обязанности президента, мотивировав данное решение трудными «условиями работы на восточных креслах». Брестская рада 6 декабря 1922 г. новым президентом города единогласно избрала поляка Л. Дмовского, выпускника юридического факультета Московского университета, занимавшего в 1919–1922 гг. должности следователя по Брестскому повету и помощника прокурора при Пинском окружном суде. Тогда же было решено повесить в зале заседаний портрет Я. Немцевича и присвоить ему за заслуги перед городом почетное гражданство Бреста. Л. Дмовский оставался в должности президента до января 1927 г. [20. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7. Л. 220–222]. В 1920–1926 гг. должность вице-президента города занимали поляки В. Вишневицкий, Т. Свентоховский, Н. Пашкевич и еврей Б. Вильнер [20. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1022. Л. 3].

После того как истек срок полномочий Брестской рады летом 1922 г., вопрос о проведении новых выборов сразу оказался в центре внимания общественности города. Первоначально, в 1923 г., мнения населения Бреста по этому вопросу разделились: состоялись специальные собрания различных политических партий, общественных организаций и профессиональных союзов, часть которых высказалась за немедленное проведение новых выборов, часть считала необходимым продолжение функционирования рады в прежнем составе. Но в дальнейшем проведении новых выборов добивалось все население города, что было связано с увеличивавшейся неукомплектованностью рады по причине отставки ряда депутатов, а также тем, что принятие в парламенте Польши нового закона о местном самоуправлении затягивалось на неопределенный период. [34. Ф. 463. Оп. 1. Д. 7. Л. 277–278; 35. S. 5]. В таких условиях в начале 1924 г., в соответствии с сообщениями местной прессы, «жители города начали стихийную избирательную кампанию с целью проведения выборов в городскую раду». В феврале 1924 г. в официальной газете «*Ynos Poleski*», издававшейся в Бресте, была опубликована статья под названием «Пора распускать», в которой сообщалось: «Ни о чем более не говорится, кроме как о выборах, создаются новые организации, ищутся компромиссы, работа кипит» [36. S. 8].

Брестская рада отреагировала на данные события следующим решением, принятым на заседании 9 апреля 1924 г.: «Принимая во внимание, что настоящий состав рады является частично неполным, и выборы в городскую раду на основе положения о выборах, которое должно быть принято в сейме, в ближайшее время, вероятно, не состоятся, имея в виду все большее развитие городского хозяйства, а также распространяемые сплетни о том, что нынешние радные якобы

упорно удерживают свои мандаты, городская рада [...] приняла решение просить надзорную власть как можно скорее провести новые выборы в городскую раду» [20. Ф. 5. Оп. 1. Д. 271. Л. 371]. В это время Брестская рада должна была вернуться к вопросу о представительстве еврейского населения города. В мае 1924 г. она приняла решение включить в состав магистрата двух представителей еврейского населения в качестве второго вице-президента и лавника. Летом 1924 г. ими стали соответственно Б. Вилнер и С. Савчицкий [20. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6. Л. 129; Д. 271. Л. 315–316].

Между тем надзорный орган – Полесское воеводское управление 5 мая 1924 г. обратился в Министерство внутренних дел II Речи Посполитой с просьбой представить мнение по вопросу о роспуске Брестской рады и назначении новых выборов. При этом было отмечено, что проведение данных выборов является нежелательным. В центре последовавшей за этим переписки между Министерством внутренних дел и полесским воеводой стоял вопрос о том, являлось ли на тот момент количество брестских радных достаточным для принятия радой решений, требовавших квалифицированного большинства. В январе 1926 г. полесский воевода К. Млодзяновский обратился в Министерство внутренних дел, подчеркнув необходимость проведения новых выборов в Брестскую раду, которая, по его мнению, в первую очередь определялась тем, «что все население города, невзирая на различия религий, национальностей и политических убеждений, добивается новых выборов» [20. Ф. 1. Оп. 4. Д. 639. Л. 55]. В итоге 25 апреля 1926 г. министр внутренних дел Польши распустил Брестскую раду и поручил полесскому воеводе назначить в Бресте новые выборы.

После государственного переворота Ю. Пилсудского и установления режима личной власти в мае 1926 г. была предпринята попытка ревизии политики в восточных воеводствах. Например, 18 августа 1926 г. министр внутренних дел К. Млодзяновский (бывший полесский воевода) представил Совету министров проект, где в качестве первоочередных мер политики Польши в отношении меньшинств называлось удовлетворение их хозяйственных и культурных нужд, улучшение местной администрации и нормализация положения в области территориального самоуправления [13. S. 48]. В первые годы режим Ю. Пилсудского пошел на реализацию ряда либеральных мер по отношению к белорусскому населению, которые касались, в первую очередь, сферы образования: на территории проживания белорусов в польских гимназиях было введено обязательное изучение белорусского языка, белорусским гимназиям в Вильне и Новогрудке были предоставлены права общественных школ, что давало их выпускникам возможность поступать в высшие учебные заведения, были открыты 26 школ с белорусским языком обучения и 49 двуязычных (с белорусским и польским языками обучения) школ и др. Одновременно в Западной Белоруссии в 1926–1927 гг. были проведены относительно свободные выборы в органы городского самоуправления, результаты которых отражали интересы непольского большинства городских жителей и оказались неблагоприятными для польского населения.

Выборы в Брестскую городскую раду, в соответствии с распоряжением полесского воеводы, состоялись 27 июня 1926 г. Право голоса имели почти 18 тыс. жителей города, из них примерно 34 % католиков, 17 % православных, 48 % евреев; участие в выборах приняли около 12,5 тыс. человек. При этом на октябрь 1925 г. в Бресте проживало примерно 41,2 тыс. жителей (32 % католиков, 17 % православных, 49 % евреев). В результате голосования были избраны 31 радный, в том числе 11 поляков, трое русских и украинцев и 17 евреев. Десять депутатов являлись беспартийными, трое представляли Польскую социалистическую партию (ППС), четверо – различные еврейские организации, трое – Поалей-Цион, один – Бунд, двое – Еврейскую организацию ортодоксов, четверо – профсоюз-

ные организации и т.д. Полесское воеводское управление в отчете Министерству внутренних дел о выборах в Брестскую раду назвало их результаты неблагоприятными для польского населения города [20. Ф. 1. Оп. 4. Д. 639. Л. 94]. В связи с этим Министерство внутренних дел уполномочило полесского воеводу провести повторные выборы в Брестскую раду. Результаты предыдущих были объявлены недействительными.

Новые выборы состоялись 19 сентября 1926 г. Право голоса имели 19,2 тыс. жителей Бреста (30 % католиков, 19 % православных, 49 % евреев); участие в голосовании приняли 14,4 тыс. человек. В итоге голосования в состав рады вошли 31 депутат, которые представляли различные этноконфессиональные группы жителей города (14 католиков, трое православных, 14 евреев). Значительное представительство (11 радных) в данном составе Брестской рады получили левые партии: ППС, Бунд, Поалей-Цион, а также блок «Рабочее единство» (профсоюзы, ППС-левица и Украинский крестьянский союз, находившиеся под влиянием коммунистов), набравший наибольшее количество голосов и представленный шестью радными. Десять мандатов получили беспартийные кандидаты, четыре – представители сионистских организаций, три – Еврейской организации ортодоксов и др. [20. Ф. 1. Оп. 4. Д. 639. Л. 94].

Белорусские земли по условиям Рижского мира оказались разделены на две части между Польшей и Советской Россией. На западнобелорусских землях, разоренных многолетними войнами и присоединенных к польскому государству путем завоевания, попытки создания демократических органов территориально-самоуправления провалились. Различными способами (прямые назначения на должности, недопущение еврейского населения к участию в выборах, приостановка деятельности городских рад, произвольное продление срока полномочий муниципальных органов) был установлен контроль над ситуацией в органах городской власти со стороны польской администрации и обеспечено значительное представительство польского населения. В таких условиях городское самоуправление являлось по существу подсобным органом местной администрации, осуществлявшим управление по вертикали и не представлявшим интересы горожан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гісторыя Беларусі. Минск, 2005. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.).
2. *Грыбко І.* Выбары ў гарадскія думы ў Беларусі ў другой палове 70-х – пачатку 90-х гадоў XIX ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 2002. № 3.
3. *Слобожанін В.П.* Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.). Минск, 2003.
4. *Брыгадзін П., Грыбко І.* Аляксандр II: «Тэрмінова прыступіць да паляпшэння грамадскага кіравання...» // Беларуская мінуўшчына. 1996. № 2.
5. *Свиб А.Ф.* Государственно-правовой статус Беларуси в составе России в пореформенный период (1861–1900). Минск, 2004.
6. *Шыбека З.В.* Гарады Беларусі. (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзю). Минск, 1997.
7. *Сарычев В.* В поисках утраченного времени. Брест, 2006. Книга первая.
8. *Мизун Д.А.* Германия и Беларусь. Уроки истории (1914–1922 годы). Минск, 2001.
9. *Асіноўскі С.* Вакханалія рабавання: Эканамічная палітыка нямецкіх акупантаў на Беларусі (1915–1918 гг.) // Архівы і справядства. 1999. № 4.
10. *Платонаў Р.* Пад пятой германскага кайзера // Беларускі гістарычны часопіс. 2001. № 5.
11. *Михутчина И.В.* Польско-советская война. 1919–1920 гг. М., 1994.
12. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. 2.
13. *Gomółka K.* Białorusini w Drugiej Rzeczypospolitej // Zeszyty Naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia. 1992. № 31.
14. *Gostyńska W.* Stosunki polsko-radzieckie. 1918–1919. Warszawa, 1972.
15. *Ціхаміраў А.В.* Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Минск, 2003.
16. *Gomółka K.* Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych w latach 1918–1922. Warszawa, 1994.

17. *Чернякевич А.Н.* Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период советско-польской войны (февраль 1919 – март 1921 года). Дис. ... канд. ист. наук. Гродно, 2001.
18. *Gierowska-Kallaur J.* Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 – 9 września 1920). Warszawa, 2003.
19. Dziennik Urzędowy Generalnego Komisarza Cywilnego Naczelnego Dowództwa W.P. Zarząd Wojskowy Ziem Wschodnich. Warszawa, 1919.
20. Государственный архив Брестской области.
21. *Jaroszyński M.* Samorząd terytorjalny w Polsce. Stan obecny. Wnioski do reformy. Warszawa, 1923.
22. Dziennik Praw Państwa Polskiego. Warszawa, 1919.
23. Rocznik miasta Brześća n/B, 1930. Brześć nad Bugiem, 1929.
24. Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы. Брест, 2009.
25. Dziennik Urzędowy Województwa Poleskiego. Brześć, 1922.
26. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1921.
27. *Сляшынскі В.* Нацыянальная палітыка польскіх улад на землях Усходняй Літвы і Заходняй Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2006. № 9.
28. *Bergman A.* Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1984.
29. *Mironowicz E.* Białoruś. Warszawa, 2007.
30. *Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І.* Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Минск, 2003.
31. *Iwanowski S.* Ustrój i zakres działalności władz państwowych i samorządowych Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1924.
32. *Мілеўскі Я.Е.* Нацыянальная структура гарадскіх рад у перыяд з 1919 па 1939 год у Віленскім, Навагрудскім і Палескім ваяводствах // Беларускі гістарычны часопіс. 2000. № 1.
33. *Inslar A.* Zagadnienia ustrojowe samorządu terytorjalnego w Polsce (uwagi na marginesie). Lwów, 1929.
34. Российский государственный военный архив.
35. Uchwała instytucji społecznych o Radzie miejskiej // Głos Poleski. Pismo tygodniowe. Brześć. 1923. № 32.
36. Czas rozwiązać // Głos Poleski. Pismo tygodniowe. Brześć. 1924. № 7.

© 2010 г. П.В. ЛУКИН, П.С. СТЕФАНОВИЧ

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Вышел в свет коллективный труд сотрудников Отдела истории Средних веков Института славяноведения РАН [1]. Разделами книги являются статьи С.А. Иванова «Болгарская общественная мысль эпохи раннего средневековья», Б.Н. Флори и А.А. Турилова «Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья», В.Я. Петрухина «Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа», О.А. Акимовой «Развитие общественной мысли в раннесредневековых государствах на западе Балкан», Б.Н. Флори «Польская общественная мысль раннего Средневековья» и А.М. Кузнецовой «Общественная мысль Чехии эпохи раннего Средневековья». Книга представляет собой очередное издание в ряду сборников и коллективных монографий, подготовленных этим научным центром и посвященных разным аспектам истории средневековых славянских обществ. Многие из них уже получили высокую оценку научного сообщества.

В кратком «Введении» [1. С. 7–8] указывается основная задача работы – показать, «как отражались характерные черты общественного строя славянских народов» раннего Средневековья «в памятниках общественной мысли того времени» в соответствующих национальных традициях. Важность такой задачи обосновывается тем, что в последние годы иначе стали смотреть на суть раннеславянских государств – если ранее акцент делался на формировании феодализма и складывании «классов феодалов-землевладельцев и зависимых крестьян», то в современной науке преобладает модель, согласно которой «господствующей социальной группой» была «дружина, объединявшая в своих рядах не феодалов-землевладельцев», а «воинов и подданных», материальное состояние и социальный статус которых зависел от отношения к правителю и доступу к центральной власти. Такая постановка проблемы представляет несомненный интерес. Отказ от концепции раннего зарождения феодализма и неудовлетворительность «общинной» концепции древнерусского строя (представленной в настоящее время И.Я. Фрояновым и его учениками) ставят перед современными отечественными историками естественный вопрос об альтернативных моделях. С другой стороны, такого рода коллективный труд дает возможность посмотреть на древнерусскую

Лукин Павел Владимирович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН.
Стефанович Петр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН.

историю в широком сравнительно-историческом контексте. Соотношение реальных исторических фактов и их отражения в памятниках историографии и общественной мысли, дошедших до нас, – тема тоже весьма актуальная в современной науке.

Вместе с тем нельзя не заметить, что этот замысел нашел неоднозначное воплощение в разных разделах книги. Это связано, на наш взгляд, помимо естественных различий в подходах и оценках авторов, главным образом, с двумя обстоятельствами. Во-первых, каждый из авторов, «ответственный» за тот или иной регион, располагает разными источниками и, соответственно, разными возможностями исследования и познания (в зависимости от сохранности источников, языка, на котором они написаны, жанровой специфики, тенденцииности и т.д.). Во-вторых, модель, предложенная в начале, не может считаться общепризнанной в науке (особенно если учитывать не только русскоязычную историографию, но и другие – немецко- и англоязычные, польскую, чешскую, болгарскую и т.д.). Уже указывалось на ее односторонность из-за того, что она не оставляет места коллективной «народной» политической инициативе (значение которой, кстати, особенно подчеркивается в последней работе К. Модзелевского – автора, на которого есть ссылка во «Введении» [2] (ср. [3])). С другой стороны, модель не может считаться универсальной – если в Чехии, Польше и на Руси она в той или иной степени оправдана, то в Болгарии и других южнославянских регионах, где не фиксируется само существование дружины (во всяком случае, в том виде, в каком она предстает в первых трех государствах), она выглядит проблематично. Во всяком случае, были бы вполне уместны пояснения по поводу источников и методики работы с ними, а также относительно того, что авторы понимают под дружиной, и какая специфика по сравнению с обозначенной моделью обнаруживается в соответствующих регионах. Законченности замыслу не хватает также из-за того, что отсутствуют разделы, посвященные Великоморавскому государству, Карантанскому княжеству и поморским и полабским славянам. Хронологические рамки «раннего Средневековья» не уточняются, но фактически в книге анализируются древнейшие источники (за исключением памятников старославянского языка, что, конечно, тоже вызывает некоторое недоумение) до конца XI – середины XII в. (рубежом, видимо, послужили хроники Галла Анонима и Козьмы Пражского и Повесть временных лет (ПВЛ)).

Первый раздел о самом раннем из славянских государств – древнем Болгарском – представляет собой обзор собственно политических воззрений по отдельным произведениям или комплексам данных – «Именник болгарских ханов», эпиграфика на греческом языке, печати, византийские данные X в. и отдельные произведения болгарской литературы X–XI вв. В династических легендах и преданиях, презентации правителя в надписях и на печатях, случайных пассажах житий или церковных поучений С.А. Иванов показывает, с одной стороны, разрыв между тюркскими чертами древнейшей болгарской государственности и идеями книжников Болгарского царства X–XI вв., а с другой – сложное взаимодействие с византийскими политическими теориями и практикой. Автор отказался от рассмотрения славянской эпиграфики¹ и переводной литературы «Преславской школы» и, соответственно, от анализа древнеболгарской социальной и политической терминологии, а также от попыток как-то связать выявленные им воззрения с реальным развитием общественных структур и политических институтов. Это придало его очерку определенную цельность, но в то же время оторвало его от общего замысла книги (а также лишило некоторых данных не только терминологического, но и самостоятельного литературного и исторического характера – см., например, описание «князя двора» в болгарском переводе «Шесто-

¹ См. новейшую публикацию [4].

днева» Иоанна Экзарха, принадлежащее, в основном, творчеству переводчика [5. С. 471 (л. 207об.)]. Автор отмечает факты, которые позволяют предполагать существование каких-то дружинных объединений в подчинении болгарских ханов [1. С. 16–17], но не ставит вопрос о их судьбе в славянскую эпоху Болгарского государства и не пытается поставить эти факты в какую-либо связь с данными из других славянских государств.

Б.Н. Флоря и А.А. Турилов, авторы второго раздела, посвященного общественной мысли Древней Руси, сосредоточили внимание, главным образом, на начальном летописании и агиографических памятниках. Фактически речь идет только об одном фрагменте древнерусской общественной мысли – мировоззрении образованных книжников, причем большей частью связанных с Киево-Печерским монастырем. Авторы это прекрасно сознают и совершенно справедливо пишут не об общественной мысли вообще (мы вряд ли можем что-то сказать о мировоззрении древнерусских смердов!), а о взглядах Печерских монахов или князя Владимира Мономаха. В разделе рассматриваются несколько ключевых проблем: представления о происхождении и сущности княжеской власти, взаимоотношениях князя и различных социальных групп (боярско-дружинной элиты, горожан, рядового населения, холопов), об идеальном образе князя, о праве и правом/неправом суде, о войне, мире, княжеских междоусобицах и в связи с этим – об идеальном политическом устройстве. Постановка именно этих проблем не навязывается источникам извне, а, наоборот, вытекает из их вдумчивого чтения. Средневековые книжники не интересовались, например, таким естественным для современных политических мыслителей вопросом, как государственная независимость, или проблемой, занимающей современных историков, – о роли младших дружинников в жизни общества [1. С. 53]. Ученые анализируют древнерусскую общественную мысль не как «вещь в себе», что было характерно для советской историографии (и отчасти происходит до сих пор), но на фоне всего большого региона Центральной и Восточной Европы, к которому Русь в домонгольское время, безусловно, принадлежала.

Наряду с обобщением уже высказывавшихся в историографии взглядов предлагаются новые, очень интересные выводы и наблюдения. Например, Б.Н. Флоря и А.А. Турилов усматривают следы практически не сохранившейся догосударственной («племенной») идеологии в летописном предании о прародителях радимичей и вятичей, пришедших «от Лях». В этой связи можно отметить, что вятичи еще существовали как общность во времена, когда работали Печерские книжники, и, следовательно, эти предания могли быть не литературным конструктом древнерусских летописцев, а частью реального «племенного» предания (см. также [6]). Важным является и наблюдение авторов о том, что создание городов в летописи «не сопутствует, а скорее предшествует» возникновению соответствующих княжений [1. С. 36]. Более того, такая картина рисуется даже вопреки исторической реальности: например, Новгород, по летописи, возник при расселении словен у оз. Ильмень, что прямо противоречит археологическим данным, согласно которым Новгород появляется только в X в., а Рюриково городище отражает варяжскую миграцию. Здесь просматриваются явные параллели с летописной псевдотопографией Киева, также не подтверждающейся современными археологическими исследованиями и отражающей, очевидно, более поздние представления киевской элиты о том, как «должен был» развиваться Киев, а не то, как он развивался в действительности (см. [7]).

Авторы совершенно верно отмечают, что летопись изображает горожан как самостоятельный политический фактор очень рано, еще в статьях за X–XI вв. [1. С. 43–44]. В этом смысле было бы правильным, как кажется, обратить внимание на статью ПВЛ под 1096 г., где упоминается предложение Святополка Изяславича и Владимира Мономаха «положить поряд» в Киеве «о Русьстѣи земли пред

епископы и пре-игумены и пред мужи отец нашихъ и пре людми градскими, да быхом оборонили Русьскую землю от поганыхъ» [8. Стб. 229–230]. Это сообщение демонстрирует, во-первых, древнерусские представления о социальной организации, и, во-вторых, то, какие общественные группы в действительности имели право принимать участие в политической жизни, в данном случае – быть гарантами соглашения. Таковыми оказываются не только высшее духовенство и дружинная элита («мужи отец нашихъ»), но и «люди градские» (т.е. свободные горожане).

Простой народ, как известно, почти не фигурирует в летописях. Поэтому для определения его места в общественной мысли, а точнее, представлений духовенства о том, как к нему должны относиться власть и элита, авторы обратились к церковно-каноническим и гомилетическим текстам. Выяснилось, что между нормами светского права и позицией Церкви существовала довольно существенная разница: так, Церковь налагала епитимьи за неправомерные действия в отношении «сирот» – бедняков. Однако наиболее разительным это несоответствие было применительно к холопам, власть господ над которыми светским правом была вообще никак не ограничена. Если оно не предусматривало никакого наказания за убийство холопа, то митрополит Георгий в третьей четверти XII в. предусматривал за это суровую церковную кару – трехлетнюю епитимью. Это обстоятельство служит хорошей иллюстрацией высказанной недавно английским историком С. Франклином мысли о плюрализме или даже параллельном существовании разных правовых систем в средневековой Руси. В связи с этим можно было бы также обратить внимание на проблему смертной казни, применение которой даже к волхвам, как показывают Канонические ответы митрополита Иоанна II (кон. XI в.), могло осуждаться Церковью [9. С. 4]. В то же время, как известно, в XI в. светская власть неоднократно расправлялась с волхвами: пытала и казнила их. Однако уже в «Поучении» Владимира Мономаха мы видим другое настроение, отразившееся в его завете сыновьям: «Ни права, ни крива не оубивайте, не повелѣвайте оубити его. Аще будетъ повинень см[е]рти, а д[у]ша не погубляете никакая же х[ре]с[тъ]яны» [8. Стб. 245]. В этом нельзя не видеть влияние той же христианской традиции, которая отразилась в ответах митрополита Иоанна или в словах, вложенных летописцем в уста Владимира Св., о том, что он не хочет вводить смертную казнь из-за боязни греха [8. Стб. 126–127].

Авторы выделяют такую важную особенность древнерусского летописания, отличающую его от многих центральноевропейских хроник, как высокую степень независимости от светской власти. Печерские монахи часто обличают князей, указывают на их пороки, без обиняков пишут об их преступлениях [1. С. 70–71]. Иногда (как в «Предисловии» к Начальному своду, выделенному А.А. Шахматовым) обличению подвергается княжеская власть в целом.

Авторы, анализируя представления летописцев о политической раздробленности Руси, ставшей заметной после смерти Ярослава Мудрого, выявляют идеал политического устройства Руси, который существовал в их сознании [1. С. 72–73]. Его элементы (каждый из князей владеет своей отчиной, все князья как близкие родственники и благочестивые христиане должны жить в мире и «любви», не покушаясь на законные владения друг друга, и вместе защищать «Русскую землю» от внешних врагов – прежде всего, степных кочевников) удивительно напоминают тот идеальный образ княжеских взаимоотношений, который установил Я.С. Лурье, анализируя идеологию составителя «Новгородско-Софийского свода» XV в. [10. С. 115–117]. Это говорит о чрезвычайной устойчивости подобного рода традиционных представлений, в рамках которых могло решительно осуждаться не только непослушание «младших» князей по отношению к «старшим», но и произвол «старшего» – киевского князя.

Среди отдельных немногочисленных неточностей отметим, например, указание на то, что согласно «Сказанию о чудесах свв. Романа и Давыда» (т.е. Бориса и Глеба) Владимира Мономаха на киевский стол в 1113 г. пригласила «киевская верхушка» [1. С. 53]. В источнике сказано несколько иначе: «Съвькупивъше ся вси людие, паче же большии и нарочитии моужи, шедъше причтъмъ всѣхъ людий и моляхоу Володимира, да вышедъ оуставить крамолоу соущую въ людъхъ» [11. С. 69], т.е. обратились к Мономаху все полноправные киевляне, а не только «верхушка», последняя их, как ей и подобает, возглавляла.

Можно также поспорить с мнением авторов о том, что ясно выраженное в так называемом Предисловии к Начальному своду противопоставление древних князей, не собиравших «много имения» и не налагавших на людей вир и продаж, князьям новым, все это делавшим, противоречит известной Печерским книжникам (и ими же созданной!) летописной традиции, согласно которой древние князья «примучивали» восточнославянские «племена» [1. С. 63]. На наш взгляд, противоречия здесь нет. Печерские летописцы были киевлянами, мыслили себя преемниками «полян – руси» и, может быть, в какой-то мере новгородских словен. Ни тех, ни других киевские «древние» князья, по их представлениям, не «примучивали». Полянам приписывается совершенно особая роль в начальном летописании: «От них же (т.е. Кия с братьями. – *П.Л., П.С.*) есть полянѣ в Киевѣ и до сего дне». Причем речь идет не только о территориально-политической преемственности, но и об особом Божьем благоволении к полянам еще тогда, когда они были язычниками. Об этом эксплицитно говорится в предании о хазарской дани, которую они заплатили мечами: «Не от своая воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья». Но самое поразительное не это. Само по себе действие Божественной благодати даже в языческой среде возможно в рамках христианского мирозерцания. В конце концов, «Дух дышит, где хочет». Однако пояснение летописца лишает нас возможности такого расширительного толкования: «Яко /и/ при Фаравонѣ, цари Еюпетьстѣмъ, еда приведоша Моисѣя предъ Фаравона, и рѣша старѣшина Фараона: “Се хочеть смирити область Еюпетьскую”, якоже и бысть: погибоша Еюптiane от Моисея, а первое быша работающе имъ. Тако и си (хазары – *П.Л., П.С.*) владѣша, а послѣже самѣм/и/ владѣють; якоже /и/ бысть: володѣють /бо/ Козары Русьскии /князи и/ до днешнего дне» [8. Стб. 17]. Сопоставление «смысленных» полян-язычников и ветхозаветного Израиля здесь очевидно. Преемственность между «русскими князьями» Рюриковичами и Кием с «братией» также выявляется достаточно определенно. Несмотря на некоторое сочувствие летописи к древлянам, они оставались для киевских монахов, безусловно, «чужими», а «своими» были поляне и князья Рюриковичи.

Сопоставление летописных свидетельств и «Поучения» Владимира Мономаха дает авторам возможность сделать обоснованный и радикально расходящийся с общими местами советской историографии вывод о том, что призывы Церкви к князьям заботиться о «сырых и убогих» были не просто демагогией, а находили определенный отклик в реальной деятельности власти и в собственных представлениях князей о том, как должен действовать идеальный правитель [1. С. 77–79]. В то же время авторы не преувеличивают воздействия христианских норм на реальную политику князей. Так, если Печерские летописцы считали совершенно обычным делом грабежи и угон пленных во время войн с половцами (иноверцами-язычниками) и, по мнению авторов, придавали походу 1111 г. некоторые черты «крестового похода», то такие действия в ходе княжеских усобиц они однозначно осуждали.

В целом раздел Б.Н. Флори и А.А. Турилова представляет прекрасный (хотя по необходимости не всегда полный) очерк представлений древнерусских книжников домоногольского времени о государстве и власти.

В разделе, нацеленном на сравнительный анализ германских и славянских историографических традиций, В.Я. Петрухин ставит четыре проблемы, рассматриваемые в отдельных параграфах: 1) связь «Сказания о призвании варягов» русской летописи с легендами о происхождении того иного народа, известными в национальных историографиях других раннесредневековых государств Европы (обычно условно обозначаемыми в медиевистике *Origines gentium*), 2) «репрезентация власти правителя», 3) «погребальный культ» правителя (правлящей династии), и 4) осмысление социальной структуры на Руси и в Скандинавии.

Первая проблема обсуждается с тех пор, как А. А. Куник нашел прямую текстологическую параллель словам «Сказания» «земля наша велика и обильна» в рассказе о призвании бриттами саксов у Видукинда Корвейского: «terra lata et spatiosa» (*Widukindi Res Gestæ Saxonicae*, I, 8). В целом, в современной науке преобладающим является мнение о скорее заимствованном характере «Сказания», и даже указывалось на конкретный момент такого заимствования – интенсификация связей Руси и Скандинавии при Владимире Мономахе. В.Я. Петрухин, однако, приходит к другому выводу. По его мнению, «общие мотивы и формулы» легенд «Сказания» и Видукинда «восходят к тому общему эпическому фонду “переселенческих сказаний” (так автор называет легенды *Origines gentium* – П.Л., П.С.), который сформировался в эпоху Великого переселения народов и становления варварских государств на севере Европы, от Англии до Руси» [1. С. 104]. Этот вывод не представляется убедительным. Решающим аргументом в его пользу были бы параллели между «Сказанием» и преданиями у народов, вовлеченных в Великое переселение, прежде всего у других славянских народов. Между тем, как хорошо известно (и подтверждено в соответствующих разделах рецензируемой книги), в славянских традициях ни центральный мотив «Сказания» – приглашение иноэтничных правителей управлять на определенных условиях, – ни частные эпизоды не находят никаких аналогий. И только в германо-скандинавском регионе обнаруживаются аналогии в отдельных деталях, которые свидетельствуют в пользу того, что текстологическое совпадение с саксонской легендой Видукинда совсем не случайно. Отсылки к некоему «эпическому фонду» не проясняют суть дела, а лишь усложняют без всякой на то необходимости.

Кстати, нельзя не пожалеть, что В.Я. Петрухину (как и авторам остальных разделов) осталась неизвестна новейшая работа Альхейдис Плассмана (*Alheydis Plassmann*), где как раз в сравнительно-историческом ключе рассматриваются легенды *Origines gentium* германского круга, чешские и польские (по хроникам Козьмы Пражского и Галла Анонима): *Origo gentis. Identitäts- und Legitimitätsstiftung in frühund hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen*, Berlin 2006 (*Orbis mediaevalis. Vorstellungswelten des Mittelalters*, 7). В работе, в частности, подробно излагается дискуссия, которая привела к появлению весьма обширной литературы, между «Венской» и («Торонтской») «школами» по поводу того, насколько можно доверять этнополитическим теориям средневековых книжников и в какой степени они взаимозависимы в чисто литературном отношении. Хотя В.Я. Петрухин ссылается однажды на работу Уолтера Гоффарта, главы «Торонтской школы» [1. С. 89], ход и результаты этой дискуссии, а также свое отношение к ней он никак не обозначил.

Ставя вопрос о «репрезентации власти правителя», В.Я. Петрухин приходит к выводу, что сакрализации правителя и правящей династии, свойственной германским народам, и идеи «двоевластия» («мотив Диоскуров») в политических воззрениях и практике Древней Руси не обнаруживается. Зато на аналогии между политическими представлениями скандинавских народов и древнерусскими В.Я. Петрухин указывает в третьем и четвертом параграфах. На «дружинных отношениях» автор останавливается кратко, отмечая лишь общеизвестные вещи – сходство вейцлы и полюдья, щедрость конунга (князя) по отношению к дружи-

не и т.д. Между тем именно этот «аспект сравнительно-исторического анализа» ближе всего стоит к общему замыслу книги и был бы более всего интересен в контексте дискуссий о дружине в современной науке (см. [12]).

Рассуждения же В.Я. Петрухина о «погребальном культе» представляются крайне странными. Отмечая сходства погребального обряда в курганах среднего Поднепровья, Гнёздова и Тимерёва X в. со скандинавскими и англо-саксонскими захоронениями, автор на основании данных древнерусского летописания пытается показать, что смерть русских князей «ритуализировалась» и «мифологизировалась», и в конце концов приходит к выводу о существовании «княжеского погребального культа» на Руси (что и составляет аналогию странам германского круга). Помимо того, что этот вывод противоречит собственному же заключению автора об отсутствии сакрализации правителя на Руси, возражения, а порой удивление и недоумение, вызывает интерпретация летописных данных о смерти Олега, Игоря и Святослава. Во всех этих сообщениях предлагается видеть свидетельства «казни-жертвоприношения» князя населением, которое было ему подчинено или которое он пытался подчинить. Как и в своей более ранней работе, В.Я. Петрухин, обращая внимание на то, что ПВЛ относит смерть Олега (по легенде, от укуса змеи, выползшей из черепа его коня) к осени, допускает предположение, что были сходны сами реальные обстоятельства смерти князей, а именно, что Олег погиб, как и Игорь, во время осеннего полюдья, причем тоже вследствие «конфликта с подвластными племенами» [13. С. 142–143]. Такое сближение автор оправдывает тем, что смерть Олега была «мифологизирована» «в контексте социального и ритуального противостояния руси (княжеской дружины) и словен», а смерть Игоря – «ритуализирована» той казнью, которой подвергли князя древляне. В новой работе В.Я. Петрухин со смертью Олега и Игоря сопоставляет еще и смерть Святослава, которая «находит ритуализованное воплощение уже в тюркской традиции – печенежский хан делает из черепа Святослава пиршественную чашу». «Предел славы, положенный Святославом, – завершает автор пассаж о гибели князя, – был пределом и концом того архаического понимания “свято-сти”, которое требовало “экстенсивного” расширения собственного культурного пространства и власти (“своей земли”) находящимся в центре этого пространства князем-воителем» [1. С. 130–132]. Такие неожиданные повороты мысли оставляют много вопросов – почему гибель в полюдье должна быть обязательно «ритуализована», причем тут какие-то «жертвоприношения», какое отношение к древнерусскому «княжескому погребальному культу» имеют печенежские традиции, что это за архаическая «свято-сть» и «культурное пространство» «князя-воителя» и т.д. и т.п.

Не менее странно выглядит попытка автора найти преемственность в древнерусском «княжеском погребальном культе» между эпохами язычества и христианства. Так, применительно к прославлению Бориса и Глеба автор пишет, что «княжеские гробницы были местами культа и в дохристианский период, и новые святые оказывались включенными в традиционный контекст княжеского погребального культа» [1. С. 133]. Признавая, что культ князей-страстотерпцев противоположен языческим мировоззрению и культам, автор в то же время утверждает, что «Борис и Глеб стали культурными героями восточнославянского фольклора, продолжающими архаические традиции “русской святости” – благодатной силы, простирающейся над миром» и что они стали «первыми общерусскими святыми, объединяющими государственный – княжеский – культ и народное почитание носителей “святого” плодородия» [1. С. 137]. На фольклорные данные ссылок нет; факты, подтверждающие, что «княжеские гробницы были местами культа и в дохристианский период», не приводятся; что такое «святое плодородие» и «благодатная сила» «русской святости», никак не поясняется. Можно догадаться, что автор ориентируется на работы В.Н. Топорова, но нельзя не поразиться, с какой

прямолинейностью выводы лингвистов (сами по себе далеко не бесспорные и неоднозначные), основанные главным образом на этимологии слова «святой», применяются к письменным и археологическим источникам, и какие исторические выводы затем следуют².

Раздел О.А. Акимовой посвящен развитию общественной мысли у балканских славян: хорватов и сербов. Главная сложность здесь состоит в том, что для раннего периода у этих народов полностью отсутствует собственная историографическая традиция. Ничего похожего на ПВЛ или хроники Козьмы Пражского и Галла Анонима здесь нет. Собственная историческая традиция («Летопись попа Дуклянина», хроника Фомы Сплитского) появляется поздно. Там, где с трудом может быть восстановлена история как таковая, вряд ли можно реконструировать общественную мысль в настоящем смысле этого слова. В основном автору пришлось выуживать крупными кусками информацию из сочинений иностранных, главным образом, византийских авторов. Конечно, О.А. Акимова привлекает данные археологии, отрывочные сведения, содержащиеся в актовом материале (тоже весьма небогатом), но они не дают сколько-нибудь полной картины. А с византийскими источниками всегда встает вопрос: о чьих представлениях идет речь – славянских варваров или образованных ромеев? Так, например, О.А. Акимова пишет о южнославянских «старцах-жупанах», упоминающихся в *De administrando imperio* (DAI) Константина Багрянородного (с. 166) (в оригинале – ζουλάνοι γέροντες), но какой именно титул использовался славянами? Скорее всего, «жупаны». Но γέροντες («старцы») больше всего похожи на глоссу, пояснение, сделанное византийским автором для византийцев, которые едва ли знали, кто такие «жупаны». Другая сложность – это политэтнический характер населения Балканского полуострова в раннее Средневековье: не вполне ясно, например, можно ли относить к славянской общественной мысли представления жителей далматинских городов (в основном романоязычных).

Вместе с тем О.А. Акимова анализирует доступные крайне немногословные источники полно, иногда даже филигранно, и в ряде случаев ей удается получить определенную информацию, если и не об общественной мысли как таковой, то об ее отдельных элементах – таких, как хорватский и сербский этиологические мифы, титулатура правителей или прославление правящих династий³. Важным представляется вывод автора о нечеткости официальной титулатуры и социальной терминологии в балканском регионе. Так, один и тот же правитель мог фигурировать в источниках и как *comes*, и как *dux*, и как *gex*, а рядовое свободное население далматинских городов могло появляться как под распылчатым наименованием *ignobiles*, так и характеризоваться с помощью самых общих понятий (типа «все островитяне») [1. С. 204].

Правда, работа с разноязычными источниками может иногда привести к некоторым несогласованностям. Это особенно касается латинских выражений, которые автор передает по-русски не всегда теми падежами, которые стоят в оригинале («нобилями и ненобилями» – *nobilium et ignobilium*) [1. С. 204], или же со сбоем в числе («дарованному» – *donatas*) [1. С. 186]. Автор обычно очень четко передает в переводе мельчайшие нюансы оригинала (что важно, поскольку речь идет о титулатуре), но и здесь встречаются неточности: *dux Alemannorum* в переводе выступает как «германский князь» [1. С. 169], а не «князь/герцог германцев». В другом месте [1. С. 165] русскому переводу «одного из князей» соответствует бессмысленное *ex ducibus eorum* (в оригинале – «Анналах королевства франков»,

²Ср. в связи с этим скепсис историка и археолога по отношению к концепции «основного мифа» В.В. Иванова и В.Н. Топорова [14. С. 58–65].

³Странно, впрочем, что, обсуждая DAI Константина Багрянородного, О.А. Акимова вовсе не упоминает другой его трактат – *De cerimoniis*, в котором также содержится определенная информация о балканских славянах.

где речь идет об убийстве Людевитом Посавским одного из сербских князей – сказано: *Uno ex ducibus eorum [...] interfecto* [15. S. 158]).

Однако это – детали, а серьезным упущением выглядит отсутствие в сборнике, посвященном славянской общественной мысли, раздела о Карантании, которому уместнее всего было бы находиться в связи или в составе «балканской» главы. Ведь применительно к Карантании полнее всего известна церемония интронизации правителя, которую для других славянских стран приходится реконструировать буквально по крупицам. Это можно было бы как-то объяснить, если бы тема интронизационных ритуалов вообще была бы опущена, но она затрагивается (например, в разделе о Древней Руси, где соответствующие данные крайне отрывочны и противоречивы⁴). Между тем, карантанское посажение на «княжеском камне» описано в нескольких источниках, причем подробнее всего в «Швабском зеркале» – немецкой юридической компиляции 70-х годов XIII в. Протограф описания церемонии словенский ученый Б. Графенауэр возводил к XI в. [17. S. 203–206]. Несмотря на то, что в это время Карантанское княжество уже утратило самостоятельность и вошло в состав Священной Римской империи (поэтому в нем речь идет об интронизации уже не князя, а воеводы, который затем получает свою власть в лен от императора), в нем есть явные черты, свидетельствующие о том, что церемония уходит своими корнями в эпоху независимости. Описание церемонии, кульминационный акт которой происходил на находившемся на Господском поле в районе Крнского града «княжеском камне», представляет собой уникальный источник для изучения славянских церемоний и ритуалов, связанных с передачей власти, но в контексте сюжетов, занимающих первостепенное место в рецензируемой книге, достаточно обратить на одно в высшей степени существенное обстоятельство. Во время интронизации воевода облачается в *крестьянскую* одежду: серый кафтан, подпоясанный красным поясом, серую «славянскую» (*windischen*) шляпу и т.д. [17. S. 172–173]⁵. Параллель с польской и чешской легендами о князьях-пахарях Пясте и Пржемысле здесь очевидна. Более того, карантанская церемония может пролить свет на то, какую роль играли такие представления для консолидации славянских архаических социумов, поскольку в польской и чешской традиции эти легенды, как хорошо показано в соответствующих разделах Б.Н. Флори и А.М. Кузнецовой, подверглись переосмыслению со стороны образованных средневековых латиноязычных книжников⁶. Определенные сведения о династии и способе избрания карантанских князей (*duces*) содержатся в трактате IX в. *Conversio bagoariorum et carantanorum* [19. S. 42, 44].

В разделе о польской общественной мысли Б.Н. Флоря анализирует «Хронику» Галла Анонима. Тщательное исследование позволило автору в рассказе Анонима о событиях политической истории Польши конца X – начала XII вв. различить, с одной стороны, идеологию, «социологические схемы» и политические пристрастия самого рассказчика, а с другой – реальную подоплеку событий, и, определив ту меру, в какой взгляды Анонима были свойственны если не всему польскому обществу, то хотя бы его верхам, предложить объективную картину отношений правителей с различными социальными слоями (прежде всего, знатью). В частности, Б.Н. Флоря показывает, как Галл подчеркивает роль правителя и прославляет Болеслава III Кривоустого, и констатирует отличие от русского

⁴Новейшее исследование древнерусского интронизационного церемониала см. [16]. Там же есть и сопоставление, хотя и далеко неполное, древнерусской интронизации с чешской и карантанской, о которых имеются гораздо более полные сведения.

⁵То, что карантанский князь является к императорскому двору «словно крестьянин», прямо сказано в одной из проповедей знаменитого немецкого проповедника XIII в. Бертольда Регенсбургского, который также вкратце упоминает эту церемонию [17. S. 72–73].

⁶Карантанской интронизации посвящена огромная литература, см. только новейшие работы [18].

летописания, получившего законченный вид в ПВЛ, и «Хроники» Козьмы Пражского, которые нацелены на демонстрацию сотрудничества правителей со знатью (дружиной). Очень тонким представляется вывод, что прославление Болеслава Галлом совсем не свидетельствует об усилении власти князя в Польше. Оно лишь отражало взгляды одной группы людей в окружении Болеслава – более молодых, старавшихся оттеснить старую дружину, – и тем самым «конфликт поколений» в среде польской знати [1. С. 233]. Мы видим здесь яркий пример неоднозначности и не-«однолинейности» в отражении общественных реалий в общественной мысли. Такой же пример расхождения между реальными социально-политическими процессами и реакцией на них в общественной мысли Б.Н. Флоря демонстрирует на примере отражения отношений польских князей с представителями церкви в «Хронике».

Центральными идеями Галла, как показывает Б.Н. Флоря, была идея об исключительных правах Пястов на власть как «природной» династии, сохраняющей польский престол как наследство, и мысль о божественном покровительстве его главному герою – Болеславу III [1. С. 235–238]. Значительное место автор уделяет взглядам Галла о месте Польши в кругу соседних государств. В изложении событий войны Болеслава Кривоустого с Генрихом V в 1108–1109 гг. ярко выразился «патриотический» идеал свободы отечества, общий для Галла и польской знати [1. С. 245–246]. Рассказы о борьбе Болеслава с поморянами свидетельствуют о том, что хронист был знаком с идеологией священной войны, популярной в Европе в то время [1. С. 260].

Обсуждая нормы политического поведения знати, Б.Н. Флоря выступает против тезиса Я. Адамуса о том, что уже в начале XII в. в Польше сложилось предвзятие о «праве (знати) на сопротивление» правителю (так называемое *Widerstandsrecht*), нарушающему традиционные нормы [1. С. 240–242]. Справедливо, что это право, сложившееся в западноевропейских странах в ходе развития вассальных отношений и сословных прав, не могло даже теоретически иметь какое-то применение в Польше (как и в других славянских странах) того времени. Однако не надо думать, что польская знать была полностью связана с правителем некими нерушимыми узами верности. Как показывают древнерусские данные, знать опиралась на неписанные нормы отношений с князем (право на «исправу», право уйти с княжеской службы, которое позднее кристаллизовалось в «право отъезда», и др.), которые давали ей значительные возможности для независимости, свободы решений и влияния на правителя [20. С. 264–267]. Верность как осознанный и ясно сформулированный идеал в отношениях правителя и знати – это явление относительно позднее и связанное с непростым и длительным проникновением христианских идеалов поведения и идеи богоустановленности власти в политическую культуру. Это хорошо показано на материалах германо-скандинавских и, по-видимому, верно и для Древней Руси (ср. [21]). Автор слишком большое значение придает упоминанию Галлом неких «присяг», которыми польская знать была обязана Болеславу III, и делает вывод, что «все члены дружины» должны были приносить правителю присягу, которая «объединяла общественные верхи в единое целое» [1. С. 233–234]. Это как раз тот случай, когда в словах хрониста надо видеть не столько отражение неких древних традиций, сколько стремление выдать желаемое за действительное; во всяком случае, воспринимать эти слова можно только с существенными оговорками. Не говоря уже о том, что никакая присяга сама по себе не может сколько-нибудь значительные группы людей реально связать «в единое целое», древнерусские данные, сопоставленные с данными из других регионов раннесредневековой Европы, свидетельствуют против исконности обычной клятвы верности вождем правителю. Как и идеал верности, этот обычай начал проникать в политическую практику относительно поздно, когда христианские идеи стали использоваться

властью в арсенале средств для удержания верности знати. Это процесс начался как раз приблизительно в начале XII в. и вероятно более или менее параллельно в разных славянских странах. Во всяком случае, первая попытка на Руси привести знать к клятве относится только к началу XII в. (причем речь идет совсем не о «дружинной» присяге – Владимир Мономах, киевский князь, приводит к клятве новгородских бояр, заставляя их признать права на новгородский стол за его детьми). К осторожности в суждениях о «верности» в отношениях правителя и знати склоняет и окончательный вывод самого же Б.Н. Флори о том, что, с одной стороны, Галл (несмотря на активное прославление Болеслава) признавал за польскими сановниками значительные силы и возможности влиять на важнейшие политические решения и государственное управление, а с другой, что они и на самом деле играли первостепенную роль в государстве – без поддержки знати (дружины) «правитель становился бессильным» [1. С. 244].

Можно пожалеть, что некоторые работы польских историков последних 10–20 лет, прямо касающиеся «Хроники» Галла Анонима и отражения в ней исторических событий и явлений социального строя, остались вне поля зрения автора⁷. Весьма любопытны работы молодого польского историка Павла Жмудцкого, специально посвященные польским и древнерусским дружинным отношениям, который для анализа проблем, затронутых как раз в рецензируемой книге – отношения с князем, верность дружины и др., – пытается применить методы и идеи социальной антропологии⁸.

Раздел А.М. Кузнецовой написан в соответствии с той же структурой, что и статья Б.Н. Флори о польской общественной мысли. Автор также берет за основу одно важнейшее произведение чешской хронистики – Хронику Козьмы и сопоставляет его с другими нарративными источниками: житиями св. Вацлава – в основном латинскими и, прежде всего, с самым пространным из них – так называемой Легендой Кристиана. По поводу последнего исключительно интересного текста в историографии долгое время шли дискуссии о том, относится ли он действительно к X в. или является более поздней средневековой фальсификацией. Автор совершенно справедливо присоединяется к сторонникам аутентичности Легенды Кристиана, считая этот спор в целом решенным [1. С. 266–267], но можно было бы учесть еще работу датского ученого Х. Келльна, пришедшего к выводу о том, что Легенда Кристиана была написана одним из членов чешской княжеской династии (по-видимому, братом Болеслава II) вскоре после 1004 г. [26].

А.М. Кузнецова рассматривает взгляды Козьмы и других чешских средневековых книжников на происхождение нации и династии, отношения правителя и знати, правителя и «народа», правителя и духовенства и т.д. Очень интересным представляется вывод о том, что наиболее ранний рассказ о зарождении государства у чехов, отразивший предание, сложившееся еще в дохристианскую эпоху, сохранился в Легенде Кристиана, а в «Хронике» Козьмы он подвергся существенной переработке, прежде всего, на основании литературных (христианских и античных) источников. Автор отмечает противоречие в житиях св. Вацлава между христианско-монашеским и дружинным идеальными образами правителя. Намеченное автором интересное сопоставление «поучений князьям» на примере завещания Болеслава чешского и «Наставления сыну Имре» венгерского короля Стефана (XI в.) заставляет только посотовать, что Венгрия (вероятно, из-за ее «неславянскости»?) выпала из поля зрения авторов.

Жаль, что А.М. Кузнецова мало внимания уделила славянским житиям Вячеслава. Тем более что одна из двух его славянских версий – так называемое 1-е ста-

⁷ Отметим в первую очередь книгу Чеслава Дептулы [22]: Ср. обсуждение работ Я. Банашкевича и Ч. Дептулы [23], а также ряд статей, затрагивающих отдельные, но порой весьма существенные аспекты «Хроники», в специальном выпуске [24].

⁸ Его статьи 2005–2008 гг. обобщены в только что вышедшей книге [25].

рославянское Житие св. Вацлава (1ЖВ) – является древнейшим произведением, созданным на чешской почве и дошедшим до наших дней. Автор, правда, считает [1. С. 266], что 1ЖВ уступает по древности некоторым латинским версиям, однако это весьма спорная и далеко не общепринятая точка зрения. Многие специалисты полагают, что 1ЖВ является древнейшим памятником чешской литературы, созданным в первые годы после смерти св. Вацлава (935 г.). До последнего времени точку зрения, что 1ЖВ было создано позднее – до конца X в. – и что в его основе лежал некий латинский текст, защищал, прежде всего, видный чешский медиовист Д. Тржештик, который обобщил аргументы «скептиков» против раннего и оригинального происхождения 1ЖВ, а также против существования славянской богослужения и сколько-нибудь значительного распространения славянской письменности в древней Чехии (обычно эти вопросы у «скептиков» выступают взаимосвязанными) (см. [27. S. 189–218]). Что касается создания 1ЖВ и распространения славянской письменности, эта аргументация построена, в основном, на доводах *ex silentio* или фактах, которые не допускают однозначной интерпретации, и ввиду ряда специальных филологических и лингвистических работ, противоречащих ей, она не представляется обоснованной. 1ЖВ содержит очень важные и интересные данные об образе правителя, источниках его власти и средствах (в том числе идеологических) ее укрепления, отношениях его со знатью и т.д.

В Заключении авторы пытаются обобщить данные, приведенные в отдельных разделах, чтобы наполнить конкретным содержанием ту модель, которая была обозначена во «Введении». Представляется не случайным, что речь при этом идет в основном только о трех славянских государствах – Польше, Чехии и Руси – и соответственно о трех традициях общественной мысли. На этих материалах модель правитель – дружина, вне всякого сомнения, находит подтверждение, и с авторами можно согласиться в том, что касается значения знати, связи ее с правителем и т.д. Справедливо отмечают изменения в общественной мысли в связи с появлением разных тенденций в элите и угрозой распада единых государств. В целом, книга удачно и убедительно показывает связь – зачастую не бросающуюся в глаза и далеко не однозначную и прямолинейную – между реальным социальным развитием и его осмыслением современниками. Выявляются многочисленные общие черты, а главное – принципиальная сопоставимость – при сравнении трех произведений историко-анналистического жанра: русского начального летописания, и хроник Козьмы Пражского и Анонима Галла. Гораздо сложнее обстоит дело с южными славянами. Социальная структура и общественная мысль в южнославянских раннесредневековых государствах существенно отличалась от «центрально-европейской» или древнерусской моделей, что ясно видно и из соответствующих разделов монографии. Вообще, возникает вопрос, насколько применим к раннему Средневековью столь актуальный для науки XIX в. – эпохи противостояния «германизма» и «славянства» – «этнический» подход, заставляющий изучать порознь, с одной стороны, далматинские и итальянские городокоммуны, с другой – славянские и германские области «варварской Европы» или обладавшие очень схожими социальными системами славянские Польшу и Чехию и неславянскую Венгрию. Однако это уже другая проблема. Возможно, ее решат последующие труды авторов данной коллективной монографии, которая является, вне сомнений, ценным вкладом в современную науку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2009.
2. *Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa, Warszawa, 2004.
3. *Стефанович П.С.* Рец. на: *Modzelewski Karol.* Barbarzyńska Europa // Отечественная история. 2006. № 4; *Лукин П.В.* «Варварская Европа» и современные проблемы изучения раннесредневековых славянских обществ. О новой книге К. Модзелевского // Славяноведение. 2008. № 2.

4. *Popkonstantinov K., Kronsteiner O.* Старобългарски надписи. *Altbulgarische Inschriften 1.* (Die Slawischen Sprachen, Bd. 36). Salzburg, 1994; *Popkonstantinov K., Kronsteiner O.*, Старобългарски надписи. *Altbulgarische Inschriften 2.* (Die Slawischen Sprachen, Bd. 52). Salzburg, 1997.
5. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Подг. Г.С. Баранкова. М., 1998.
6. *Лукин П.В.* Восточнославянские «племена» в русских летописях: историческая память и реальность // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.
7. *Лукин П.В.* Ранняя топография Киева и начальное летописание // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 14–17 апреля 2009 г. Материалы конференции. М., 2009.
8. Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1.
9. Памятники древнерусского канонического права. Ч. I (Памятники XI–XV в.) // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. VI.
10. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 2004.
11. Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
12. *Стефанович П.С.* Германская дружина и попытки сравнения ее со славянской дружиной: историографический обзор // *Rossica antiqua*. СПб., 2006. Вып. 1.
13. *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск, М., 1995.
14. *Клейн Л.С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.
15. *Annales regni Francorum inde ab a. 741 usque ad a. 829 qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi* / rec. F. Kurze. Hannoverae, 1895 (*Scriptores rerum Germanicarum ex Monumentis Germaniae historicis separatim editi*).
16. *Гвозденко К.С.* Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36).
17. *Grafenauer B.* Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih slovencev. Ljubljana, 1952 (*Slovenska Akademija znanosti i umetnosti. Razred za zgodovinske in družbene vede. Dela 7*).
18. Der Kärntner Fürstenstein im Europäischen Vergleich. Tagungsbericht Symposium Gmünd 20. bis 22. September 1996. Gmünd, 1997; *Pleterski A.* Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov // *Zgodovinski časopis*. 1996. L. 50. Št. 4 (105); *Kahl H.-D.* Der Staat der Karantanen. Fakten, Thesen und Fragen zu einer frühen slawischen Machtbildung im Ostalpenraum (7–9. Jh.). Ljubljana, 2002 (Slowenien und die Nachbarländer zwischen Antike und Karolingischer Epoche. Anfänge der slowenischen Ethnogenese. Ergänzungsband) S. 143–149; *Geary P.J.* Slovenian Gentile Identity: From Samo to the Fürstenstein // *Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe* / ed. I.H. Garipzanov, P.J. Geary, P. Urbańczyk. Turnhout, 2008. P. 243–257.
19. *Wolfram H.* *Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die Erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien.* Wien etc., 1979.
20. *Стефанович П.С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008.
21. *Стефанович П.С.* Понятие верности в отношениях князя и дружины на Руси в XII–XIII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31).
22. *Deptula Cz.* Galla Anonima mit genezy Polski. Studium z historiozofii i hermeneutyki symboli dziejopisarstwa średniowiecznego. Lublin, 1990. Wyd. 1; Lublin, 2000. Wyd. 2.
23. *Żmudzi P.* Spór o analizę strukturalną podań i mitów dotyczących «Początku» Polski // *Przegląd historyczny* 93. 2002. № 4.
24. *Кwartalnik historyczny*. 2005. Roczник CXII. № 3.
25. *Żmudzi P.* Władca i wojownicy. Narracje o wodzach, drużynach i wojnach w najdawniejszej historiografii Polski i Rusi. Wrocław, 2009.
26. *Kölln H.* Die Wenzelslegende des Mönchs Christian. Copenhagen, 1996.
27. *Trěštik D.* Slovanská liturgie a písemnictví v Čechách 10. století. Představy a skutečnost // *Svatý Prokop, Čechy a střední Evropa* / ed. P. Sommer. Praha, 2006.

Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. Рязань, 2009. 304 с.

В 2009 г. в издательстве «Александрия» вышло из печати сочинение Лаврентия (Вавржинца) из Бржезовой. Это один из главных источников по истории гуситского движения (1419–1485), открывающего серию «ранних революций» в Европе, для которых характерно сложное соединение экономических, социальных, политических, идеологических и религиозных факторов.

Это произведение освещает только начальный период гуситского движения. Сам Лаврентий из Бржезовой происходил из семьи мелкопоместной шляхты, в 1390 г. получил степень бакалавра свободных искусств в Пражском университете, а в 1394 г. стал магистром, затем, после незавершенного обучения на юридическом факультете, служил в пражской королевской канцелярии. Помимо службы он занимался литературной деятельностью, в том числе и переводами на чешский язык различных произведений, разделял идеи Яна Гуса и впоследствии вместе с его соратниками был близок к умеренному крылу. Во время революции он оставался в Праге и вел делопроизводство канцелярии Нового Города Пражского, принимал активное участие в подготовке делегатов на Базельский собор, а в 1431 г. прославил позмой победу гуситов над войском крестоносцев в битве у Домажлиц. Последние сведения о Лаврентии из Бржезовой относятся к 1437 г. В то время ему было уже 67 лет.

«Гуситская хроника» является выдающимся историческим сочинением гуситской эпохи, написанным на латинском языке. Начинается она с описания событий, связанных с собором в Констанце (1414), и откликов на них в Чешском

королевстве, смерти короля Вацлава IV и событий до битвы на горе Витков. Далее Лаврентий останавливается на программах гуситов и излагает четыре Пражские и двенадцать Таборитских статей. В хронике есть подробное описание возникновения лагеря таборитов, их программы, учения, а также последствий ухода хилиастов из Табора. Изложение доведено до 1421 г. и внезапно обрывается на середине фразы. Вероятно, окончание хроники утрачено уже в оригинале рукописи.

Понятно, что взгляды Лаврентия в процессе написания хроники менялись. Начав работу под влиянием революционного энтузиазма, автор постепенно охладел к революционному движению: зажиточный горожанин умеренных взглядов понял, что конфликт гуситов с католиками ведет к разрушению «когда-то счастливого и известного Богемского королевства» (с. 27). Отсюда осуждение таборитского радикализма, разрушения костелов и монастырей. Во всей хронике чувствуется национальный патриотизм автора. Не случайно он называет немцев не только чехофобами, но и жестокими преследователями истины. Вместе с тем он крайне неодобительно относится к императору Сигизмунду за то, что он не оказал поддержки Гусу во время суда.

Название «Гуситская хроника» было дано произведению Я. Голлом, который и издал ее в 1877 г. В изложении событий Лаврентий опирался как на свидетельства современников, так и на официальные документы о работе Констанцского собора. Благодаря литературным способностям автора, произведение принадлежит к лучшим образцам чешской средневековой литературы. Сохранилось большое

количество списков, свидетельствующих о популярности сочинения Лаврентия. Данные из хроники часто использовались последующими авторами. Латинский текст известен в ряде вариантов. Наиболее полный из них относится к 1467 г. На чешский язык хроника была переведена, вероятно, в конце XV в. Текст сохранился, однако, только в списке XVIII в. Один из отрывков хроники был издан еще в 1724 г., а полный латинский вариант издал Гефлер в 1856 г. Чешский перевод Гержманского вышел в 1954 г.

На русский язык хроника была переведена В.С. Соколовым по изданию Я. Голла, подготовлена к публикации Й. Мацеком и вышла в 1962 г. К сожалению, предисловие этого издания в наши дни устарело, появились новые сведения о жизни и деятельности Лаврентия, многие спорные вопросы уточнены. Более полные данные излагаются в характеристике хроники, приложенной к чешскому изданию 1979 г., а на русском языке приведены в монографии Л.П. Лаптевой «Письменные источники по истории Чехии периода феодализма» (М., 1985).

Поэтому исследователи были вправе ожидать, что в новом издании «Хроники» Лаврентия будут исправлены не только данные об авторе произведения, но также и комментарии Й. Мацека. Но этого читатель в рецензируемом произведении не найдет, ибо оно, по сути, представляет собой переиздание 1962 г., дополненное небольшой вводной справкой, также не отличающейся новизной. Зато в «Предисловии» использованы категорические оценки, отрицательно характеризующие гуситское движение. Автор справедливо отмечает негативные последствия от культурной изоляции Чехии, однако необоснованно обвиняет гуситское движение в расколе общества, способствовавшем усилению абсолютизма Габсбургов и в конечном счете приведшем в начале XVII в. к новой гражданской войне (с. 8–9). Приход к власти Габсбургов стал элементом роковой случайности – гибелью молодого короля Чехии и Венгрии в кровопролитном сражении с турками в 1526 г. Раскол по религиозному признаку (с. 8) также не корректно относить к отрицательным сторонам гуситского движения, так как он вполне соответствовал стремлению европейцев к конфессионизации.

Довольно странной выглядит и оценка таборитских войск, которые «отличались особой даже для Средневековья жесто-

костью» (с. 10). Здесь автор, сам того не ведая, следует за католической антигуситской историографией, умалчивающей о том, что католики считали еретиком каждого чеха независимо от его вероисповедания, сбрасывали в Кутногорские шахты живыми пленных чехов. В связи с этим можно вспомнить безжалостное искоренение альбигойской ереси, религиозные войны с Варфоломеевской ночью во Франции, сожжение современницы гуситских войн Жанны д'Арк, а также в более поздний период охоты на ведьм. Между прочим, данная оценка таборитов не согласуется с вступительной статьей Й. Мацека, который откровенно симпатизировал гуситскому движению. Он предупреждал читателей, что «резкая позиция Лаврентия затемняет действительную картину исторического значения Табора» и «не может быть сомнений в том, что революционный подъем таборитских “божьих” бойцов был главным фактором победоносного гуситского движения [...] следовательно, нужно осторожно и критически принимать сведения о хилизме, о пикардах, об опустошениях, явившихся результатом войн таборитов, и нельзя считать правильными те оценки, которые мы встречаем в “Гуситской хронике”. За нравственными, политическими и религиозными объяснениями нужно суметь распознать классовые интересы автора хроники, иначе можно впасть в ошибку» (с. 20). Правда, от аналогичных ошибок не был свободен и сам Й. Мацек, писавший данное предисловие в начале 1960-х годов. Тем не менее, все его комментарии издатель счел допустимым оставить, хотя они на сегодняшний день являются явным анахронизмом. Так, деятельность магистра Якоубека из Стржибра (с. 28), магистра Стефана Палеча (с. 33), Ченека из Вартенберга (с. 54) с современной точки зрения оценивается по-другому. В комментарии, относящемся к гуситскому полководцу Яну Жижке, отмечается, что он принимал участие в Грюнвальдской битве на стороне поляков (с. 50). Этот факт до сих пор указывается во всех школьных учебниках, в то время как исследователям так и не удалось найти в достоверных источниках его имени среди пришедших на помощь полякам в их борьбе с Орденом немецких рыцарей. Чешские и польские историки в последние годы придерживаются точки зрения, согласно которой легендарный полководец гуситов мог принимать участие в битве, но неизвестно,

на чьей стороне, так как отряды чешских наемников сражались как на стороне поляков, так и на стороне Ордена.

Вероятно, издатель не имел возможности ознакомиться с работами современных чешских исследователей, однако в последние годы был опубликован ряд трудов отечественных гуситологов (например, Л.П. Лаптевой, А.В. Рандина и др.), которые учли труды и концепции современных чешских ученых. Эти работы дают представление о новых тенденциях, появившихся в современных исследованиях гуситского периода. Рецензируемое издание оставляет ощущение попытки вернуться в прошлое. У составителя издания А.И. Цепкова нет сложившегося

взгляда на события, в оценках он опирается только на популярную справочную литературу, некритически соединяя старое и новое: некоторые факты взяты из современных материалов, но многое необоснованно оставлено без внимания. Тем самым он вводит в заблуждение читателя. Повторная публикация хроники имеет, конечно, определенное значение, делая издание доступным, но вынуждает читателя самостоятельно пробираться сквозь противоречия в характеристиках и оценках и не устраняет необходимости нового критического издания в соответствии с современными требованиями.

© 2010 г. Л.М. Гаркуша

Славяноведение, № 4

Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. 315 с.

Благодаря энергии руководителя проекта, автора идеи и составителя, председателя Русского академического союза в Болгарии, старшего научного сотрудника Центра науковедения и истории науки БАН Сергея Александровича Рожкова в свет при поддержке гранта фонда «Русский мир» вышла изданная Русским академическим союзом в Болгарии уникальная книга-альбом, в которой 35 ее авторов, в основном болгарских, в почти полусотне различных по жанру публикаций создали многоцветную картину жизни наших соотечественников в стране, ставшей для многих родной, в течение двух с небольшим сотен лет.

О необходимости и важности появления такого труда говорится в вступительном слове посла России в Болгарии Ю.Н. Исакова, в обращении к читателям председателя Государственного агентства «Архивы» при Совете министров Болгарии Б. Бужашки, и во введении от Сергея Рожкова. Так, русский дипломат подчеркнул, что «авторам исследований удалось с помощью “послойного сканирования” представить всю глубину и объем русской эмиграции в Болгарии, которая стала самостоятельным явлением как в общественной жизни страны, так и в непростой истории русского зарубежья в це-

лом» (с. 7). В свою очередь руководитель архивной службы Болгарии Б. Бужашки обратила внимание на то, что «тема, обозначенная в книге, назрела давно: до сей поры не существовало описания истории русского зарубежья в Болгарии, не было и собранного в едином печатном пространстве (книге) самых ярких документов, отражающих вклад русской эмиграции в общественную, культурную, научную жизнь Болгарии» (с. 12). С. Рожков отметил, что в Болгарии «русский этнос существует уже около 200 лет, и русское зарубежье представлено всеми видами деятельности: религиозной и политической, военной и медицинской, инженерно-технической, научной и многими другими» (с. 15). При этом, продолжил он, «говоря о Русском зарубежье, надо иметь в виду, что в Болгарии “русскими” считают не только представителей русской национальности, но и остальных традиционных для России национальностей: украинцев, белорусов, татар, грузин, армян, казахов, узбеков и других. Однако все они являются представителями русской культуры, носителями русского языка и поэтому относятся к представителям “русского зарубежья”, большинство из них чувствовали и продолжают чувствовать себя русскими, где бы ни находились» (с. 16).

Книга-альбом включает в себя разделы, посвященные церковной эмиграции, начиная со староверов, поселившихся в Болгарии еще в начале XIX в., политической и военно-политической эмиграции, вкладу изгнанников в развитие науки и техники, русской школе, культуре и искусству, журналистской и литературной деятельности, особенностям русской эмиграции в некоторых болгарских городах, врачам русского зарубежья, русской дипломатии за рубежом и путям сохранения «русского мира», русской эмиграции в архивах и музеях, русским после 1944 г., русскому зарубежью в период социализма и постсоциализма, организациям русского зарубежья, русским династиям и фамилиям.

По сути дела книга структурирована не только по определенным этапам, но и по различным областям жизнедеятельности русских в Болгарии, вплоть до рассмотрения Русского зарубежья «как особой социокультурной и этнической общности», пишет С.А. Рожков.

Конечно, в рецензии на этот труд нецелесообразно давать характеристику на каждый из десятков разнообразных очерков, что будет сопоставимо с написанием еще одной книги. Поэтому я постараюсь отметить основные черты представленного исследования болгаро-русского сообщества авторов.

Пожалуй, одним из главных достоинств настоящего издания является то, что в нем нет «большой политики», что почти всегда ведет к политизации самого текста. Здесь присутствует сама жизнь русских людей со всеми их трудностями, победами, ностальгией, стремлением к сплочению, сохранению себя русскими. Сами очерки написаны/переведены хорошим языком, не вызывающим головной боли у читателя. Стиль в основном свободен, что обеспечивает не только легкость чтения, но и позволяет лучше усваивать прочитанные сюжеты.

И если политика чаще всего разъединяет народы, то культура родственных братских народов России и Болгарии сближает, ведет к их взаимообогащению. Можно сказать, что именно с данным историческим явлением связано содержание этого замечательного труда. Причем, еще одним из достоинств книги является солидная хронологическая протяженность, вплоть до настоящего времени.

Обычно рецензия связана с критикой, указанием на те или иные неточности,

ошибки и прочие «блохи и тараканы». Их, при «горячем» желании, нетрудно отыскать почти в любом тексте, особенно в сборниках статей. И здесь тоже можно было бы высказать ряд упреков в том, что, например, не обращено особое внимание на деятельность той или иной организации, личности. Но не в этом главное. Главное – это сама книга, в которой впервые с такой полнотой представлена жизнь русских в Болгарии. История – это всегда процесс, движение. Поэтому следует признать правоту С. Рожкова, подчеркнувшего, что «эта книга – не точка в конце данного исследования, а многоточие» (с. 18).

Очерки всегда имеют то неоспоримое преимущество, что позволяют с самых различных сторон и самым разным авторам обрисовать то или иное явление. Именно своеобразная пестрота времени, тем, сюжетов, действующих лиц рецензируемой книги-альбома придает ей неповторимость, свежесть и новизну.

Наряду с уже традиционными сюжетами об участии русских людей в культурном строительстве Болгарии в межвоенный период, авторы представили и совершенно новые или почти новые картины жизни и деятельности русских на болгарской земле периода социализма и последовавшего за ним «перестроечного времени». Назову только две статьи: «Памяти русских женщин – “советских декабристок” К. Вылковой-Матеевой и «Некоторые общие характеристики и особенности русской эмиграции в Болгарии после 1990 года» С. Рожкова и И. Ушакова; представленные в них сведения позволяют существенно дополнить и разнообразить историческое знание.

И, пожалуй, еще одно замечание не критического порядка: ценность любой информации зависит от степени ее адекватности в процессе передачи, т.е. от уровня субъективности, в нашем случае, историка. В труде «Русское зарубежье в Болгарии: история и современность» авторские материалы находятся на весьма высокой степени объективности.

В фотоальбоме книги содержится свыше сотни уникальных исторических снимков, позволяющих «заглянуть» в наше прошлое, увидеть портреты тех, кто строил свою жизнь на болгарской земле, кто отдавал ей свой талант и знания. Как подчеркнула Б. Бужашки: «документы, фотографии, афиши, приглашения, подлинники художественных работ, рукописи стихов дают возможность проследить

обычаи русских эмигрантов, обосновавшихся в Болгарии, их профессиональные и творческие проявления, содружества и организации, чья деятельность была направлена к сохранению духовного наследия России» (с. 10).

Завершает книгу-альбом список авторов с указанием их электронных адресов, что, безусловно, будет содействовать установлению контактов в случае необходимости получения дополнительной информации.

К настоящему времени это издание, к которому по всем параметрам применимо слово «впервые», уже разошлось и теперь все интересующиеся могут «достать» его только в сети www.rozabul@mail.ru.

В завершение скажу, может быть, тривиальную, но от этого не теряющую своей правдивости, фразу, что, исследуя наше прошлое, мы можем лучше понять настоящее.

© 2010 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 4

Русский Белград / Сост. В.А. Тесемников, В.И. Косик. М., 2008. 348 с.

В конце 2008 г. в издательстве Московского университета вышел сборник различных материалов – от воспоминаний до стихов – с множеством иллюстраций о русских в Белграде под редакцией В.А. Тесемникова и В.И. Косика. Тираж 1000 экз., что для подобной книги совсем неплохо.

В книге пять отделов: 1) зарисовки Белграда, 2) русские в Югославии (отрывки из книги В.А. Маевского), 3) образование и наука, 4) литература и искусство и 5) памятные встречи (В.А. Тесемников). В книге есть и русские имена в названиях улиц Белграда, и именной регистр русских эмигрантов, упоминаемых в книге, составленный В.И. Косиком.

Почти треть книги занимают отрывки из книги В.А. Маевского «Русские в Югославии 1920–1945 гг.», изданной в Нью-Йорке в 1966 г. Автор назван «летописцем русской эмиграции в Югославии», хотя было бы правильнее назвать его «летописцем русского Белграда», так как о русских в провинции В.А. Маевский почти ничего не написал. Кроме того про него в предисловии «От составителей» сказано, что «будучи патриотом России, он несколько пристрастен в своих оценках». Мне кажется, что в оценке Национального союза нового поколения (НСНП), ныне Народно-трудовой союз (НТС), он не «несколько», а «очень даже» пристрастен. Он упрекает НТС за то, что

там молодежь «на манер большевиков» проходила курс «политграмоты» (кавычки В.А. Маевского) «по специально изданным тощим руководствам» и утверждает, что НТС или как их тогда, в 1930-х годах, называли «нац-мальчики» «как политическая сила малоценны». История показала, что советское правительство в 1930 г. потребовало сперва от властей Болгарии закрытия газеты «нац-мальчиков» «За Россию», а когда газета стала выходить в Югославии, то и от правительства Югославии. Такого внимания не удостоилась ни одна газета Русского зарубежья. Кроме того, возможно, что по указке из Москвы, борьба с «нац-мальчиками» велась партией младороссов, глава которой А.Л. Казем-Бек, как потом оказалось, был советским агентом.

Владислав Албимович Маевский (1893–1975) был интересным человеком. О нем В.И. Косик написал, что он в молодости много путешествовал и в 1913 г., когда ему было только 20 лет, выпустил свою первую книгу «Путевые наброски» (Турция, Сербия, Черногория, и принадлежавшая Австрии Далмация). В 1914 г. издал книгу «Великая Россия и героическая Сербия». Он, кажется, в Белой армии не служил, покинул Россию 25 января 1920 г. В Югославии получил высшее образование, работая в библиотеке сербского патриарха, а с апреля 1930 г. – секретарем патриарха Варнавы. Он – автор ряда книг и сборника стихов «Искры». В годы

войны был арестован и отправлен нацистами в концлагерь.

В предисловии сказано, что «конечно, Белград – это не культурный город, такой, как Париж или Берлин. Но он украшен зданиями в стиле русского ампира, русскими памятниками, русским искусством, русской наукой, самим присутствием в нем русских, вдохнувших новую жизнь в пострадавший от войны город. И власти Белграда, правительство страны, королевская семья Карагеоргиевичей в свою очередь всегда стремилась к тому, чтобы русские таланты не заглохли, а послужили на благо родному славянству. Были, конечно, и обиды, и ущемленная гордость, и непонимание – но все эти “мелочи жизни” лишь резко оттеняли историю русского Белграда».

Книга начинается со стихотворения И. Северянина «Калемегдан в апреле». Калемегдан – это крепость, построенная турками у слияния рек Савы и Дуная, на месте, где когда-то был римский город Сингидунум, а в переводе с турецкого значит «Поле битвы».

Далее идет статья Н.З. Рыбинского «Русский Белград». Автор пишет, что «Белград естественно является центром, к которому тянутся нити от всей эмиграции, расселенной по всем городам и весям королевства». Добавлю от себя, что не только от эмиграции, проживавшей в Югославии, но и от русской эмиграции, где бы она ни проживала.

В Сремских Карловцах, а это совсем недалеко от Белграда, пребывал в 1920–1930 гг. Синод, а в Белграде – канцелярия первоиерарха Русской православной церкви за границей. В Белграде небольшая русская церковь св. Троицы стала усыпальницей последнего главнокомандующего Русской армии генерала П.Н. Врангеля. В Белграде был центр и русского сокольства и НОРС-Р – Национальной организации русских скаутов-разведчиков и многих других общественных и политических организаций. Там, в Белграде, на съезде русской молодежи в 1930 г. был образован НСРМ – Национальный союз русской молодежи, переименованный в 1931 г. на Втором съезде в Белграде в НСНП, имевший свои отделы во всех странах Русского зарубежья.

Вот этим общественным и политическим организациям, и многому другому, и посвящена вторая часть книги, состоящая из материалов, заимствованных у В.А. Маевского. Это главы: «Прибытие

русских беженцев и их размещение», «Русский храм и приход», «Памятник русской славы» – усыпальница русских воинов, погибших за свободу сербов, хорватов и словенцев на Салоникском фронте в Первую мировую войну на русском участке кладбища, там же, где была построена и копия разрушенной большевиками в Москве Иверской часовни.

Далее, в этом же отделе главы: «Русская библиотека и архивы», «Работа русских специалистов», «Враждебные выступления», имеются в виду оскорбительные для русских передачи «Сережа и Ниночка» по государственному радио. «Русская печать в Белграде» и «Русские организации» написаны интересно, но как-то поверхностно. Их, в какой-то степени, дополняют короткие заметки «Высшие военно-научные курсы. Военные организации» и «Общество ревнителей военных знаний».

Глава «Русские организации» начинается с упоминания НСНП, младороссов и небольшой группы «туркуловцев». Если НСНП имел свой центр в Белграде, то у младороссов и «туркуловцев» центры были в Париже. Младороссам В.А. Маевский уделил более страницы, «туркуловцам» одну фразу о том, что среди них «подвизались главным образом полковник Е.Э. Месснер и Л.А. Сердаковский», а где-то, в конце статьи коротко упомянуто «Представительство Братства русской правды – С.Н. Палеолог». В 1920-х годах БРП – Братство русской правды – играло в истории эмиграции заметную роль, и наравне с боевиками генерала Кутепова, вело непримиримую борьбу с большевиками. Боевики совершали вооруженные вылазки в СССР, а БРП – занималось также и антикоммунистической пропагандой, посылая в СССР людей и листовки, и имело подпольное радио в Латвии.

А.П. Кутепов был похищен в 1930 г., а БРП большевикам удалось развалить в 1932 г. с помощью засланных туда агентов. Конец БРП совпал с началом работы НТС. Большевики сразу почувствовали в НТС нового и опасного врага, и группа советских агентов пыталась, но безрезультатно, захватить в НТС некоторые руководящие посты.

В конце В.А. Маевский пишет о короле Александре, о Второй мировой войне, о признании Югославией Советского Союза, о русских в Белграде в годы немецкой оккупации и о приходе Красной армии.

Третий отдел сборника «Образование и наука» посвящен статьям разных авторов о Русско-сербской гимназии, о русских студентах и о русских профессорах и ученых, объединенных в Русском научном институте.

В четвертом отделе «Литература и искусство» говорится об участии русских в сербских театре, опере и балете, о русских художественном и музыкальном обществах, и о литературных кружках. Об этих кружках написала Л. Алексеева, участница всех трех кружков. Интересно отметить, что каждый второй поэт был членом НСНП, это Ю. Герцог, А. Неймирок, В. Гальской и К. Халафов.

В очерке о русских периодических изданиях в Белграде особое внимание уделено сатирическому журналу «Бух!!!». Никто и ничто в сборнике не удостоился такого внимания. И правильно. Там, что ни строчка, то про русских белградцев, а ведь книга так и названа – «Русский Белград».

«Бух!!!» был главным сатирическим журналом эмиграции. С 1930 г. по 1936 г. вышло 30 номеров. С 1933 г. он выходил даже параллельным изданием в Париже. Это удивительно, так как многое в «Бухе!!!» было понятно только русским в Югославии. Например, в «Задачах для любителей математики» говорилось: «Некто продает неизвестное количество чужих колец, орденов, крестов и мехов, взывая 10% с суммы, передаваемой им собственнику проданного [...] Спрашивается, в какой срок эмигранты преподнесут ему звание филантропа?». Имелся в виду хозяин комиссионного магазина и общественный деятель, Григорий Миткевич, по прозвищу «Гриша филантроп».

Стишки про младороссов были понятны не только белградцам, но и всем русским: «Прихлестнув царя к советам, / Казем-Бек пред целым светом / Показал, что волк с козой / Могут жить как брат с сестрой». Имелся в виду младоросский лозунг «Царь и советы», призывавший эмиграцию не бороться с советской властью, а только думать о восстановлении монархии.

В последнем отделе В.А. Тесемников очень тепло вспоминает о встречах в 1970-х годах с потомками белой эмиграции, оставшихся в коммунистической Югославии после второго исхода в 1950-х годах.

«В толпе их, эмигрантов первой волны, можно было сразу узнать. Их выдавал

не только возраст, но и неторопливые, несуетные, исполненные собственного достоинства движения, какая-то особенная, уважительная манера общения. Но что особенно поражало, так это их русский язык, скорее литературный чем разговорный (в нашем понимании), никаких скороговорок, никаких слов-паразитов».

«Русские имена в названиях улиц Белграда», всего одна страница, но на ней 41 название. Сведения взяты из туристического путеводителя 2005 г. В.И. Косик справедливо отметил: «История не только называет, но и стирает названия. Так ушли в прошлое имена Ленина и генерала Махина, нет больше на карте Белграда бульваров Октябрьской революции и Красной армии». Добавлю от себя, что нет и Сталинградской улицы, которая после разрыва Тито с СССР была переименована в Македонскую. На этой улице была редакция старейшей сербской газеты «Политика», основанной братьями Рибникарами, и называлась она до 1941 г. улицей братьев Рибникаров. До 1941 г. в Белграде, по моим сведениям, было всего две улицы с русскими названиями: царя Николая и генерала Раевского.

Улицы генерала Раевского нет в именном регистре и потому скажу о нем несколько слов. У Льва Толстого в «Анне Каренине» он выведен под фамилией Вронского и сказано, что он отправился добровольцем на Балканы. Русский полковник-артиллерист Раевский был сербами произведен в генералы и погиб в боях за свободу Сербии. На месте гибели его родные построили храм-усыпальницу.

В коммунистическое время улица царя Николая была, конечно, переименована, но улица Раевского осталась.

Последняя глава сборника – составленный В.И. Косиком «Именной регистр русских эмигрантов, упоминаемых в книге». В.И. Косик, говоря о епископе Гермогене (Максимове), возглавившем в 1942 г., ради спасения жизни православных сербов, автокефальную Хорватскую православную церковь (ХПЦ), пишет, что «имеются сведения, что русская церковная община в Сараеве первой признала ХПЦ». ХПЦ была неканоничной церковью, и у меня есть доказательства, что о. Алексей Крыжко, настоятель русского прихода в Сараеве, несмотря на давление со стороны властей, не признавал ХПЦ и

не поминал во время богослужений имя гонителя православия Анту Павелича, возглавлявшего в годы войны хорватское марионеточное правительство.

Указанный регистр, так же как и вся

книга, является ценным справочником для историков русской эмиграции и русских в Югославии.

© 2010 г. Р. Полчанинов

Славяноведение, № 4

М.Ю. ДОСТАЛЬ. Как феникс из пепла. Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М. 2009. 463 с.

В 2009 г. вышла в свет монография М.Ю. Досталь «Как Феникс из пепла. Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы». Этот обширный труд посвящен очень важной теме, почти неисследованной в отечественной историографии.

Книга состоит из предисловия, шести глав и заключения.

В предисловии указываются главные задачи, которые поставила перед собою автор: 1. Обоснование правомерности выделения в истории советского славяноведения особого периода его возрождения на марксистской основе. 2. Исследование специфики этого периода в контексте временного дуализма официальной идеологии, обусловленного потребностями войны и послевоенного переустройства мира. 3. Реконструкция становления академических и университетских славистических центров в Москве и Ленинграде, определивших направление и стимулировавших развитие славяноведения в регионах. 4. Анализ тенденций развития научных исследований в рамках различных славистических дисциплин и степени их идеологической обусловленности, постановка и разработка проблемы научного конформизма. 5. Изучение становления международных связей советских славистов и их неоднозначного влияния на развитие науки в славянских странах.

Первая глава «Славяноведение в конце 30-х и 40-е гг. XX в. в работах исследователей и свидетельствах источников» рассматривает историографию и источниковую базу работы. Автор справедливо отмечает, что исследователи затрагивали только отдельные вопросы указанной темы в статьях, рассказывающих о дея-

тельности первых советских славистов: В.И. Пичеты, Н.С. Державина, Б.Д. Грекова, С.А. Никитина и других, а также о первых шагах кафедры истории южных и западных славян МГУ и Института славяноведения. Она использует работы своих предшественников, но вместе с тем привлекает огромное количество нового материала из архивов: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), архив МГУ, Центральный московский архив – Музей личных собраний, Петербургский филиал архива РАН, Московский архив РАН, многие другие архивы Москвы и Санкт-Петербурга, а также архивы Праги и Братиславы. Кроме того, автор внимательно просмотрела советскую периодическую указанный периода («Славяне», «Большевик», «Известия», «Правда», «Вечерняя Москва»), а также научные журналы «Исторический журнал», «Вопросы истории», «Вестник древней истории», «Советская этнография», «Вестник МГУ», «Вестник ЛГУ» и др., многочисленные опубликованные и неопубликованные мемуары, среди которых особое место занимают воспоминания профессора С.Б. Бернштейна, которые она опубликовала совместно с А.Н. Горяиновым.

Все эти источники дают возможность М.Ю. Досталь показать сложную и неоднозначную картину воссоздания советского славяноведения.

Во второй главе «Славяноведение и идеология: борьба тенденций пролетарского интернационализма и славянско-го патриотизма в политике руководства СССР и ее отражение в науке» автор показывает политические моменты, которые

способствовали развитию славяноведения. Она объясняет хронологические рамки периода, взятого ею для исследования. Его верхняя граница 1939 г. обусловлена началом Второй мировой войны, нижняя – 1948/1949 гг. – разрывом отношений с Югославией. Именно в это время для идеологии правящих кругов становится характерным дуализм – объединение марксистских взглядов с государственным патриотизмом. Причину появления последнего М.Ю. Досталь справедливо видит в начале Второй мировой войны и угрозе нападения на СССР фашистских государств, которые объявили ряд народов Европы, в том числе славян, неполноценными, годными лишь для рабского труда или уничтожения. Конечно, имелись и другие причины, которые сыграли свою роль в изменении политики советского правительства по отношению к славяноведению, но главной все же, соглашусь с автором, была необходимость борьбы с фашистской идеологией. После войны славяноведение также должно было способствовать сплочению вокруг СССР стран народной демократии, значительную часть которых составляли славянские государства.

Досталь также показывает, что помимо политических причин большую роль в возрождении славяноведения сыграли героические усилия славистов старшего поколения, а именно Н.С. Державина, В.И. Пичеты, А.М. Селищева, Б.Д. Грекова и др. Н.С. Державин уже в 1935 г., через год после закрытия Института славяноведения в Ленинграде, написал письмо И.В. Сталину, в котором обосновывал необходимость восстановления славяноведения, объясняя нападки на него происками «троцкистско-зиновьевской банды». В 1937 г. он отправил письмо о возрождении славистических центров Г.М. Кржижановскому, а в 1938 г. – В.М. Молотову. Деятельность Н.С. Державина усилилась после начала Великой Отечественной войны. Он вновь написал несколько записок о необходимости развития славяноведения, теперь уже и с точки зрения противодействия фашистской идеологии. Вообще, характеристика, данная автором Н.С. Державину, мне кажется удачной. Со всеми его недостатками в научном плане (приверженец теории Марра) он много сделал для возрождения отечественного славяноведения. Но, говоря об ошибках Державина, надо иметь в виду, что часть их была связана со стремлением прино-

рваться к правительственной линии, что, впрочем, характерно и для многих других славяноведов.

Третья глава «Формирование университетского славяноведения» рассматривает историю создания кафедр славяноведения в университетах. Особое внимание уделено основанию кафедры истории южных и западных славян в МГУ. Она начала функционировать с сентября 1939 г. благодаря усилиям многих историков, особенно В.И. Пичеты. Он сумел привлечь к чтению лекций на кафедре таких известных ученых, как М.Н. Тихомиров, А.В. Арциховский, Н.П. Грацианский, обеспечить ее молодыми кадрами, в числе которых были С.А. Никитин, И.М. Белявская, Н.Д. Санчук, В.Д. Королук и др. Не все из них остались затем работать на кафедре, но каждый внес свой вклад в ее становление. Огромную роль в организации работы кафедры сыграл чешский ученый Зденек (Романович) Неудлы. Досталь рассказывает о разработке разнообразных тем на кафедре, учебника по истории славян, об аспирантах, учившихся на кафедре, о докладах, проводившихся на ее заседаниях. Большой интерес представляют материалы о заседании кафедры 9 апреля 1949 г., на котором в рамках общей кампании по борьбе с космополитизмом «боролось» с местными «космополитами». Главной мишенью нападок стал С.А. Никитин, возглавивший кафедру после смерти В.И. Пичеты.

В этой же главе рассказывается о курсах по славяноведению в МИФЛИ в конце 1930-х годов при активном содействии А.М. Селищева, С.Б. Бернштейна и других, об организации кафедры славянской филологии в МГУ, у истоков которой стоял С.Б. Бернштейн, о становлении кафедры славянской филологии в ЛГУ, в котором значительную роль сыграл Н.С. Державин. Хотя Марина Юрьевна не остановилась подробно, но упомянула и открытие славянских кафедр после 1946 г. в университетах Киева, Львова, Риги, Тарту.

В четвертой главе «Академическое славяноведение» дан подробный анализ истории возникновения Института славяноведения АН СССР, который стал главным центром развития славистики в СССР, а затем в России. В формировании Института большую роль сыграло обращение к партийному руководству академика Б.Д. Грекова, чл.-корр. А.Д. Удальцова, В.И. Пичеты. В результате 25 февраля 1939 г. в составе Института истории АН

СССР начал работать сектор славяноведения во главе с В.И. Пичетой. В числе его первых сотрудников были академик Ю.В. Готье, чешский профессор З.Р. Неэдлы, болгарский эмигрант Кабакчиев и др. Позднее в работу сектора включились и другие эмигранты: болгарин Р.К. Караколов, словенец Д.С. Густинчич, македонец Д.И. Влахов, серб Н.П. Франич и др.

По настоянию Н.С. Державина в 1943 г. была создана Славянская комиссия при Президиуме Академии наук. В ее состав вошли академик С.П. Обнорский, византист М.В. Левченко, а также уже указанные выше эмигранты из славянских стран.

Эти два подразделения – сектор славяноведения и Славянская комиссия дали кадры для Института славяноведения. Сектор славянских и балтийских языков Института русского языка составил лингвистическое подразделение Института славяноведения.

Наиболее интересной, на мой взгляд, является пятая глава «Основные направления славистических исследований». Досталь справедливо отмечает, что главным направлением в деятельности Института славяноведения являлась историческое, ибо «боевой задачей советских историков признавалось всестороннее разоблачение идеологии бесчеловечного фашистского “нового порядка” на оккупированных территориях ряда европейских стран». Об этом прямо писал Е.М. Ярославский в статье «О ближайших задачах исторической науки в СССР» (Исторический журнал. 1942. № 6): «Историки должны развернуть картину борьбы славянских народов против германского империализма в Польше, Чехии, Сербии, Болгарии, Черногории, Словении, Македонии, роль прибалтийских славян. При этом нужно показать огромную роль русского народа в борьбе против попыток Германии истребить славянские народы, превратить их в навоз истории для новых германских господ, установить господство германской нордической расы в славянских странах».

Опираясь на эти указания, Державин и Пичета определили главные темы исследований по истории: этногенез славян, создание государств и правовой системы у славян, борьба славян за свободу, культурная общность славян, русско-славянские отношения. Не все проблемы рассматривались с чисто научных позиций, существовавшие в то время обстоятельства оказывали влияние на концепции

событий, даже происходивших в глубокой древности. Так, вторжение славян на Балканы трактовалось под углом зрения омоложения Византии, ведущее к победе там нового феодального строя. Пичета, Державин, Неэдлы отрицали роль немцев и болгар в формировании первых славянских государств, подчеркивали прежде всего внутренние причины этого процесса.

Несмотря на перегибы, как справедливо указывает Досталь, многие труды славистов того времени сохранили свое значение до сих пор: выводы Н.П. Грацианского о государстве Само, основные положения классического труда Б.Д. Грекова «Киевская Русь». Большое значение для отечественной историографии имела реабилитация славянофилов, проведенная благодаря исследованиям С.А. Никитина, С.С. Дмитриева, В.И. Пичеты. Работы Б.Д. Дацюка и особенно А.Л. Гольдберга о Юрии Крижаниче и сейчас представляют научную ценность. Большое значение сохраняет публикация «Документы к истории славяноведения в России», предпринятая в 1948 г. В.Р. Лейкиной-Свирской и Л.В. Разумовской.

Сложнее обстояло дело с развитием славянского языкознания. Во-первых, именно лингвисты-славяноведы стали главной мишенью нападков со стороны властей в 1934 г., именно их объявили реакционными панславистами. Во-вторых, часть их, прежде всего наиболее влиятельный Н.Г. Державин, придерживались яфетической теории Марра. Однако большинство лингвистов выступили против нее, в том числе А.М. Селищев, Г.А. Ильинский, П.А. Лавров, из молодого поколения – С.Б. Бернштейн.

Славянское литературоведение развивалось в более спокойных условиях, чем история и языкознание. Во время войны активно переводились и публиковались стихи славянских поэтов, воспевавших борьбу против поработителей, на страницах журналов, прежде всего журнала «Славяне», печатались популярные статьи о знаменитых славянских поэтах и писателях, однако глубокого литературоведческого анализа их произведений не проводилось. В литературных произведениях подчеркивалась прежде всего антинемецкая направленность. В области литературоведения работали Н.С. Державин, Н.И. Кравцов, В.Г. Чернобаев и др.

Известный удар по развитию литературоведения нанесли идеологические

кампании конца 40-х годов XX в., но в монографиях, написанных о творчестве славянских писателей (А. Мицкевича, Ф. Прешерна, И. Вазова, Х. Ботева и др.) это не отразилось.

Наконец, последняя шестая глава «Международные научные связи советских славистов» касается расширения контактов между советскими и зарубежными славистами. Эти контакты, как справедливо отмечает Досталь, поощрялись советским правительством, ибо большинство славистов являлись представителями стран народной демократии, входивших в советский блок.

М.Ю. Досталь проделала большую работу, проанализировав отчеты всех славистов, командированных за рубеж. Она высоко оценивала работу А.Л. Сидорова, который не только много сделал для установления контактов с чешскими и словацкими учеными, но и завязал сношения с русской эмиграцией в Чехословакии. Иное впечатление произвел на нее отчет молодого слависта-богемиста И.И. Удальцова, в котором он очернил Р. Сланского, написал отрицательный отзыв на деятельность И. Тито и Э. Карделя.

Марина Юрьевна остановилась и на деятельности Комиссии по принятию Русского исторического архива, которая много сделала для возвращения из-за границы документов, вывезенных белогвардейцами.

После резолюции Информбюро по Югославии, началось ужесточение режима по отношению к гуманитарным наукам, в том числе к славяноведению. Но несмотря на это, были заложены прочные основы для его дальнейшего развития, а научные связи между советскими и зарубежными славистами продолжали развиваться.

Конечно такая большая работа, как монография Досталь, очень сложная и многоплановая не может не иметь ряд спорных положений, на которых я и остановлюсь.

Прежде всего, вызывает возражение новый термин, введенный Мариной Юрьевной Досталь, – «русоцентризм». Этот термин она объясняет как легализацию идей панславизма и панрусизма (с. 59), практически идентифицирует его с квазипатриотизмом, внося в него отрицательный оттенок. Примером «русоцентризма» она считает слова И.В. Сталина, произнесенные им в 1943 г.: «Главная сила в нашей стране – великая великорус-

ская нация [...] Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу нашей Родины во главе с великим русским народом». И далее Досталь представляет ряд цитат из журнала «Славяне», где подчеркивается роль русского народа в борьбе против фашизма. «Русоцентризм» Досталь провозглашает и тост И.В. Сталина, произнесенный им в Кремле, где он признал решающие заслуги русского народа в разгроме фашизма, и доклад Н.С. Державина «Вклад русского народа в сокровищницу мировой науки в области славянской филологии», и конференцию «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры» и т.д.

Вместе с тем Досталь, рассказывая о совещании историков по вопросам истории СССР в мае – июне 1944 г., явно становится на сторону историков-патриотов (А.И. Яковлева, Б.Д. Грекова, А.В. Ефимова, Е.В. Тарле, В.И. Пичеты и др.), выступавших против ортодоксальных марксистов А.М. Панкратовой и М.В. Нечкиной. С явным сочувствием она цитирует выступление А.И. Яковлева: «Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним с любовью [...] Но русскую историю делал русский народ [...] Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений в русских условиях». Но ведь эти слова Яковлева тоже можно считать проявлением «русоцентризма»!

То, что основной вклад в разгром фашизма внес СССР, не оспаривается ни одним из серьезных политиков и историков. Объективной реальностью является и тот факт, что основной силой в СССР являлся русский народ. Зачем же тогда вести разговоры о «русоцентризме»? И уж никак нельзя назвать «русоцентризмом» разработку в книгах и на конференциях таких тем, как «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры» и т.д. Ведь вполне научными являются темы «Роль германской (античной, индийской и т.п.) философии в развитии философской науки в мире», или «Значение французских просветителей в идеологии европейского Просвещения». Почему же разработка проблемы о роли русской науки является признаком «русоцентризма», т.е. национализма?

Имеются и более мелкие замечания. Прежде всего, вряд ли стоит доверять некоторым мемуарам безоговорочно. В частности, вызывает большое сомнение высказывание М. Джиласа о якобы имевшихся

планах присоединения к СССР стран народной демократии путем объединения Белоруссии с Польшей и Чехословакией, Украины с Венгрией и Румынией, России с балканскими государствами (с. 63). Если бы такие фантастические планы существовали, то так или иначе они были бы озвучены в 1990-е годы, когда был открыт свободный доступ в архивы.

В труде Досталь широко используются воспоминания профессора С.Б. Бернштейна. Они интересны и очень оживляют текст. Но некоторые утверждения Бернштейна, на мой взгляд, вызывают сомнение. Досталь, опираясь на них, отвечает на вопрос, почему борьба между Державиным и Грековым за право стать директором вновь созданного Института славяноведения окончилась победой Грекова. Одна из причин этого названа, по моему, правильно: Державин в серьезных академических кругах дискредитировал себя поддержкой теории Марра. Но вторая причина, приводимая Досталь, о якобы существовавшей ревности Сталина к Дер-

жавину из-за его успешной поездки в Болгарию и Югославию, о чем пишет Бернштейн в своих воспоминаниях (с. 220), не выдерживает критики. Я полагаю, что главной причиной, почему Грекова предпочли Державину, являлся тот факт, что Греков был историком, а новый Институт рассматривался не только как научное, но и как политическое учреждение, которое должно было проводить линию советского правительства по отношению к научным деятелям стран народной демократии. Это лучше мог сделать историк, чем филолог.

Заключая рецензию, хочу подчеркнуть, что монография Марины Юрьевны Досталь заслуживает самой высокой оценки, она вносит существенный вклад в изучение истории отечественного славяноведения в один из наиболее сложных периодов его развития.

© 2010 г. И.В. Чуркина

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ДВАДЦАТОЙ ГОДОВЩИНЕ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1989 ГОДА

16–17 ноября 2009 г. в Институте славяноведения РАН проходила международная научная конференция «Трансформационные процессы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже веков: двадцатилетний (1989–2009 гг.) исторический опыт». Как видно из названия, общая тематика конференции – анализ и обобщение уроков двадцатилетнего революционного и постреволюционного развития в странах региона. Трансформация в целом, ее генезис и внутренняя логика, универсальные закономерности и национальные характеристики рассматривались с опорой на методы регионалистики и страноведческие подходы. Участники конференции изучили опыт решения конфликтно-генных ситуаций в регионе, противоречия внутри элитаобразующих групп, особенно в процессе вхождения государств ЦЮВЕ в общеевропейские структуры, критерии завершенности в этих странах трансформационных процессов. Обсуждалась проблема применимости уроков исторического опыта стран Центральной и Юго-Восточной Европы для определения векторов развития Восточно-Европейского региона (стран – республик бывшего СССР).

Научный форум собрал более 40 ученых из восьми стран – России, Чехии, Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии, Словении, Австрии. Российских ученых представляли сотрудники Института славяноведения (ИСл) РАН, Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Института экономики (ИЭ) РАН, Института Европы (ИЕ) РАН, Института социологии (ИС) РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Воронежского госуниверситета. Конференцию открыл директор Института славяноведения РАН *К.В. Никифоров*.

Работа конференции протекала в пяти секциях. На заседании первой секции «СССР и Центральная и Юго-Восточная Европа: истоки и начало трансформаций» была прослежена взаимосвязь между социально-политическим развитием Советского Союза, политикой его руководства и революциями 1989 г. в странах рассматриваемого региона.

Ю.С. Новопашин (ИСл РАН) остановился на причинах восточноевропейских революций 1989 г., делая основной упор на международный аспект. *Т. Краус* (Ин-т политической истории Венгрии) поднял вопрос о том, что принято понимать под «сменой систем» в странах бывшего советского блока. *В.Л. Мусатов* (ИЭ РАН) посвятил доклад влиянию политики М.С. Горбачева на демократические революции рубежа 1980–1990-х годов. *И. Кипер* (Ин-т истории «Н. Йорга» Румынской академии) уделил внимание проблеме «СССР и эволюция стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». *В. Мюллер* (Центр изучения новейшей и современной истории Австрийской академии наук) рассказал о взаимоотношениях СССР/России и Германии после 1989 г. *С.П. Глинка* (ИЭ РАН) осветила тему «Трансформации через взаимодействие: результат и пределы возможного». Доклад *Д. Луджева* (Ин-т истории БАН) был посвящен идеологии и технологии перехода к демократии в странах Восточной Европы. *И.С. Яжборовская* (ИС РАН) затронула проблему перехода стран Центральной и Юго-Восточной Европы от реформ к социально-экономической трансформации в конце 1980-х – начале 1990-х годов. *Э.Г. Задорожнюк* (ИСл РАН) выступила с докладом на тему «Советский Союз и революции конца 1980-х годов».

На заседаниях второй секции анализировалось развитие России и стран региона в трансформационный период. *Л. Н. Шишелина* (ИЕ РАН) выступила на тему «Россия и Восточно-Центральная Европа на фоне трансформационных процессов (1989–2009 гг.)». *Н.Я. Лактионова* (ИЭ РАН) затронула в докладе феномен ностальгии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. *В.П. Любин* (ИНИОН РАН) выступил с докладом «Итальянские левые и политические перемены в Восточной Европе конца 1980-х – начала 1990-х годов XX века». *Э. Ворачек* (Ин-т истории АН ЧР) рассмотрел проблемы развития и взаимоотношений Чехии и России после 1989 г. *Ю.А. Щербакова* (ИНИОН РАН) остановилась на роли политических элит в разделе Чехословакии (1990–1992). *Ю.В. Кускова* (исторический ф-т МГУ) исследовала специфику взаимодействия организаций «Гражданский форум» и «Общественность против насилия» в период с ноября 1989 г. по июнь 1990 г. *С.О. Волотов* (ИЭ РАН) посвятил выступление трансформационным процессам в Венгрии и стоящим перед ними новым вызовам.

На заседании третьей секции анализировались особенности преобразований в странах Центральной Европы. *Б.Й. Желицки* (ИСЛ РАН) охарактеризовал венгерский процесс демократических преобразований 1989–1990 гг. и некоторые аспекты последующего общественно-политического развития. *М. Барат* (Архив венгерских спецслужб) осветила венгеро-советские отношения 1985–1989 гг. (по материалам встреч на высшем уровне). *Л.Н. Шанишева* (ИНИОН РАН) выступила на тему «Трансформация в Восточной Германии – универсальная модель смены систем». *О.Н. Майорова* (ИСЛ РАН) в своем выступлении дала оценку «круглого стола» 1980-х годов в Польше с позиций сегодняшнего дня. *Л.С. Лыкошина* (ИНИОН РАН) охарактеризовала польскую политическую элиту и остановилась на проблемах идентификации в условиях трансформации. *О.Ю. Михалев* (Воронежский ун-т) проанализировал становление многопартийности в Польше после 1989 г. *С.А. Кувалдин* (ИСЛ РАН) выступил на тему «Католическая церковь в планах польских властей по общественно-политическому преобразованию ПНР (вторая половина 1980-х годов)».

На заседаниях четвертой секции рассматривались особенности преобразований в странах Юго-Восточной Европы. Ученые-югославы Института славяноведения РАН посвятили свои доклады различным аспектам трансформационного процесса в странах бывшей Югославии. *К.В. Никифоров* осветил специфику этого процесса в Сербии. *А.Б. Едемский* говорил о фрагментарной биполярности противостояния власти и оппозиции в титовской Югославии и особенностях социальных потрясений в 1990-е годы. *А.И. Филимонова* затронула внутренний и внешний аспекты процесса евроинтеграции Сербии. *Г.Н. Энгельгардт* посвятил свое выступление урокам трансформации стран бывшей Югославии. *И.В. Руднева* остановилась на проблемах вступления Республики Хорватия в общеевропейскую структуру. *Е.Ю. Гуськова* коснулась вопроса о том, насколько архивы югославянских стран открыты для исследования современной истории.

Проблемы и перспективы евроинтеграции Болгарии были проанализированы в докладе *Е.Л. Валева* (ИСЛ РАН). *Н.Н. Старикова* (ИСЛ РАН) охарактеризовала роль творческой интеллигенции в политической жизни независимой Словении, уделив особое внимание Д. Рупелу. *Д. Балан* (Ин-т по изучению стран Восточной Европы Румынской академии) рассказал о событиях декабря 1989 г. в качестве очевидца. *Т. Г. Биткова* (ИНИОН РАН) выступила на тему «Румынский европеизм и проблема национальной идентичности в начале XXI века». *С. Георгиу* (Ин-т истории «Н. Йорга» Румынской академии) попытался ответить на вопрос, что произошло в Румынии после декабря 1989 года: революция, заговор или реставрация. *В. Буга* (Ин-т по изучению проблем тоталитаризма Румынской академии) проанализировал декабрьские события 1989 г. в Румынии в контексте румыно-советских отношений.

Работа пятой секции была посвящена теме «Центральная и Юго-Восточная Европа: новые ориентиры духовной жизни». *П. Бахмайер* (Болгарский ин-т в Австрии) освещал

тил культурную политику Болгарии и западное влияние на нее в трансформационный период 1989–2009 г. *А. Бабуш* (Ин-т литературы Венгерской академии наук) посвятил выступление творчеству венгерских писателей в условиях смены власти (1988–1990). *С.А. Шерлаимова* (ИСл РАН) рассмотрела развитие чешской литературы за двадцать лет, прошедших после ноября 1989 г. *Л.Ф. Широкова* (ИСл РАН) подвела итоги двадцатилетнего развития словацкой литературы после «бархатной» революции. *Г.П. Мельников* (ИСл РАН) выступил на тему «Чешская культура рубежа XX–XXI вв.: изменение форм, содержания и социальных функций». *М.В. Мединцева* (ИСл РАН) остановилась на проблеме чешского абсурдизма и творчестве Вацлава Гавела как представителя этого направления в литературе.

Каждое заседание заканчивалось оживленной дискуссией по затронутому кругу вопросов. Материалы конференции, внесшей немало нового в освещение трансформационных процессов в странах ЦЮВЕ, планируется издать отдельным сборником. Участники научного форума были приглашены на торжественный вечер в Посольстве Чешской Республики в Российской Федерации, организованный Чешским культурным центром – Чешским домом в Москве.

© 2010 г. *Е.Л. Валева*

Славяноведение, № 4

КОНФЕРЕНЦИЯ «ОДЕЖДА В СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ»

19 мая 2009 г. Отдел истории культуры Института славяноведения РАН провел конференцию «Одежда в славянской культуре», организованную в рамках проекта «Повседневные практики и их отражение в аксиологической системе славянских текстов», поддержанного Грантом РФФИ № 08-06-00246а (2008–2010 г.) (руководитель – Н.В. Злыднева). В центре внимания участников конференции находились содержание и особенности восприятия кода одежды в культуре славянских народов. В течение одного дня было заслушано 15 докладов, в конференции приняли участие сотрудники нескольких отделов Института славяноведения РАН, а также коллеги из Института искусствознания, МГУ, Института русского языка.

Во вступительном слове *Н.В. Злыднева* (ИСл РАН) отметила, что настоящая конференция входит в серию из трех конференций, задачей которых является изучение концептов еды, одежды и вещи. Одновременно данная тема связана с проектами Отдела истории культуры на протяжении последних пяти лет, в частности с исследованием категорий славянской культуры (пространства, времени, с телесным кодом и др.).

Утреннее заседание открыла *М.И. Чернышева* (Ин-т русского языка) с докладом «Тематически-исторический словарь русского языка: одежда» и на материале разрабатываемого словаря продемонстрировала результат классификации лексики, обозначающей одежду, на базе словаря русского языка XI–XVII вв. Докладчик отметила, что тематическая организация исторического словаря уникальна, поскольку предполагает восстановление семантики лексем путем сложной герменевтической работы. Внутри тематического сло-

варя представляются тематические группы, для которых характерно наличие гиперонима. При изучении лексики в историческом плане оказывается возможным наличие нескольких гиперонимов, часто обусловленное заимствованиями из греческого и тюркских языков. Некоторые лексемы в зависимости от контекста могут быть одновременно видовыми и родовыми, например *платье*. Одежда может быть названа по материалу, по состоянию, по качеству, по внешнему виду, может быть повседневной, специального назначения, различаться по сану, по покрою, соответствовать выполняемой службе. Для исторического словаря неизбежно наличие группы лексем с неясной семантикой. Одежда может быть гендерно маркированной или общей для обоих полов. Функция и особенности внешнего вида являются двумя составляющими наименования.

Е.Е. Левкиевская (ИСл РАН) прочитала доклад на тему: «Народный костюм и эволюция его социокультурных смыслов в XIX – начале XXI в.», где показала механизмы слияния понятий «народный» и «национальный» костюм, произошедшего в петровскую эпоху в связи с запретом на ношение высшими сословиями национального платья. В частности, в XIX в. кормилицы, дворники и извозчики были обязаны носить «национальный» костюм, служивший им своеобразной униформой. В послепетровскую эпоху народная одежда перестает выполнять чисто утилитарную функцию и становится культурным и идеологическим знаком, который различает «естественное» функционирование народной одежды и использование ее в политических или рекламных целях. Автор доклада прослеживает несколько основных тенденций в использовании народной одежды вне первоначального функционального контекста: социальную, этническую, индустриальную и религиозную и др.

До середины XX в. традиционный костюм оставался практически единственной повседневной одеждой на селе, что объяснялось прежде всего тяжелым экономическим положением крестьянства и недоступностью промышленных товаров. Однако среди сельской молодежи престижным считался именно городской костюм. По прошествии десятилетий сохранился обычай обряжать покойника и, реже, наряжать невесту в народный костюм. В советский период народный костюм использовался на политических и увеселительных мероприятиях, вплоть до новогодних елок. В последние десятилетия появился стиль рекламы, апеллирующий к идее этнической самоидентификации. В такой рекламе костюм часто не аутентичен оригиналу, как и в сувенирной продукции и псевдонародных ансамблях, поддерживающих условный образ «русского» в глазах иностранцев. Тем не менее, народная одежда продолжает выполнять свои утилитарные функции, хотя границы ее бытового использования резко сузились по сравнению с предыдущими эпохами.

А.В. Семенова (ИСл РАН) обратилась к исследованию роли кода одежды в кашубской культуре на материале фразеологии. Она показала, что сквозь призму кода одежды характеризуется пол и возраст человека, физическое состояние, внешний облик, мимика и телодвижения, маркером может быть также принципиальное наличие или отсутствие одежды или обуви, может характеризоваться уместность, качество и состояние одежды, материальное положение, социальный статус, в том числе вступление в брак, характеристика взаимодействия людей. Одежда характеризует человека по отношению к труду, а также его интеллект, эмоции и черты характера и пр. За определенными предметами одежды закреплены выражения перечисленных значений. Например, чепец связан с браком, счастливой судьбой от рождения, удачей и везением, а брюки упоминаются в идиомах, характеризующих слабость, болезнь, несварение желудка, страх, старость, худобу. Определенную роль в характеристике аксиологически отмеченных аспектов жизни играют части одежды, например, карман указывает на компрометацию, смущение, отсутствие денег («мышь в кармане»), рукав связан со щедростью («широкие рукава»). Практически все части тела, на которые надевается та или иная одежда, задействованы в передаче перечисленных аксиологически значимых смыслов. Автор доклада приходит к выводу, что посредством кода одежды выражаются практически все важнейшие характеристики человека, а одежда может выступать как символический заместитель человека, свиде-

тельствующий о его физических, половозрастных, социальных, психологических, интеллектуальных особенностях. Фразеология указывает на эти характеристики, вызывая в сознании говорящих существующие в языковой картине мира коннотации, присущие этим единицам номинации, одновременно подкрепляя и оживляя эти коннотации.

Говоря об изучении истории костюма с точки зрения искусствоведения, *Р.М. Кирсанова* (Ин-т искусствознания) осветила способы реконструкции исторических фактов, основываясь на материале портретной живописи. В своем докладе «Источники по изучению костюма: поиски и реконструкции» автор исследует портретное творчество М. Веже-Лебрен. На примере истории парика и его изображения на портретах показано, как детали могут передавать знаки времени и исторические реалии. Так, при Павле I запрещалось носить круглые шляпы, т. е. цилиндры, что считалось признаком якобинства, а также обязательным было ношение пудренных париков и ботфортов. Пудра на плечах и одежде портретируемых персонажей в эпоху царствования Павла I указывает на страх перед возможными высочайшими репрессиями, поскольку они изображались на портретах без париков, и должна была свидетельствовать о том, что портретируемый снял парик непосредственно перед сеансом.

О.Ю. Тарасов (ИСЛ РАН) в докладе «Риторика вуали» исследует вуаль в картине как обрамление, «застывшее» между одеждой и ее отсутствием, являющееся при этом неотъемлемой частью целого. Показываются символические смыслы вуали, ее особая оптика в истории живописи, связь с эротическим замыслом. Вуаль на лице создает эффект маски, обобщая индивидуальные черты лица, придавая загадочность объекту изображения, по контрасту выявляя не прикрытые вуалью части лица. Также вуаль заставляет взгляд скользить, подключая воображение или «второе зрение» зрителя. Вуаль является гранью между сверхчувственной красотой и эротическим замыслом. В докладе исследуется и сакральная функция вуали. Так, плат св. Вероники Робера Кампена представляет границу между видимым и невидимым с помощью полупрозрачной поверхности ткани, а вуаль допускает возможность чуда, подчеркивая ангельскую бесплотность персонажа. В живописи флорентийских художников XV в. в качестве полупрозрачной ткани изображается плат Богородицы. Невероятных высот достигают в изображении вуали мастера Романтизма: ткань на их моделях почти одухотворенная, аккомпанирует движению тела модели, также одухотворенного. Таким образом, вуаль может рассматриваться как часть обрамления, являясь одновременно акцентом в картине.

О.В. Никитина (Ин-т искусствознания) открыла дневное заседание докладом «Средства общения щеголей: значение причесок, язык веера и других модных аксессуаров, щегольской жаргон второй половины XVIII века». В указанный период в России складывается щегольское общество, ориентированное на европеизированную моду. Щеголей и петиметров можно отнести к особой субкультуре, внутри которой существовал свой язык и своя система знаков. Аксессуары костюма – веера, табакерки, мушки, муфты имели не только функциональное, но и символическое значение, служили средством общения и передачи информации. Чувствительность вошла в моду во второй половине XVIII в., и было очень удобно обмахнуться веером при сильном волнении или прикрыть им покрасневшее лицо. Туалет дамы без веера считался незавершенным. У мужчин такой же неотъемлемой деталью в это время была табакерка. Табакерка могла быть предметом высочайшего поощрения, а иногда табакерку со встроенным зеркальцем использовали для подглядывания в карты соперников.

И.И. Свирида (ИСЛ РАН) в докладе «Одежда как знак эпохи Просвещения» поставила характер костюма в связь с важнейшими историко-культурными явлениями того времени. В докладе было показано, что одежда, изначально предназначенная создавать охранительный барьер между человеком и окружающей природой, в действительности постоянно участвовала в диалоге культуры и природы. О его характере в XVIII в. свидетельствует в особенности то, как одежда реагировала на повышенную роль категории естественности в культуре той эпохи. Эта реакция была многозначной и отнюдь не вела к упрощению или опрошению одежды, которая в XVIII в. приобрела изысканность и утончен-

ные рокайльные формы. В докладе было прослежено, как, с одной стороны, происходил процесс освобождения тела от сковывавших его жестких конструкций предшествовавшего времени, а с другой – как одежда неохотно отказывалась от своей доминирующей роли в моделировании силуэта тела. Это проявилось, в частности, в ее сопротивлении античной традиции, активно обнаруживавшей себя в разных сферах культуры. В результате даже в театральном костюме до конца века не отказались от корсетов и робонов, в которые облачали героев античных трагедий. Наряду с этим в докладе была прослежена иная линия в метаморфозах одежды – формирование в XVIII в. ее основных функций, присущих Новому времени, складывание особой сферы ее бытия, которая наполнилась штатом ее проектировщиков и изготовителей, стала хорошо организованным бизнесом, приобрела свою прессу в виде модных журналов. Как особый регулятивный механизм мода утвердилась, выйдя за пределы собственно сферы одежды.

В.И. Новиков (Москва) выступил с докладом «Переодевание в наполеоновскую эпоху». Кавалерист-девица Н. Дурова была не единственной исторической воительницей, ряд которых возглавляет, безусловно, Жанна д'Арк. Новые веяния XVIII в. сделали такое «переодевание» возможным. Н. Дурова в период войны с Наполеоном была замужем и имела сына, однако не поддерживала с мужем и ребенком никаких отношений. Под влиянием настроений ее матери, у Н. Дуровой было сильно желание обрести свободу и независимость, что при ненависти Дуровой к своему полу могла обеспечить только военная карьера. Тайна ее пола была вскоре раскрыта, однако царь позволил ей остаться в армии и присвоил ей звание офицера. После смерти Н. Дуровой священник отказался отпевать ее под мужским именем. На страницах ее мемуаров нет ни слова о ее патриотических чувствах, а на первый план выходит ее стремление поддержать свое мужеподобие. Феномен Дуровой был порождением наполеоновских войн, когда моральные и религиозные нормы оказались под сомнением. Этот феномен имел повторение в биографии М. Бочкаревой, служившей в российской армии с позволения Николая II в годы Первой мировой войны.

Т.И. Чепелевская (ИСл РАН) выступила с докладом «Код одежды и его роль в творчестве И. Цанкара (на материале малой прозы)». В докладе рассмотрена одежда, являющаяся важным средством как для создания визуальных образов героев, так и для маркирования пола, возраста, семейного, социального и другого положения человека, а также его этнической, региональной и конфессиональной принадлежности. Описание национальной одежды появляется у Цанкара в описаниях праздников и обрядов, а в более позднем творчестве – для характеристики возрастных, социальных, психологических свойств героя, подчас заменяя собственно психологический портрет. На примере соломенных шляп в одноименном рассказе И. Цанкара производится «заочная» характеристика их хозяев. В этом рассказе автор разворачивает код одежды в чистом виде: деталь костюма замещает собой человека. Рассматривается роль кода одежды при создании образов героев фольклорно-мифологических произведений словенского писателя. В таких рассказах герой сам меняет одежду, что становится равносильно перевоплощению в полумифологического персонажа. Аллегии Жизни и Смерти одеты у Цанкара в костюмы обычных людей и наделены психологическими характеристиками. В творчестве И. Цанкара одежда приобретает то значение символа, то выступает как средство психологической и социальной идентификации, то он разыгрывает вечный мотив переодевания или отторжения человека от одежды, когда одежда становится его заместителем, расширяет зону действия кода одежды на аллегорические фигуры, порой заставляет его работать в сравнениях, иногда использует в ироническом плане. Цанкар не останавливается на описании обязательных деталей одежды своих персонажей: писателя интересовало, чтобы целостный код прозвучал в его сочинениях.

В докладе *Л.А. Софроновой* (ИСл РАН) «Код одежды в ранних повестях Гоголя. Часть и целое» показано, как телесность персонажей ранних повестей Гоголя выявляется бла-

годаря коду одежды, который работает на создание как индивидуального образа тела, означивая его границы, так и коллективного. Тело под пристальным взглядом автора разбирается на части. Одежда скрывает тело человека, не стремясь к единству образа, но показывая человека как нагромождение образов внешних. Чрезвычайно дифференцирован цветовой код в описании одежды. Ярким цветам противопоставляется серый цвет, например, бедные казаки ходят в серых свитках. У демонологических персонажей одежда отклоняется от нормы невероятной формой или размерами. Ненормальностью также являются заплатки, грязная или рваная одежда. Женский костюм характеризуется прежде всего посредством описания головных уборов. В одежде «чужих» выделяются детали, например откидные рукава у польских панов, еврейская ермолка, турецкие шаровары, чалма. Шапка – главный знак принадлежности к казачеству, без нее казаку обойтись невозможно. Одновременно шапка служит различению «своих» и «чужих». Кроме того, для казака обязательно наличие пояса, люльки и оружия. Жители Диканьки одеваются «соразмерно» случаю: праздничная одежда отличается от повседневной, которая всегда остается одинаковой и служит идентификации персонажей. Одежда характеризует как «своего», так и «чужого», а также представителей «того» мира, в частности черт появляется в костюме ужасной свиньи. Функция кода одежды разнообразна в ранних повестях Гоголя, сама же одежда распадается на детали и остается непроницаема для взгляда, именно детали ее характеризуют внешний облик жителей хутора близ Диканьки.

Вечернее заседание было открыто докладом *Н.В. Злыдневой* «Одежда и время: ветхая одежда как палимпсест», в котором автор характеризует проекцию брэнного тела на ветхость одежды, т.е. рассматривает линейное время человеческого существования. Старая одежда несет на себе след личного времени жизни. Старая и новая одежда в традиционной культуре принципиально не противопоставляется, а ветхая одежда связана с евангельской темой. Ветхой одежде присущи признаки утраты новизны, поношенность, утраты первоначального цвета, целостности, чистоты. Есть одно качество одежды, которое не имеет отношения к оппозиции «новое» – «старое»: ее прозрачность, свойство обнажать то, что призвано быть скрытым. Новая одежда скрывает, являясь маской, немотивированным знаком, а старая – обнажает. Различается семантический (евангельский) палимпсест и синтагматический, когда одно изображение наслаивается на другое, просвечивает через другое.

В XX в. продолжается евангельская, гоголевская тема и синтагматический палимпсест. Однако только у одного писателя мы сталкиваемся с синтагматическим и семантическим палимпсестом, соединенными в единое целое, – это А. Платонов. У художника Филонова таким же образом сопрягаются мотивы просвечивания одного через другое, и все это надделено семантикой мерцающего существования, мерцающей мифологии. Автор доклада приходит к выводу о том, что есть еще и прагматический, коммуникационный аспект палимпсеста, состоящий в активизации роли реципиента, и у Филонова это особенно заметно, когда сам зритель складывает изображение в крупные блоки из атомов, а затем оно распадается. И это важно для поэтики 20-х годов XX в., так как, с одной стороны, является продолжением авангардной поэтики, ушедшим в глубинные слои, с другой – это налаживание разорванной связи с традицией, существующее как парадокс в своей нерасчлененности и неразрешенности, что очень хорошо демонстрирует ветхая одежда.

Н.А. Фатеева (Ин-т русского языка) представила доклад «Одевание и раздевание у Набокова». Особое место в вещном мире Набокова занимают предметы одежды и сам концепт одежды как внешней оболочки человека. В русских текстах Набокова широко представлены названия одежды и обуви, однако аксессуары имеют нередко в композиции текста ведущее значение. Например, бант Машеньки является маркером изменения ее отношений с Ганиным. Вещи принимают форму своих носителей и их речевые характеристики, а также отражают их чувства и черты характера. Предметы одежды, отделяясь

от героев, превращаются в их двойников, одушевляясь, становятся символическими заместителями их отношений.

Важно представление об одежде как о том, что не может изменить внутреннюю сущность человека, поэтому она может быть лишь атрибутом образа, маской, переносящей в жизнь театральность и кукольность всего происходящего. Поэтому у Набокова особо значимы моменты одевания и раздевания героя: эти действия энантиоморфичны и обратимы. Концепты призрака и призрачности появляются в романе «Дар», в котором герой, идя по улицам голым, объясняет полицейскому, что «не способен обратиться в дым или обрести костюмом». Набоков уподобляется самому Гоголю, утверждая, что гоголевское изображение не уточняет реальность, но порождает иную. Метафора у Гоголя не застывает на сравнении, но начинает жить своей жизнью, вытесняя реальный мир, давая возможность разглядеть за его материей совсем иную подкладку. Эта подкладка обнаруживается при одевании и раздевании набоковских героев.

Д.К. Поляков (МГУ) в докладе «Что до туалетов, то в России люди не одеваются, а прикрывают свою наготу» представил чешские свидетельства о советской моде 1920–1930-х годов. Он рассмотрел проблему восприятия иностранцами советской моды и, шире, быта того времени. В рамках революции 1917 г. фактически осуществились две революции – социальная и эстетическая. В этот период предпринимались многочисленные попытки создания советского стиля в моде. Отличием моды пореволюционных лет является ее самодельность, порой одежда изготавливалась из подручных, самых невероятных материалов и отличалась непрофессиональностью изготовления. Многие иностранцы, посетившие Советскую Россию, оставили путевые заметки, художественные произведения, посвященные воспоминаниям об этих путешествиях. Очерки чешских писателей-коммунистов (М. Майеровой, Ю. Фучика) практически не содержат описаний одежды, а образы героев очерков обобщенно-абстрактны. Представители чешской культурной интеллигенции сравнивают материальную культуру до и после революции. Известный переводчик русской литературы Карел Велеминский издает книгу очерков «Россия вчера и сегодня» (Прага, 1927). В Москве он видит толпы рабочих, людей одинаково плохо одетых. Налицо практически полное коммунистическое равенство – на людях все серое, плащи, темные штаны и темные рубашки с темным галстуком, дешевые шапки из материи и платки у женщин. Другая книга принадлежит Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой. Одежду писательница характеризует сугубо критически. Писательница воспринимала женскую моду того времени как ужасающую. У советских граждан, судя по заметкам путешественников, сталкивались две тенденции: к унификации и созданию «прозодежды», а с другой стороны – стремление к чему-то более качественному, а также броскому и яркому; одежда как эстетическая программа противопоставлялась стремлению массы к более яркой одежде в рамках традиции. Также имела место оппозиция в зависимости от социальной и идеологической направленности.

Н.В. Шведова (ИСЛ РАН) в докладе «Мотив наготы как признак эротичности в поэзии словацкого сюрреализма» рассматривает наготу, т.е. отсутствие одежды, на примере словацкой поэзии 1930–1940-х годов XX в., прежде всего сюрреалистической. Нагота женщины как признак эротичности ярко представлена в поэзии поэтов-сюрреалистов. Это было новым явлением для достаточно «целомудренной» любовной поэзии Словакии первой половины XX в.

Образцом романтической любовной поэзии является воспевание возвышенной, целомудренной любви к девушке, олицетворяющей совершенство. Поэзия надреализма по сути своей эротична, также напоминает о сюрреалистической связке Эроса и Танатоса.

Словацкие надреалисты, шедшие от попраания приличий, дерзких литературных выходов к упоению чувственностью в ее многообразии (В. Райсел) и к антиномиям смертности тела и бессмертия любви (Р. Фабри и Ш. Жари), не только значительно обновили и расширили тематический и образный арсенал словацкой поэзии – без их творческих завоева-

ний немислима была бы поэзия послевоенной Словакии, любовная лирика признанных мэтров (В. Валека, Я. Стаха и др.). Среди других барьеров надреалисты разрушили препятствия в поэтическом освоении интимнейших тем, в числе которых сокрытие тела под одеждой.

П.В. Королькова (ИСл РАН) представила доклад «Кундера – драматург и режиссер: во что одеты герои пьес Милана Кундеры». Доклад посвящен особенностям сценического костюма в пьесах знаменитого чешского писателя М. Кундеры. В пьесе «Владельцы ключей» разворачиваются одновременно два действия: борьба главного героя с самим собой и гротескно-комическая борьба героя с тестем за ключи, т.е. проблема и псевдопроблема. Пьеса является философским высказыванием о человеке более, чем исторической драмой, поэтому в костюме важнее создание общего впечатления, чем соблюдение верности эпохе. Так, костюм офицера гестапо весьма упрощен: символом насилия, садизма и жестокости становятся высокие сапоги. Кундера требует, чтобы костюмы были неприметными, обыденными, но не случайными: исподволь они должны выражать характеры героев пьесы.

Глубокое, даже философское значение придается костюму в пьесе «Птаковина». В результате цепи глупых событий подвергается наказанию невинный ученик школы. Кундера отмечает, что его роль обязательно должен исполнять взрослый актер, но в детской одежде – этот ученик является в пьесе настоящим философом, задающим вопросом, *что есть истина?* В пьесе истина приравнивается к вероятности, правдоподобности и делается вывод, что настоящей истины не существует.

В заключительном слове Н.В. Злыднева поблагодарила всех участников и гостей конференции за доклады и задававшиеся по ним вопросы.

© 2010 г. *А.В. Семенова*

Славяноведение, № 4

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНСКИЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ И СЛОВЕНЦЕВ»

31 марта 2009 г. в Институте славяноведения РАН состоялась Международная научная конференция «Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев», совместно подготовленная сотрудниками Института и Научно-исследовательского центра и факультета гуманитарных наук Приморского университета (г. Копер, Словения).

Конференция носила междисциплинарный характер, в ее работе приняли участие историки, культурологи, литературоведы и лингвисты. Почетными председателями собрания стали академик САНИ Й. Пирьевец (Словения–Италия) и директор Института К.В. Никифоров. Заседания вели И.В. Чуркина и Н.Н. Старикова. Участников и гостей конференции поприветствовал временный поверенный в делах Республики Словения в России О. Пунгартник, его сопровождала второй секретарь Посольства Т. Печан.

Первым стал доклад *Й. Пирьевца*, осветивший особенности словенско-русских связей в XIX и XX вв. Ученый показал, что Россия на протяжении долгого времени являлась для словенцев очень важной психологической опорой, благодаря чему сохранялись и развивались «охранительные механизмы» нации, которой еще в XIX в. пророчили быструю германизацию. Если для XIX в. характерны научные контакты, то две мировые войны со множеством пленных с обеих сторон, военными миссиями и перебежчиками значительно расширили связи. Раскол между Сталиным и Тито обусловил снижение взаимодействия двух народов до минимума почти на три десятилетия, вместе с тем интерес к русской культуре никогда не угасал полностью. В 1970–1980-е годы стало вновь развиваться сотрудничество, в первую очередь экономическое. Ученый считает, что в словенском народе «жар русофильского “панславизма” еще не угас». Доклад он сопроводил яркими примерами из жизни как видных деятелей политики и культуры, так и своих близких и знакомых.

Деятельности священника русской посольской церкви М.Ф. Раевского на ниве славянской взаимности и его контактам со словенскими культурными обществами в 1860–1870-е годы был посвящен доклад *И.В. Чуркиной*. Квартира славянофила Раевского в Вене, начиная с конца 1850-х годов, была местом общения русских славистов и представителей австрийских славянских народов, в том числе и словенцев. С 1860 г. Раевский становится представителем Славянского благотворительного комитета в Австрийской монархии. Весьма плодотворным было его сотрудничество с Матицей словенской, чьим первым – и единственным среди иностранцев вплоть до конца XIX в. – почетным членом он становится.

Л.А. Кирилина продолжила тему роли личности в истории докладом о словенском либеральном политике И. Хрибаре, последовательном славянофиле и русофиле. В 1899–1914 гг. Хрибар несколько раз посетил Россию. Наиболее значимым стал его приезд в Петербург в 1908 г. в составе делегации неославистов. Хрибар не только выдвинул много инициатив, касающихся развития русско-словенских культурных, экономических и политических связей, но и приложил немало усилий для того, чтобы воплотить их в жизнь.

О распространении идей славянской взаимности и восприятии России в Триесте и в словенском Приморье до Первой мировой войны говорил *Б. Клабьян* (Словения–Италия). Мечта об идеальном славянском братстве существовала у триестских словенцев еще в первой половине XIX в. Тогда было образовано Славянское общество (или собрание), проработавшее всего нескольких месяцев. В 1861 г. именно в Триесте была учреждена первая Славянская читальня. Среди организаций, чьей целью стало объединение славян, был Русский кружок, созданный в начале XX в. С целью популяризации русского и других славянских языков организовывались языковые курсы, литературные встречи, ширились библиотечные фонды. Только объявление войны «славянским братьям» заглушило чувства славянской взаимности.

На основе архивных материалов, хранящихся в Словении, Великобритании и США, *Г. Байц* (Словения) рассмотрел словенско-советское военное и информационное сотрудничество во время Второй мировой войны (1943–1945) на словенской этнической территории. Исследование выявило многие факты, имена, уточнены количественные показатели, в докладе были представлены различные формы сотрудничества между словенскими партизанами и советскими военными представителями, особое внимание уделено информационно-пропагандистской деятельности.

Л.Я. Гибианский, представивший советскую позицию по триестскому вопросу в период Второй мировой войны и в начале «холодной войны», опирался на документы архивов Москвы, Белграда и Любляны. Рассматривая различные этапы – от возникновения вопроса в декабре 1941 г. и его закрытия в феврале 1947 г., – ученый проанализировал цели Кремля и его практическую политику, показал сложное лавирование советских властей между взаимоисключающими требованиями союзников (в том числе югославской и итальянской компартий), сложность политико-дипломатической борьбы,

давление со стороны западных держав. Вместе с тем было отмечено, что Москва, пытаясь найти компромисс, все же стремилась к наиболее благоприятному для Югославии решению.

Культурные связи словенцев с другими славянами имеют долгую историю. Таким связям в XVII–XVIII вв. с хорватами был посвящен доклад *И.И. Лециловской*, рассказавшей о вкладе в развитие хорватского изобразительного искусства и зодчества словенских мастеров, среди них отца и сына Еловшеков, скульптора Ф. Робба и др. Многие молодые хорваты учились в словенских городах – Любляне и Градце, что в определенной мере отразилось на их творчестве.

И.Д. Макарова-Томинец (Словения) в своем докладе осветила значимость изучения словенского языка в развитии межславянского научного диалога в XIX в. По ее мнению, словенский язык как объект лингвистического изучения всегда привлекал внимание ученых – российских, словенских, чешских и других, открывая благодатное поле для полемики. Было особо отмечено, что достижения российских славистов XIX в. стали важным вкладом в словенскую диалектологию, лингвогеографию и историю словенского языка, их актуальность еще сохранилась.

Тенденциям формирования словенской терминологии в конце XVIII – первой половине XIX в. был посвящен доклад *К. Огринц* (Словения–Россия). В то время, благодаря общеавстрийским тенденциям и реформам, словенцы столкнулись с необходимостью создания собственной терминологии в хозяйственных и экономических областях, в естествознании, в начальном образовании и отчасти в юриспруденции. Австрийский просвещенный абсолютизм требовал скорейшего распространения грамотности среди населения при опоре на их родные языки, чему противоречило требование вести государственные дела на немецком. На конкретных примерах в сопоставлении с немецким и русским были выявлены пути развития словенской терминологии.

Е.Е. Левкиевская рассмотрела словенскую мифологическую традицию с типологической точки зрения. Словенская народная культура не желает вписываться в рамки южнославянской традиции, к которой принадлежит согласно научной классификации. Впрочем, в рамки западнославянской традиции, с которой она непосредственно соседствует и чье влияние весьма ощутимо, она также не вписывается. Феномен словенской традиции определяется ее многовековым существованием на перекрестке культур. Приведенные примеры то перекликаются с южнославянской или западнославянской традицией, то демонстрируют наличие самостоятельной и хорошо сформированной системы.

Русским актерам и режиссерам, работавшим в Словении в период между Первой и Второй мировыми войнами, посвятил доклад *К.Я. Козак* (Словения). Особое внимание он уделил творческой и личной судьбе супругов М. Наблочки и Б. Путяты. Ученый специально остановился на восприятии творчества русских эмигрантов, откликах тогдашней критики, в частности знаменитого Й. Видмара, твердо стоявшего на позициях словенской национальной и культурной независимости и защищавшего ее от любых «неавтохтонных» элементов. Несмотря на это, вклад русских актеров в развитие словенского театра был высоко оценен, и их имена навсегда вписаны в историю развития национальной культуры первой половины XX в.

Был зачитан доклад *Н. Зайц* (Любляна), впервые сопоставившей творчество двух известных, хотя и принадлежащих разным эпохам, славянских поэтов – А.С. Пушкина и Д. Зайца. Она проследила, как воплощается тема поэтического призвания: ее конкретное выражение во многом зависит от духа времени, когда жил и работал поэт, – и попыталась определить, что именно позволяет стихотворному произведению преодолеть ограничения эпохи, освобождает его от конкретно-временной заданности и вводит его в «вечность», как это случилось с творчеством А.С. Пушкина и Д. Зайца.

В докладе *Н.Н. Стариковой* речь шла об истории знакомства с А. Ахматовой и И. Бродским словенского поэта Т. Павчека, который в 1963 г. был в СССР и рассказал

об этом позднее в книге «Время души, время тела». Благодаря общению с Ахматовой (в Ленинграде) Павчек всю свою последующую переводческую деятельность связал с русской поэзией. В Словении в его переводах вышли сборники Маяковского, Блока, Есенина, самой Ахматовой, Пастернака, Цветаевой и Заболоцкого. Вероятно, что стихи, подаренные Бродским Павчеку в феврале 1963 г. в Москве, благополучно вывезенные им из Союза, переведенные и прочитанные на радио Любляны, могли стать первыми переводами поэзии будущего нобелевского лауреата за границей. Первая зарубежная книга Бродского появилась в Нью-Йорке только в 1965 г.

В докладе двух авторов *Ю.А. Созиной* и *Т.И. Чепелевской* представлена картина бытования словенской культуры в современной России – с начала 1990-х годов до настоящего времени. Были приведены публикации произведений словенских авторов на русском, научные труды по словенской истории, филологии и культуре в целом, освещены наиболее важные культурные и научные словенско-российские мероприятия. Особый интерес представляет процесс формирования в России образа небольшой славянской страны, отделившейся от ранее существовавшей СФРЮ и в качестве нового государства старающейся показать мировому сообществу свое своеобразие, выделиться из культивировавшегося ранее (условно) цельного образа югославских братских народов, уйти от ассоциаций с прежним контекстом.

В завершение научной встречи состоялась презентация интернет-версии двустороннего проекта «Использование информационных технологий в процессе изучения русско-словенских научных связей», подготовленная словенской стороной и представленная Г. Байцем.

Во время заседаний несколько раз вспыхивала научная дискуссия, особенно в отношении того, как сегодня следует оценивать различные исторические события, а также методов дальнейшего упрочения российско-словенских научных и культурных связей. Хотя рабочими языками конференции были русский, словенский и английский, для успешной работы оказалось достаточно двух славянских языков. Обе стороны – российская и словенская констатировали продуктивность сотрудничества.

© 2010 г. *Ю.А. Созиная*

Славяноведение, № 4

СОВЕЩАНИЕ-СЕМИНАР ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА, БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

27–28 октября 2009 г. на филологическом факультете МГУ состоялось совещание-семинар преподавателей болгарского языка, болгарской литературы и культуры, организованное по инициативе кафедры славянской филологии. 2009 год, как известно, был объявлен Годом Болгарии в России, и это стало хорошим поводом для того, чтобы филологи-болгаристы смогли встретиться и обсудить актуальные проблемы своей деятельности как в практическом, так и в теоретическом аспекте, тем более что со времени последней подобной встречи в Москве (1989 г., МГУ) прошло уже два насыщенных значимыми событиями в жизни славянских стран десятилетия.

В совещании-семинаре приняли участие около 40 болгаристов из разных стран: России – Институт славяноведения РАН, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова (филологический факультет, факультет иностранных языков и регионоведения), Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва), Санкт-Петербургский государственный университет, Государственная академия славянской культуры (Москва), Башкирский государственный университет (Уфа), Высшие курсы иностранных языков Минэкономразвития России (Москва); Белоруссии – Белорусский государственный университет (Минск); Украины – Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Одесский национальный университет имени Ильи Мечникова, Бердянский государственный педагогический университет, Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М.Т. Рыльского НАН Украины (Киев); Польши – Университет имени Николая Коперника (Торунь) и, разумеется, специалисты из Болгарии – Институт болгарского языка Болгарской академии наук, Софийский университет имени св. Климента Охридского, Шуменский университет имени епископа Константина Преславского.

Почетным гостем на открытии совещания-семинара 27 октября был Чрезвычайный и Полномочный Посол Болгарии в России господин Пламен Грозданов.

Также участников приветствовали заместитель декана филологического факультета О.А. Клинг, директор Болгарского культурного института в Москве Буряна Ангелакиева, заведующий кафедрой славянской филологии В.П. Гудков и представитель Департамента языкового обучения Софийского университета Е. Димитрова.

Е. Димитрова рассказала об организации преподавания болгарского языка как иностранного в Софийском университете, об основных направлениях научно-исследовательской, методической и педагогической деятельности специалистов-болгаристов.

В.П. Гудков познакомил коллег из других университетов с тем, как развивалась болгаристика на филологическом факультете МГУ. Историю болгаристики в Московском университете, по мнению В.П. Гудкова, можно разделить на два этапа – первый начался в 1835 г. (когда славяноведение было введено в российские университеты как учебный предмет), второй – в 1943 г. (когда начал формироваться коллектив специалистов – лингвистов и литературоведов – нынешней кафедры славянской филологии). В XIX в. главной целью преподавания было дать студентам ключ к пониманию текстов на славянских языках, обучение речевому общению не предполагалось. В середине же XX в., в годы Второй мировой войны, когда возникла острая необходимость объединения всех славянских государств для борьбы с фашизмом, на филологическом факультете МГУ была создана кафедра славянской филологии, задачей которой стала подготовка специалистов, способных обеспечивать межславянские контакты. В.П. Гудков подчеркнул, что огромный вклад в развитие славистики, и в частности болгаристики, в эти годы внес С.Б. Бернштейн, на протяжении многих лет возглавлявший кафедру. С.Б. Бернштейн читал различные курсы, но приоритетом для него всегда была болгаристика, болгарский язык в синхронном и диахроническом аспектах. Систематический характер на кафедре славянской филологии приобретает и преподавание болгарской литературы. В.П. Гудков рассказал о задачах, стоящих перед нынешними болгаристами кафедры как в сфере научных исследований, так и в области практического преподавания. Особо он отметил вклад, который вносят в обучение студентов болгарские лекторы – специалисты из крупнейших университетов Болгарии и Института болгарского языка БАН.

Выступления представителей Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (*Е.Р. Чмыр*) и Одесского национального университета имени Ильи Мечникова (*В.А. Колесник*) позволили участникам совещания весьма детально ознакомиться с историей болгаристики в этих крупнейших университетах Украины.

Особый интерес всех присутствовавших вызвал доклад *З.И. Карцевой* (МГУ) «Предварительные итоги: болгарская проза 1989–2009 гг.».

В целом тематика докладов охватывала весьма широкий круг проблем болгаристики. Однако, учитывая специфику совещания-семинара как встречи преподавателей, боль-

шинство выступавших сосредоточили внимание на вопросах изучения болгарского языка как иностранного на территории Болгарии и за ее пределами. Докладчики говорили о методике преподавания, разработке программ теоретических и практических курсов, анализировали тенденции в изучении болгарского языка в различных странах, рассказывали о современных учебниках и учебных пособиях, дополнительных спецкурсах и спецсеминарах для болгаристов. Так, например, специалисты Департамента языкового обучения Софийского университета представили вниманию коллег свои последние разработки: недавно выпущенный учебник болгарского языка для иностранцев и тесты для определения уровня владения языком в соответствии с европейской трехуровневой шкалой. Преподаватели факультета иностранных языков и регионоведения МГУ *В.Н. Гливинская* и *И.В. Платонова* (авторы одного из последних учебников болгарского языка, изданных в России, «Давайте вместе учить болгарский») рассказали о том, как организован учебный процесс на их факультете, какие дополнительные навыки получают будущие болгаристы (например, знакомство с теорией и практикой перевода и др.). О специфике обучения болгаристов-бакалавров рассказали преподаватели СПбГУ *Е.Ю. Иванова* и *З.К. Шанова*. Вопросы, поставленные ими, заинтересованно обсуждались в рамках проведенного «круглого стола» «Проблемы организации обучения болгарскому языку в современных условиях».

Ряд докладов был связан с разного рода лингвистическими проблемами. В них рассматривались влияние префиксации на видовую характеристику глагольной основы, специфика употребления личных местоимений в современном болгарском языке, динамика доверия/недоверия в болгарском диалоге, варианты множественного числа существительных, интерпретация невербального выражения эмоций в болгарском языке и т.д. Некоторым вопросам болгарской лексикографии было посвящено выступление *Г.К. Венедиктова* (ИСЛ РАН). *М. Димитрова* (Институт болгарского языка БАН) представила обзор электронных ресурсов в сфере болгаристики.

Вниманию участников были предложены и сообщения, рассматривавшие в лингводидактическом аспекте те грамматические особенности болгарского языка, в связи с которыми у изучающих его иностранцев возникают наиболее серьезные трудности (глагольная система, категория определенности имени). Так, *В. Малджиева* (Торунский университет) продемонстрировала разработанные ею наглядные схемы, с помощью которых можно легко объяснять студентам весьма сложную систему времен современного болгарского языка.

Доклады представителей Украины были посвящены еще одной важной проблеме, а именно изучению говоров и культуры болгар, проживающих за пределами Болгарии. Так, например, *О.Б. Червенко* (Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М.Т. Рильского НАН Украины) были представлены результаты исследования болгарского фольклора Приазовья. *О.А. Сеничева* (Бердянский государственный педагогический университет) рассказала о выходящих на Украине газетах и радиовещании на болгарском языке. Вопросы болгарской диалектологии, в том числе особенности говоров за пределами Болгарии, рассматривались и в докладах российских участников, в частности *Т.В. Поповой* (Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН).

В рамках совещания-семинара был организован «круглый стол» на тему «Обучение переводу как неотъемлемая часть подготовки болгаристов». *И. Ликоманова* (Софийский университет имени св. Климента Охридского) представила доклад о переводе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на несколько славянских языков. С высказанным ею в ходе дискуссии мнением об особой актуальности и недостаточной изученности проблем межславянского перевода согласились все участники.

В сфере обучения переводу особое место занимает ежегодный студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка, который с 2001 г. проводят филологический факультет и факультет иностранных языков и регионоведения МГУ при содействии Посольства Болгарии в России и Болгарского культурного институ-

та в Москве. В нем участвуют молодые болгаристы из различных российских университетов.

Совещание-семинар преподавателей болгарского языка, болгарской литературы и культуры стало, по общему мнению участников, событием, действительно важным для всего славистического научного сообщества. Специалисты из разных стран получили возможность обменяться опытом в области преподавания болгарского языка, обсудить ряд важных лингвистических проблем, вопросы, связанные с межславянским переводом. Немаловажным было также и укрепление контактов между университетами разных стран, что в дальнейшем, несомненно, должно способствовать развитию болгаристики. В принятом участниками совещания итоговом документе подчеркивается необходимость регулярного проведения подобных мероприятий.

© 2010 г. *О.А. Ржанникова*

Славяноведение, № 4

РОССИЙСКО-ЧЕШСКАЯ КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ И АРХИВИСТОВ: ОЧЕРЕДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ В МОСКВЕ

Как оказалось, не только восьмерки играют магическую роль в чешской истории. Девятки – тоже урожайны на исторические события. В апреле и в сентябре в Москве прошли две большие международные конференции, посвященные началу Парижской мирной конференции в 1919 г., распаду Австро-Венгрии, образованию новых государств после окончания Первой мировой войны. Летом состоялась международная конференция, посвященная началу Второй мировой войны.

А в ноябре в Москве состоялся ряд мероприятий, связанных с двадцатилетием революций 1989 г. Свообразным куратором программы стали посольство Чешской Республики и Чешский культурный центр – Чешский дом в Москве. Директор Чешского культурного центра г-жа Власта Смолакова взяла на себя организацию встреч участников событий «бархатной революции» с общественностью, а также чешских и российских историков, показ документальных фильмов и пр. 16 и 17 ноября 2009 г. в Институте славяноведения состоялась представительная международная конференция «Трансформационные процессы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже веков: двадцатилетний (1989–2009 гг.) исторический опыт».

18 ноября в рамках этой конференции был проведен «круглый стол», организованный российско-чешской комиссией историков и архивистов под названием «Чешская историческая русистика и российская историческая богемистика: основные тенденции развития после 1989 г.», посвященный проблемам развития историографии двух стран. Чешские коллеги *Р. Влчек* и *Э. Ворачек* проанализировали развитие чешской русистики за последнее двадцатилетие. И если первый выступавший сосредоточился на исследованиях по российской истории от древности до XIX и начала XX в., то второй выделил основные направления изучения в Чешской республике следующего большого этапа российской истории, после 1917 г. Особое внимание чешских историков в последнее время привлекли исторические личности. М. Шманкмайер опубликовал работу о Екатерине II, В. Вебер – о Николае II, Й. Шауэр – о Б. Чичерине. Интерес чешских историков к России заметно усилился в последние годы, и это видно из названных докладчиками цифр. Э. Ворачек насчитал более 1700 наименований книг, статей и рецензий, вышедших в Чешской республике по российской истории XX–XXI вв. с 1989 г.

В.В. Марьина, автор недавно вышедшей двухтомной монографии «Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны», посвятила подробный доклад дискуссионным проблемам в исследованиях по истории Второй мировой войны в российской историографии последнего времени, выделив основные тенденции. Председатель чешской части комиссии *Я. Немечек* в «ответном» докладе осветил вопросы изучения истории Второй мировой войны в Чехии, охарактеризовав последние публикации документов, включая вышедший в 2009 г. первый том стенографических записок заседаний эмигрантского чехословацкого правительства в 1939–1941 гг., монографические труды и сборники статей. Он обозначил и новые темы, разрабатываемые в рамках этого большого периода, а именно чехословацкое сопротивление на Западе, Катынь, волынские чехи, Подкарпатская Русь и ее включение в состав СССР. Чешский ученый поднял и вопрос о доступности российских архивов, в частности Архива внешней политики СССР. *Ю.А. Щербакова*, приводя конкретные примеры, охарактеризовала работы российских историков, посвященные самому последнему этапу истории Чехословакии и Чешской Республики, периоду с 1989 г.

Интересный блок выступлений был посвящен тематике студенческих и аспирантских работ в высших учебных заведениях России и Чехии. *З.С. Ненашева* провела анализ проблематики курсовых, дипломных и кандидатских работ, подготовленных на кафедре истории южных и западных славян МГУ им. М.В. Ломоносова, по чешской/чехословацкой истории в период с начала 1990-х годов, подчеркнув высокий уровень подготовки выпускников Московского университета. *В. Доубек* в обобщенном виде нарисовал картину подготовки историков-русистов в Карловом университете в Праге и в Масариковом университете в Брно. При этом назывались наиболее популярные темы студенческих работ. И надо отметить, что новые исследовательские ракурсы и тематическое разнообразие студенческих и аспирантских работ как в России, так и в Чешской республике приятно удивляет.

В дискуссиях по докладам с дополнениями, разъяснениями и вопросами приняли участие заместитель директора Историко-документального департамента МИД РФ *Н.М. Барина*, *Г.П. Мурашко*, *В.В. Марьина*, *Е.П. Серапионова*, *Э.Г. Задорожнюк* и *Г.П. Мельников*.

Члены российско-чешской комиссии выразили желание опубликовать материалы «круглого стола». Было высказано предложение обсудить с российско-словацкой комиссией вопрос о возможности проведения совместных трехсторонних заседаний. Тему следующего заседания комиссии решено согласовать в рабочем порядке после уточнений уже внесенных предложений. Помимо названных ученых в заседании участвовали *Н.И. Егорова* и *Е.В. Лобанова*.

При подготовке и проведении комиссии пришлось столкнуться с некоторыми трудностями, связанными с частичным изменением состава российской части комиссии. Академик *Г.Н. Севастьянов*, долгие годы возглавлявший российскую часть комиссии, попросил освободить его от должности председателя в связи с состоянием здоровья. Все члены комиссии выражают благодарность Григорию Николаевичу за проделанную огромную работу по развитию и укреплению российско-чешских научных связей и желают ему хорошего самочувствия. На заседании был представлен новый председатель российской части комиссии. Им стал чл.-корр. РАН, ректор РГГУ *Е.И. Пивовар*, который сразу включился в работу комиссии и взял на себя ведение заседания. Состав российской части комиссии в настоящее время частично пересматривается и дополняется. Большую работу по подготовке заседания провели члены комиссии *Э.Г. Задорожнюк* и *Е.П. Серапионова*. В качестве культурной программы чешские гости получили приглашение на спектакль «Bravissimo» в театр «Новая опера». Хочется надеяться, что плодотворные взаимные контакты с чешскими историками будут развиваться и далее.

О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ ЛИНГВИСТЕ
АНДРЕЕ АНАТОЛЬЕВИЧЕ ЗАЛИЗНЯКЕ (К юбилею ученого)

Когда я думаю о соединении в Андрее Анатольевиче Зализняке разнородных дарований, вместе создающих непередаваемый ореол подлинного лингвиста, мне приходит на ум и то, как трудно подобрать точное обозначение его соотношения с наукой, им в начале пути выбранной и позднее им обогащенной. Он – прирожденный лингвист, так как наделен многими качествами, для занятий этой областью знания необходимыми; он и воплощенный лингвист, потому что в нем сполна реализовались свойства профессионального языковеда, которым каждый лингвист может и должен позавидовать и захотеть подражать.

Я принимал у Андрея экзамен по введению в языкознание в конце первого семестра первого курса филологического факультета МГУ и могу удостоверить, что своими познаниями он выделялся и среди других незаурядных соучеников. С молодых лет Андрей Зализняк поражал всех легкостью, с которой быстро выучивал разные языки с их сложнейшими произносительными и грамматическими тонкостями. Эти удивительно быстро включавшиеся способности полиглота и основанные на них рано усвоенные широкие знания (вопреки распространенному мнению редкие у лингвистов) вскоре сказались в первых наиболее удачных опытах совсем юного ученого. Своими оригинальными лингвистическими задачами Зализняк создал жанр, новый в нашем языковедении (едва до него намеченный еще на заре прошлого века такими бессмертными одиночками, как Бодуэн де Куртэнэ) и лишь совсем недавно после первых опытов (Глисона и лингвистов из Летнего американского лингвистического института) начавший триумфальное шествие по американским лингвистическим олимпиадам, уподобившимся нашим. Лингвистические задачи вроде тех, которыми ознаменовал начало своего пути в науке Зализняк, одинаково нужны и для преподавания лингвистики, и ее пропаганды среди молодежи, и для открытия самых неожиданных перспектив исследования языка (я помню, с каким напряженным интересом на одном из семинаров на мехмате мы все следили за опытами друга Зализняка В.А. Успенского, пытавшегося на основе одной из зализняковских задач создать заново целую алгебраическую теорию соотношения языков разных типов). Умение составлять грамматически правильные тексты на разных языках помогло Андрею Зализняку и в тех его работах, где (иногда вместе с его постоянной подругой в жизни и науке Е.В. Падучевой) он намечал новые подходы к синтаксической типологии (например, в области относительных конструкций).

Зализняк рано прошел основательные курсы современного структурного языкознания, которым он еще студентом-старшекурсником занимался целый год в Париже у Мартина (чью книгу он потом переводил), и классической сравнительно-исторической индоевропейской грамматики. Его конспект лекций по этой последней теме восхищал одновременно каллиграфической четкостью почерка и ясностью его понимания сути предмета, лектором (пишущим эти строки) излагавшегося еще в духе вольных импровизаций. Свое глубокое понимание проблем индоевропейской морфологии и морфонологии Андрей показал и в новаторской дипломной работе об индоевропейском глаголе, и в последующем блестящем сжатом введении к русскому переводу знаменитого «Мемуара» Соссюра. О том раннем периоде его занятий, повернутых, пусть и на материале, изученном в связи со сравнительными штудиями, прежде всего к синхронному анализу, напоминает и предельно краткий очерк структуры санскрита.

В шестидесятые годы Зализняк – один из первых у нас участников начавшейся трансформации науки о языке благодаря внедрению новых семиотических идей. Их он объясняет на примере сигнализации на перекрестке. Я отношу этот короткий этюд к лучшему из того, что было в разных странах написано на темы общей семиотики. Открытие синонимии милиционера и светофора, обнаруживающейся в определенном контексте, мне и теперь кажется выдающимся достижением молодого автора, в котором начинающий автомобилист удачно сочетался с одним из пионеров нашей семиотики. Продолжение изысканий этого рода намечалось в начатых работах по семиотике права и некоторым другим областям изучения знаковых систем.

Как пояснил Зализняк в одной из своих коротких заметок по общему языкознанию (совместных с Падучевой), для лингвиста первостепенное значение приобретает структура его родного языка (замечание особенно интересно из-за свойств автора: многим могло бы показаться, что для полиглота его типа различие между родным и другими языками при их исследовании не так важно).

Андрей Зализняк увлекся проблематикой строго формального описания русского словоизменения. Начало подобного подхода к русской грамматике было положено еще в позапрошлом веке, но ко времени начала занятий Зализняка этим предметом интерес к подобным исследованиям обострился благодаря размышлениям великого математика Колмогорова и его учеников (того же Успенского) о системе русских падежей. В своих разысканиях такого рода Зализняк показал себя мастером метода, который акад. Щерба назвал языковедческим экспериментом. Для выполнения задач, поставленных перед собой Зализняком в книге о русском именном словоизменении и в последовавшем за ней полном грамматическом словаре русского языка, потребовалось умение извлекать из себя и других достаточно надежных информантов хранящиеся в них сведения о русской грамматике в ее взаимосвязи с русским словарным запасом. Полагаю, что большая часть усвоенных в раннем детстве знаний о родном языке у взрослого человека находится в подсознании. Зализняку удалось отшлифовать достаточно хорошо работающую технику вылавливания этих сведений из самого себя и дальнейшей их проверки на других людях. Все, что к энтузиазму относится к психоанализу, восхищаются применявшимся Фрейдом и Лаканом способом выживания бессознательных комплексов из глубин психики. Не меньшего внимания заслуживают лингвистические эксперименты, столь успешно осуществленные Зализняком. Продолжая рассуждение об эксперименте, я бы сказал, что в историческом языкознании эксперимент совершает не исследователь, а сам язык: лингвисту остается понять, что значит наблюдаемое им изменение. Еще в начале пути, поступив на работу в Институт славяноведения, Зализняк по предложению С.Б. Бернштейна занялся славяно-иранскими языковыми отношениями. Он задумался над проблемой исследования на этом материале контакта близкородственных языков.

На раннем этапе Зализняк с удалством молодости экспериментировал с самыми разными языками, их сопоставляя. Зрелый период наступил, когда эксперимент сосредоточился на родном языке лингвиста – русском. Этот язык и дальше оставался в поле его внимания, но изменился ракурс. От строго синхронного описания в духе древнеиндийских грамматиков и французской описательной грамматики XVII в., вдохновлявшей Соссюра, Зализняк перешел к диахроническому исследованию – исторической фонологии и морфологии русского языка. В это время, после пионерских работ В.М. Иллича-Свитыча и В.А. Дыбо, открылись новые возможности исследования развития балто-славянских акцентуационных парадигм в восточнославянских языках. Следующий цикл трудов Зализняка был посвящен этой проблематике. Для лингвиста-экспериментатора, приступающего к занятиям диахронией, поле его занятий – древние тексты. Оно оказывается почти безбрежным. Искавшие степеней и отличий предшественники ученого не спешили заглядывать в старинные древнерусские рукописи, предпочитая списывать примеры из уже опубликованных сочинений. Зализняк жадно читал одну рукопись за другой. Одновременно с занятиями древнерусскими текстами он изучал и современные диалекты как исторический источник. Временное измерение языка открывается вместе с пространственными.

Целую эпоху в изучении истории диалектов русского и других славянских языков составили исследования Андрея Зализняка, посвященные древненовгородскому диалекту. Хотя к тому времени, когда Зализняк к ним приступил, было открыто достаточно много новгородских берестяных грамот, и маститые ученые приложили руку к их не всегда достоверному и убедительному истолкованию, основная работа еще была впереди. Зализняк был вооружен одновременно и знанием классической сравнительно-исторической грамматики славянских языков, и пониманием условности и необязательности сделанных раньше выводов, сколь бы высокими авторитетами они ни подкреплялись. Вскоре ему удалось обнаружить несколько вполне неожиданных черт начавшего впервые раскрывать свои загадки диалекта. Оказалось, что в нем сочетания переднеязычных (зубных) смычных с плавными **tl*, **dl* ведут себя не как в других восточнославянских диалектах, а скорее как в севернолехитских (кашубском словинском) и географически к ним близких балтийских языках. Другое фонетическое открытие, переворачивавшее представление о месте древненовгородского среди диалектов праславянского, касалось одной из поздних палатализаций – оказалось, что ее этот диалект вообще не испытал, что ставит его в особое положение среди всех родственных языков и проясняет многое в дописменном периоде их истории. Сделанные Зализняком фонетические открытия позволили дать толкование словам, оставшимся без правильного перевода, и объяснения соответствующим берестяным грамотам, их содержащим.

Дальнейшие исследования Зализняка касались как различных особенностей древненовгородской морфологии (в частности своеобразных именных падежных окончаний), так и синтаксиса и лексики. В переизданный с дополнениями большой том, посвященный всестороннему описанию древненовгородского диалекта, наряду с главами, посвященными каждому из уровней языковой структуры, вошел словарь и полный корпус текстов с переводами и комментариями. Собственно филологическая и палеографическая часть работы важны для археологов и историков. Значение всего сделанного Зализняком для науки о прошлом России трудно переоценить.

В связи с детальным исследованием синтаксиса берестяных грамот Зализняком было проведено тщательное изучение всех энклитических конструкций, подчиняющихся закону Вакернагеля. К первоначальной версии этого закона, действовавшего во всех древних индоевропейских языках и многое объясняющего в их позднейших конструкциях и формах, Зализняк сделал существенное добавление: он показал, что в древнерусском второе место, на которое ставится энклитическая

группа, может отсчитываться не только от абсолютного начала предложения, но и от барьера, формируемого внутри более сложной и пространной синтаксической конструкции.

Определение относительной хронологии энклитических групп в древнерусских и позднейших текстах разного возраста, которому посвящен специальный труд Зализняка, дает в руки исследователя способ датирования памятника. Применение этого критерия вместе с другими лингвистическими соображениями привело Андрея Зализняка к выводам о вероятной дате сочинения «Слова о полку Игореве», чему посвящена его последняя книга.

Андрей Зализняк продолжает расширять круг древнерусских текстов, которые он подвергает тщательному лингвистическому анализу. Одной из новых групп таких текстов послужили граффити Софии Киевской. Находки 2007 г. дали материал для увлекательной лекции о 3-й Московской берестяной грамоте, содержащей много нового для историков русского языка.

Андрей Анатольевич Зализняк – первоклассный лектор. С самого начала создания на филологическом факультете МГУ Отделения структурной и прикладной лингвистики (ОСиПЛ) Зализняк деятельно участвовал в подготовке ученых следующих поколений. К числу его непосредственных учеников принадлежали такие ученые мирового класса, как покойный чл.-корр. РАН С.А. Старостин. Я знаю, насколько для каждого из начинающих ученых было значимо суждение Зализняка.

Андрей Анатольевич понимает, как для науки важно не только уяснение молодежи значимости ее прошлых и недавних достижений. Существенно и безжалостное отсеивание псевдонауки. Этому посвящены ряд статей и недавно вышедшая книга Зализняка.

Лингвистика, в особенности сравнительно-историческая, бесспорно принадлежит к тем областям науки, где наши ученые постоянно на первом месте в мире. Этому первенству, едва ли не куда более значимому, чем любые спортивные, мы в большой степени обязаны А.А. Зализняку. Соцветие наших первоклассных лингвистов разного возраста, в том числе и многих, у него учившихся, поражает разнообразием и смелостью. Замечательному лингвисту Андрею Анатольевичу Зализняку обязаны мы все – а больше всего ему и его словарю обязан Русский Язык. Пожелаем столь же блистательного продолжения его открытиям, лекциям и книгам на радость нам всем!

© 2010 г. Вяч. Вс. Иванов

К ЮБИЛЕЮ ИРИНЫ СТЕПАНОВНЫ ДОСТЯН

21 апреля 2010 г. – знаменательный день в жизни Ирины Степановны Достян, доктора исторических наук, специалиста в области Новой истории балканских народов, международных отношений на Балканах в XVII–XIX вв., русско-балканских (в первую очередь русско-сербских) общественно-политических связей, а также российской общественной мысли XIX в.

Ирина Степановна Достян относится к тем труженикам отечественной исторической науки, без которых немислимо ее развитие в послевоенный период. И не только по количеству созданных трудов – их более ста, в том числе три монографии, разделы в коллективных обобщающих трудах, статьи, очерки, рецензии. И.С. Достян всю свою творческую жизнь разрабатывала важнейшие проблемы исторического славяноведения и балканистики – начиная с периода Средневековья и заканчивая Восточным кризисом 70-х годов XIX в.

Выпускница кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в победном 1945 г., ученица выдающегося слависта В.И. Пичеты (1878–1947), И.С. Достян была зачислена в штат Института славяноведения АН СССР сразу после окончания аспирантуры, 30 декабря 1948 г., и до 31 декабря 2009 г. постоянно находилась в научном строю.

В мае 1950 г. Ирина Степановна защитила свою первую квалификационную работу – кандидатскую диссертацию, посвященную социально-экономическим отношениям в сербской деревне накануне восстания 1804 г.

Вскоре, в начале 1950-х годов, она приступила к работе над темой, связанной с борьбой южно-славянских народов против турецкой экспансии. А через семь лет вышла в свет монография «Борьба сербского народа против турецкого ига. XV – начало XIX в.» – одна из первых книг советских историков по югославянской тематике. Она сразу же была включена в список обязательной литературы для студентов-югославистов кафедры истории южных и западных славян истфака МГУ и неизменно присутствует в нем до сих пор.

В эти же годы Ирина Степановна принимала участие в написании первого тома «Истории Болгарии» (М., 1954), а затем – первого тома «Истории Югославии» (М., 1963), где была не только автором, но и одним из четырех редакторов.

«История Югославии» – очень важный этап в научном творчестве Ирины Степановны. Многие ее главы представляют собой как бы развернутый конспект ее будущих работ, словно уже тогда она намечала те главные направления, по которым впоследствии будет «шагать» в югославиистику и балканистику.

В 1960-е годы главным направлением научных исследований Ирины Степановны становится тема русско-балканских связей и балканской политики России в первой трети XIX в. Написание серии статей по данной тематике предшествовала интенсивная и кропотливая работа в архивах. В этот период Ирина Степановна выявила сотни уникальных документов – так создавалась обширная источниковая база для ее будущих трудов. Многочисленные, еще никому не известные эпизоды из истории русско-сербских, русско-черногорских, русско-греческих и русско-молдавовалахских связей складывались в общую яркую и впечатляющую картину, которая дополнялась теоретическими обобщениями и аргументированными выводами. И как итог – подготовка второй индивидуальной монографии «Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.» (М., 1972), которая была защищена в качестве докторской диссертации в марте 1973 г. Эта книга стала значительным явлением в отечественной балканистике – она наглядно отразила переход отечественных исследователей к комплексному изучению балканской проблематики XIX века.

1970-е годы были весьма плодотворными в научном творчестве Ирины Степановны. Одна за другой выходили из печати содержательные статьи, а их автор регулярно выступала с результатами изысканий на симпозиумах и конференциях, в том числе за рубежом. В эти годы имя И.С. Достян уже хорошо известно в научных кругах балканских стран, прежде всего в Югославии и Болгарии. А она тем временем интенсивно работала над новой, третьей по счету, монографией. Вышедшая в 1980 г. под названием «Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов», эта книга явилась логическим продолжением, как бы второй частью ее предыдущей монографии. Однако если в книге «Россия и балканский вопрос» в центре внимания Ирины Степановны находилась деятельность российской дипломатии, то теперь главным объектом научного

анализа стали вопросы российско-балканских общественных связей первой трети XIX в., а также идеологического влияния балканских событий на взгляды А.Н. Радищева и декабристов.

В 80–90-е годы XX в. Ирина Степановна принимала участие в создании ряда обобщающих работ: «Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг.» (М., 1983), «Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.)» (М., 1986), «Александр I, Наполеон и Балканы» (М., 1997), «“На путях к Югославии”: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в.» (М., 1997), «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.» (Ч. I. М., 1998; Ч. 2. М., 2001). При этом в исследование своих «любимых» тем Ирине Степановне удалось внести немало нового.

Особая тема в научном творчестве Ирины Степановны в 1990-е годы – роль православной религии и Сербской церкви в процессе складывания сербской нации. Эта тема подробно ею раскрыта в обобщающем труде «Роль религии в формировании южнославянских наций» (М., 1999), где дан аналитический очерк истории Сербской православной церкви, начиная с эпохи раннего Средневековья, подчеркивается ее значение в период турецкого господства, решающая роль в этносоциальном объединении сербского народа.

Наряду с написанием научных работ Ирина Степановна активно участвовала в академических проектах, связанных с публикацией архивных документов: «Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел. II серия. 1815–1830» (М., 1974–1985. Т. 1–6), «Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия» (М., 1980–1983. Кн. I–II) и др.

На протяжении более четырех десятилетий И.С. Достян входит в круг авторов журнала «Славяноведение». Одна из ее статей – «Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки Маркса и Энгельса» (1991. № 2) – стала знаковой для развития отечественной балканистики, сыграв свою роль в высвобождении научной методологии из-под груза догм, довлевших над историками в течение длительного периода.

Шесть десятилетий отдала служению науке Ирина Степановна Достян. В разные годы она являлась членом Ученого и Диссертационного советов, возглавляла профком Института, была членом партбюро и никогда не уклонялась от участия в институтской общественной жизни.

Вклад Ирины Степановны Достян в отечественную историческую науку признан в нашей стране и за рубежом. О ее трудах очень высоко отзывались: югославские историки – академики В. Чубрилович, Сл. Гаврилович и М. Екмечич; болгарский коллега, академик Н. Тодоров, американские балканисты Б. и Ч. Елавичи и многие другие. Ее эрудиция, широкий кругозор, в высшей степени добросовестное отношение к избранной еще в юности специальности, истинная интеллигентность, принципиальность, житейская мудрость и необычайная душевность всегда притягивали к Ирине Степановне людей, представителей разных поколений.

Мы любим и уважаем Ирину Степановну, восхищаемся ее научными и человеческими качествами, оптимизмом, преданностью науке и желаем ей в год весьма солидного юбилея оставаться по-прежнему в строю и, конечно, здоровья, благополучия и успехов.

© 2010 г. *Коллеги и друзья*

ПАМЯТИ ЮЛИУША БАРДАХА (1914–2010)

С глубоким прискорбием встретили в России печальное известие о кончине действительного члена Польской академии наук профессора Юлиуша Бардаха – выдающегося польского историка, профессора Института права и почетного доктора Лодзинского, Варшавского и Вильнюсского университетов.

Фундаментальные труды Ю. Бардаха по истории польского права и права Великого княжества Литовского эпохи Средневековья и раннего Нового времени широко известны в России и снискали их автору высочайший авторитет у себя на Родине и среди зарубежных коллег-историков как выдающегося специалиста по польской истории и как историка Руси, Белоруссии и Украины. С ранних лет и до последних дней жизни Ю. Бардаха связывали с Россией не только научные изыскания, но и разностороннее научное сотрудничество. Многие годы он возглавлял Комиссию историков России и Польши, будучи ее сопредседателем с польской стороны. На этом посту, как и во всех других его начинаниях, в полной мере проявились не только его талант исследователя, но и выдающиеся способности организатора науки.

Ю. Бардах родился в Одессе 3 ноября 1914 г. в семье врача. В 1939 г. он окончил юридический факультет Виленского университета и решил посвятить себя научной работе, занимаясь в семинаре по истории государства и права Литвы, а также в семинаре по советологии. Интерес молодого человека к проблемам актуальной политики был не случаен. Еще в годы студенчества Ю. Бардах включился в политическую деятельность в Союзе независимых студентов-социалистов и вступил в Социалистическую партию Польши (ППС).

В годы Второй мировой войны Ю. Бардах участвовал в антифашистском сопротивлении. В ряды борцов с нацизмом его привели не только драматическая участь его Родины (а родными для него были не только Польша, но и в значительной мере Россия, Литва, Белоруссия и Украина) и личная трагедия (от рук гитлеровцев погибли родители и сестра ученого). Однако отнюдь не в последнюю очередь его политический выбор определила позиция убежденного антифашиста, демократа и социалиста. Этим взглядам ученый оставался верен до последних дней жизни. С 1943 г. Ю. Бардах воевал на советско-германском фронте в рядах I корпуса Войска польского. После победы над фашизмом и восстановления независимой Польши он, находясь на дипломатической работе, содействовал установлению добрососедских отношений между нашими странами и в то же время продолжал научные занятия, будучи докторантом Ягеллонского университета в Кракове.

В 1950 г. Ю. Бардах оставил военную службу, чтобы целиком посвятить себя науке, и начал преподавательскую работу в Варшавском университете, с которым был неразрывно связан на протяжении всех последующих лет. С 1951 г. – он преподаватель Варшавского университета, звания профессора удостоен в 1960 г. С 1983 г. Ю. Бардах член-корреспондент, а с 1989 г. – действительный член Польской академии наук, а также почетный член ряда зарубежных академий. Интересы Бардаха-ученого были необычайно широки. Его труды посвящены разнообразным проблемам средневековой истории Литвы, истории парламентаризма и федерализма. В наследии ученого работы по методологии истории, по теории и истории государства и права, по политологии. Ю. Бардах уделил немало сил исследованиям по истории исторической науки и историографии.

К числу наиболее значительных трудов Ю. Бардаха принадлежит неоднократно переиздававшаяся пятитомная «История польского государства и права» (Варшава, 1957–1982). Он был ее главным редактором и автором первого тома (до середины XV в.). Перу ученого принадлежит также ряд других фундаментальных работ по истории польского права, одна из которых в 1980 г. была издана в Москве на русском языке. Общее число научных публикаций Ю. Бардаха составляет 574 названия. Важным направлением в многогранной деятельности ученого был его многолетний труд педагога, наставника и воспитателя студенчества. С 1950 г. Ю. Бардах читал общие и специальные курсы на

факультете права и администрации Варшавского университета, руководил магистерским и докторским семинарами. За более чем полувековую педагогическую деятельность он подготовил не одно поколение польских историков и юристов. Под его руководством 17-ти ученых была присуждена степень доктора наук, из которых в дальнейшем десятеро были удостоены звания профессора.

Ю. Бардах всегда уделял большое внимание развитию сотрудничества польских историков с коллегами в нашей стране, следил за работами российских историков, ученых Литвы, Белоруссии и Украины, о чем свидетельствуют опубликованные им рецензии. В последние годы значительный вклад Ю. Бардах внес в реализацию многолетнего совместного проекта российской и польской академий наук по изданию фундаментальной серии «Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX веке. Исследования и материалы». Под его руководством в 2009 г. в Варшаве было начато издание очередных томов под названием «Движение Шимона Конарского», и увидел свет том, посвященный польскому национально-освободительному движению 1830-х годов в Российской империи. В томе опубликованы уникальные архивные документальные материалы, впервые введенные в научный оборот, а также объединенные общей проблематикой монографические статьи и очерки, подготовленные как польскими, так и российскими историками.

Ю. Бардах прошел долгий и сложный жизненный путь, однако и в преклонные годы он не оставлял научной работы, неизменно составлявшей содержание и смысл его бытия. Покидая этот мир, он не успел осуществить все свои начинания, завещав их своим ученикам, новым поколениям историков. Говоря о Ю. Бардахе, нельзя не упомянуть о его личных качествах, которые отмечали все, кому довелось непосредственно общаться с ученым. Его отличали органически присущие ему доброта, отзывчивость, житейская мудрость, деликатность, мягкий доброжелательный юмор. Светлая память о Юлиуше Бардахе – выдающемся ученом и замечательном человеке неизменно сохранится в сердцах его российских коллег и друзей, а его труды останутся не только незаурядным достижением польской науки, но и бесценным достоянием ученых всего мира.

© 2010 г. *Н.А. Макаров, Б.В. Носов*

Славяноведение, № 4

ПАМЯТИ БАЗЫЛИЯ БЯЛОКОЗОВИЧА (1932–2010)

21 февраля 2010 г. ушел из жизни Базылий Бялокозович, один из виднейших современных польских исследователей русской и белорусской литератур, их связей с польской культурой, доктор honoris causa университетов в Санкт-Петербурге (1981) и Нижнем Новгороде (1995), награжденный советским орденом «Знак Почета» (1984), золотой медалью А.С. Пушкина.

Базылий Бялокозович родился 2 января 1932 г. в деревне Видово Бялостокского воеводства. В 1956 г. окончил филологический и исторический факультеты Ленинградского университета (специальность: русская филология и история). Б. Бялокозович работал в Варшавском университете, в Институте славяноведения Польской академии наук (1973–1991), в Варминско-Мазурском университете (Ольштын). В 1978 г. получил звание профессора, в 1976–1986 гг. был вице-президентом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, в 1980-е годы – заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук Польской академии наук.

Б. Бялокозович дебютировал в науке статьей «Лев Толстой в Польше», опубликованной в 1956 г. в «Ученых записках» Горьковского университета. С той поры он опубликовал более шестисот исследований – книг, брошюр, статей, очерков, рецензий, обзоров, посвященных вопросам развития русской, белорусской, украинской и литовской литератур, их связям с польской культурой, а также проблемам теории сравнительного изучения литератур и методологии литературных исследований. Упомянем лишь некоторые из его научных трудов, которые вошли в золотой фонд польской славистики и получили международное признание: монографии «Связи Льва Толстого с Польшей» (1966), «Из истории взаимных польско-русских литературных связей в XIX веке» (1971), «Мариан Здзеховский и Лев Толстой» (1995), «Николай Янчук (1859–1921). Подляский перекресток славянских традиций» (1996), «Между Востоком и Западом. Из истории формирования белорусского на-

ционального сознания» (1998), «Из польской страницы Льва Толстого. Новое и забытое о Толстом его восприятии в Польше» (2003); такие проблемные исследования, как «Славянские литературы глазами И. Бодуэна де Куртенэ» (1985), «Современное сравнительное литературоведение и изучение польско-русских и польско-советских литературных связей» (1986), «Польско-восточнославянское культурное пограничье как исследовательская проблема» (1994), «Юзеф Чапский и литературный триумvirат: Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов» (1995). Б. Бялокозович является также автором антологий «Звук разбиваемых оков. Польша в русской поэзии 1795–1917 гг.» (1977), «Как мне рассказать о тебе. Польша в советской поэзии» (1977), «Советская полонистика. Литературоведение» (1985).

На русском языке Б. Бялокозовичем издана книга «Родственность, преемственность, современность. О польско-русских и польско-советских литературных связях» (1988) и опубликовано множество статей в научных изданиях Института славяноведения РАН, Института мировой литературы РАН, университетов в Москве и Нижнем Новгороде, в «Литературном наследстве», журналах «Вопросы литературы», «Славяноведение» и др. Труды Бялокозовича публиковались и в Чехии, Словакии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Румынии, а также в Австрии, ФРГ, США и Финляндии.

Исследования Б. Бялокозовича отличаются масштабностью, прочная теоретико-методологическая база, стремление не ограничиваться регистрацией выявленных фактов культурного взаимодействия, а показать их генезис в широком историческом и социально-политическом контексте. Особенно много сделал Б. Бялокозович для изучения творчества Л. Толстого и его связей со славянскими культурами. Одна из последних работ по этой проблеме – коллективный труд под его редакцией «Лев Толстой и славянские культуры» (2005).

Б. Бялокозович – основатель и главный редактор серии «Studia polono-slavica-orientalia. Acta litteraria» (в 1974–1992 гг. вышло 13 томов серии), в 1975–1991 гг. – главный редактор журнала «Slavia orientalis», основатель серийного издания «Acta polono-ruthenica» (выходит с 1996 г. в Ольштыне), член редсоветов и редколлегии многих других польских научных изданий.

Значительна роль ученого в подготовке польских русистов: под его руководством было защищено более тридцати кандидатских диссертаций.

На протяжении нескольких десятков лет Б. Бялокозович был в Польше послом русской литературы и культуры, неумолимым их исследователем и пропагандистом. Русские слависты скорбят о смерти умного, эрудированного, обаятельного человека, который сделал неоценимо много для воспитания польских русистов, для изучения и популяризации в Польше русской культуры. Созданные им труды будут востребованы еще не одним поколением славистов в Польше и за ее рубежами.

© 2010 г. В.А. Хорев

Славяноведение, № 4

ПАМЯТИ ЭМИЛЯ НИДЕРХАУЗЕРА (1923–2010)

В конце марта 2010 г. на 87-м году жизни скончался выдающийся венгерский историк-славист Эмиль Нидерхаузер, действительный член Венгерской академии наук, профессор Будапештского университета.

Эмиль Нидерхаузер родился в Братиславе в ноябре 1923 г. Основы жизненного опыта его поколения заложила Вторая мировая война. В юности будущий историк стал свидетелем мюнхенского соглашения западных демократий с Гитлером и образования формально независимой Словакии, фактически германского протектората. Как признал в одной из работ выдающийся венгерский леволиберальный мыслитель XX в. Иштван Бибо, элита Первой Чехословацкой республики, исполненная политического оптимизма, после Мюнхена с горечью ощутила, и с полным на то основанием, что «Европа бросила чехов на произвол судьбы, а национальные меньшинства нанесли им удар в спину». В результате политический облик чехословацкого государства, возрожденного в 1945 г. после постигнутого его краха, омрачала все та же память о национальных катастрофах, которая была свойственна в Новое время польской и венгерской нациям, тогда как в политическом сознании чешской нации успела изгладиться за 300 лет, прошедших после поражения от Габсбур-

гов под Белой Горой. Чешская элита во главе с президентом Э. Бенешем теперь уже не питала, как в 1920–1930-е годы, надежд на то, что демократия поможет ей сплотить многоязычное общество в единую государственную нацию. В 1945 г. была выдвинута программа выселения неславянских национальных меньшинств, поддержанная великими державами-победительницами там, где дело касалось 3 млн немцев, и лишь отчасти поддержанная применительно к семисоттысячному венгерскому меньшинству. В числе сотен тысяч других уроженцев Чехословакии Э. Нидерхаузер был вынужден покинуть родную страну и переселиться в Венгрию. Но озлобленность и тяга к реваншизму не были свойственны его натуре ни в малейшей степени. Этнический немец и уроженец Словакии, человек, выросший в поликультурной среде межвоенной Братиславы, Э. Нидерхаузер органически не принимал национальной ограниченности и шовинизма любой окраски, его многогранная деятельность исследователя и педагога не только явилась важным связующим звеном российско-венгерских и венгерско-славянских культурных и научных связей в новейшее время, но и стала примером толерантности, умения вести уважительный диалог с историками других национальных школ в процессе выявления глубоких корней болезненных межэтнических споров в Центральной Европе. Ученый огромной эрудиции, обладавший широким кругозором и диапазоном научных интересов, Эмиль Нидерхаузер снискал уважение историков разных стран.

На протяжении многих десятилетий жизненный путь и творческая деятельность Э. Нидерхаузера были связаны с Институтом истории Венгерской академии наук. Среди ранних его работ были сравнительно-исторические исследования по аграрной истории, в частности об освобождении крестьян от крепостной зависимости в странах Восточной Европы. Позже Э. Нидерхаузер сосредоточился на проблемах формирования наций, сопоставительном изучении идеологии и политической практики национальных движений XIX в. как в Средней Европе (в первую очередь в монархии Габсбургов), так и на Балканах. Его работы в этой области, опубликованные не только на венгерском, но и на других языках, получили международное признание.

Эмиль Нидерхаузер – один из основоположников венгерской балканистики, его перу принадлежит ряд обобщающих работ по истории славянских и неславянских стран Балканского полуострова в XIX – начале XX в., о международных отношениях на Балканах. Определенный вклад ученый внес и в изучение германской истории – его особенно интересовали проблемы германо-венгерских, славяно-германских отношений, политика Германии и Австро-Венгрии в Юго-Восточной Европе.

Академику Нидерхаузеру принадлежит выдающаяся роль в становлении венгерской исторической русистики. В 2000 г. вышла написанная им совместно с учениками, ведущими историками-русистами Венгрии М. Фонт, Д. Сваком и Т. Краусом первая в венгерской историографии фундаментальная «История России», охватывающая период от Киевской Руси до распада СССР в 1991 г. Э. Нидерхаузер был среди инициаторов создания на базе Будапештского университета Венгерского института русистики, который силами его учеников ведет большую научно-исследовательскую и публикаторскую работу, регулярно проводит представительные международные конференции с привлечением известных историков из Москвы и Санкт-Петербурга.

Э. Нидерхаузер активно участвовал в деятельности совместной российско-венгерской (советско-венгерской) комиссии историков со времени ее основания в начале 1970-х годов, в постоянных консультациях с ним проходила работа над этапными по своему значению трудами Института славяноведения и балканистики – трехтомной «Историей Венгрии» (1971–1972), «Краткой историей Венгрии: С древнейших времен до наших дней» (1991), многотомной серией исследований 1970–1980-х годов «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры».

Светлая память об академике Эмиле Нидерхаузере – обаятельном человеке и блестящем ученом, навсегда сохранится в сердцах людей, его знавших.

© 2010 г. А.С. Стыкалин

ПУБЛИКАЦИИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
2005–2009

ИСТОРИЯ. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- 1956 год: Российско-болгарские дискуссии. М., 2008. 496 с.
50 лет Археографической комиссии. М., 2006. 56 с.
Аксёнова Е.П. А.Н. Пыпин о славянстве. М., 2006. 504 с.
Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений (Вологда, 23–26 сентября 2008 г.). М., 2008. 184 с.
Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы: В 3-х т. Т. 1 (1878–1997 гг.). М., 2006. 312 с.
Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. В 3-х т. Т. 2 (1998–1999 гг.). М., 2007. 384 с.
Альфред Людвикович Бем – Всеволод Измайлович Срезневский. Переписка. 1911–1936 / Сост., коммент. А.Н. Горяинова, М. Бубениковой. Брно, 2005. 183 с.
А.Н. Пыпин и проблемы славяноведения. М.; Ставрополь, 2005. 169 с.
Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. 561 с.
Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. 602 с.
Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии. Механизмы формирования и специфика развития. XVIII–XIX вв. СПб., 2007. 544 с. (Серия «Bibliotheca Serbica»).*Белова О.В., Петрухин В.Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М., 2008. 576 с.
Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2004. М., 2005. 423 с.
Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., 2008. 424 с.
Белорусско-российский диалог. (Культура и литература Беларуси XX–XXI вв.). М., 2006. 243 с.
Бибо И. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года. Вып. 6 / Комм. и библиограф. А.С. Стыкалина. М., 2005. 256 с. (Серия «Bibliotheca hungarica»).*Богословский М.М.* Петр Великий: Материалы для биографии: в 6-ти т. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы. 1672–1697 / Подготовка текста А.В. Мельникова. М., 2005. 535 с.
Болгария и Россия. Между признательностью и прагматизмом. Доклады. София, 2008. 789 с.
Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. 256 с.
В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М., 2009. 248 с.
В.О. Ключевский и проблемы провинциальной культуры и историографии. Материалы Всероссийской научной конференции (Пенза, 2001): В 2-х кн. М., 2005. Кн. 1. 467 с. Кн. 2. 279 с.
Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005. 301 с.
Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. 442 с.
Власть и общество в Центральной и Восточной Европе XVIII–XX вв.: в эпоху трансформации от сословного – к гражданскому обществу, от «старого порядка» – к правовому государству (Методологические и историографические проблемы). Тезисы. М., 2006. 50 с.

- Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: В 2-х т. М., 2009. Т. 1. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1948. 887 с. Т. 2. 1949–1953. 1223 с.
- Волобуев В.В.* Политическая оппозиция в Польше 1956–1976. М., 2009. 240 с.
- Волокитина Т., Мурашко Г., Носкова А.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008. 807 с. (Серия «История сталинизма»).
- Восточная Европа после «Версаля». СПб., 2007. 244 с. (Серия «Славянская библиотека»).
- Восточноевропейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам: В 2-х выпусках. М., 2005. Вып. 1. 192 с. Вып. 2. 192 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2-х т. М., 2008. Т. I. 776 с.; илл. Т. II. 656 с.; илл.
- Горяинов А.Н.* В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой трети XX века. М., 2006. 319 с.
- Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе в XI–XVIII веках. М., 2005. 208 с.
- Громова Е.Б.* Икона «Похвала Богоматери с Акафистом» из Успенского собора Московского Кремля. История создания русской иконографии Акафиста. М., 2005. 304 с.; илл.
- Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб., 2005. 406 с.; илл. (Серия «Bibliotheca Serbica»).
- Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век. М., 2006. 296 с.
- До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. 432 с.
- Доклады российской делегации. X конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Париж, 24–26 сентября 2009 г.). СПб., 2009. 368 с.
- Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009. 464 с.
- Досталь М.Ю.* Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. Избранные очерки. М., 2005. 96 с.
- Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. 610 с.
- Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. Сб. статей. М., 2009. 384 с.
- Иванов С.А.* Holy Fools in Byzantium and Beyond. Oxford, 2006. 479 с.
- Иванов С.А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. 448 с.
- Институт славяноведения в 2004 году. Планы 2005 года. Справочник. М., 2005. 120 с.
- Институт славяноведения в 2005 году. Планы 2006 года. Справочник. М., 2006. 109 с.
- Институт славяноведения в 2006 году. Планы 2007 года. Справочник. М., 2007. 99 с.
- Институт славяноведения в 2007 году. Планы 2008 года. Справочник. М., 2008. 99 с.
- Институт славяноведения в 2008 году. Планы 2009 года. Справочник. М., 2009. 112 с.
- Исследования по славянской диалектологии. Вып. 14. Фонетический аспект изучения славянских диалектов. М., 2009. 344 с.
- История – миф – фольклор в еврейской и славянской культурной традиции. М., 2009. 439 с. («Академическая серия»). Вып. 24).
- История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. 397 с. (Серия «XX век в документах и исследованиях»).
- История культур славянских народов. В 3-х т. Т. 2. От барокко к модерну. М., 2005. 587 с.
- История культур славянских народов. В 3-х т. Т. 3. Культура XX века: от модернизма до постмодернизма. Народная культура славянского региона. М., 2008. 505 с.
- К истории славяноведения (Из личного архива проф. И.И. Костюшко). Сб. документов и материалов. М., 2009. 231 с.
- Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007. 280 с.
- Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 2. Первая половина XIX века. М., 2007. 719 с.

Каталог славяно-русских рукописей XVI века, хранящихся в РГАДА. Вып. 1. Апостол – Кормчая. М., 2005. 590 с.

Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры. М., 2008. 800 с.

Косик В.И. «Что мне до вас, мостовые Белграда?» Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. Ч. I. М., 2007. 287 с.

Косик В.И. «Что мне до вас, мостовые Белграда?». Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы. Эссе. М., 2007. 206 с.

Косик В.И. Русский Белград. М., 2006. 350 с.

Костюшко И.И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б). 1920–1921 гг. М., 2005. 143 с.

Культура сквозь призму идентичности. М., 2006. 423 с.

Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Друковано в Лавре Киевопечарской. М., 2006. 28 с.

Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Острожская библия Ивана Федорова. М., 2006. 76 с.

Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Украинский, русский, общеславянский святитель Димитрий Ростовский: жизнь и литературные труды. М., 2007. 36 с.

Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Напечатана ... Иваном Федоровым... Москвитинном. М., 2007. 112 с.

Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Библиотека святителя Димитрия. М., 2009. 40 с.

Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Рукописная книжность гоголевского края: Сказания об Ахтырской иконе Богоматери и ее чудесах. М., 2009. 52 с.

Ландшафты культуры. Славянский мир. М., 2007. 351 с.

Лещиловская И.И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006. 287 с. (Серия «Bibliotheca Serbica»).

Липатов А.В. Rosja dzisiejsza między przeszłością a terażniejszością. Toruń, 2007. 215 s.

Лукашова С.С. Миряне и Церковь: религиозные братства киевской митрополии в конце XVI в. М., 2006. 320 с.

Макарова И.Ф. Болгарский народ в XV–XVIII вв.: Этнокультурное исследование. М., 2005. 192 с.

Макартур С. Когда к штыку приравняли перо. Деятельность СМИ по освещению Боснийского кризиса (1992–1995). М., 2007. 164 с.

Марней Л.П. Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М., 2009. 272 с.

Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007. 448 с.

Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. 432 с.

Материалы Двусторонней комиссии историков России и Румынии (X Научная конференция. Москва, октябрь 2005 г.). М., 2007. 256 с.

Материалы Тринадцатой Ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Вып. 20. Тула, 2006. («Академическая серия»).

Международное взаимодействие и процесс формирования наций и национального самосознания в Центральной и Восточной Европе (XVII – XX вв. Методологические и историографические проблемы). Тезисы выступлений участников «круглого стола» (ноябрь 2009 г.). М., 2009. 78 с.

Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов (Москва, 23–24 октября 2004 г.). М., 2005. 512 с.

Мераи Т. 13 дней. Имре Надь и венгерская революция 1956 года. М., 2007. 272 с.

Михеев С.М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. Славяно-германские исследования. Т. 4. М., 2009. 292 с.

Михутина И. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и Правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007. 288 с.

Морозов Б.Н. Рукописные книги XVI–XIX вв. в собрании Музея истории полиграфии, книгоиздания и истории МГУП. Каталог. М., 2006. 225 с.

Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. 288 с.

Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей. Вып. 21. М., 2007. 247 с. («Академическая серия»).

Наши миротворцы на Балканах. М., 2007. 360 с.

О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). М., 2009. 240 с.

Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 2009. 320 с.

Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-годы XX века – начало XXI столетия). М., 2008.

Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. 328 с.

Переходы. Перемены. Превращения. Балканские чтения 10. Тезисы и материалы. М., 2009. 190 с.

Петров А.Е. Отечественная история: Учебное пособие. Ч. 1: История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2006. 192 с.

Петрухин В.Я. Древняя Русь. IX в. – 1263 г. М., 2005. 191 с. (Серия «Университетская библиотека»).

Петрухин В.Я. История мировой культуры. Сокровища ойкумены: Великое переселение. М., 2005. 178 с.; илл.

Петрухин В.Я. Мифы о сотворении мира. М., 2005. 264 с.; илл.

Петрухин В.Я. Крещение Руси: от язычества к христианству. Вып. 52. М., 2006. 218 с. (Серия «Университетская библиотека»).

Пилько Н.С. Словения в годы оккупации. 1941–1945 гг. СПб.; М., 2009. 160 с.

Пир – трапеза – застолье в славянской и еврейской культурной традиции. Вып. 17. Тула, 2005. 256 с. («Академическая серия»).

Польская культура в зеркале веков. М., 2007. 720 с.

Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX веке. Движение Шимона Конарского. Т. 1 (совместно с Институтом истории ПАН). Вроцлав; Варшава; Краков, 2007.

Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX веке. Исследования и материалы («Зеленая серия»). Том «Содружество польского народа» в губерниях Подольской, Волынской и Киевской. Шимон Конарский». Варшава, 2009. 581 с.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3-х т / Гл. редактор – академик РАН А.А. Фурсенко. Сост.: В.Ю. Афиани, Г.П. Мещеряков, А.М. Орехов, М.Ю. Прозуменщиков, А.С. Стыкалин. М., 2006. Т. 2. 1120 с.

Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. Вып. 2. М., 2006. 240 с.

Пушкаш А.И. Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945 гг. М., 2006. 557 с.

Райнер М.Я. Имре Надь – премьер-министр венгерской революции 1956 года: политическая биография. М., 2006. 318 с.

Распопович Р. Россия и Черногория в начале XIX века. Русское консульство в Которе в 1804–1806 гг. СПб., 2009. 207 с. (Серия «Bibliotheca Slavica»).

Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. Сб. статей польских и российских исследователей. М., 2009. 336 с.

Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. 304 с.

Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х годов / Публ. подг. П.С. Стефанович и Б.Н. Морозов. М., 2009. 176 с.

Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. Сб. статей. М., 2008. 269 с.

Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. III. Ставрополь, 2007. 201 с.

Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. 448 с.

Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию журнала «Вардар» (1905). М., 2008. 208 с.

Россия и пашалыки Албании и Эпира (1759–1831). Сб. документов / Сост. и отв. редактор Г.Л. Арш. Афины, 2007. 364 с.

Россия и страны Центральной и Восточной Европы XVII–XX вв.: формы цивилизационного взаимодействия (Методологические и историографические проблемы). Тезисы выступлений участников «круглого стола» (ноябрь 2009 г.). М., 2009. 74 с.

Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М., 2009. 368 с.

Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. 577 с.

Русская культура в польском сознании. М., 2009. 336 с.

Русские и словаки в XIX–XX вв.: Контакты, взаимодействие, стереотипы. Тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, 2–4 октября 2007 г.), приуроченной ко Второму заседанию Комиссии историков России и Словакии. М., 2007. 56 с.

Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., закл. статья А.Л. Шемякина; коммент. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб., 2006. 684 с. (Серия «Bibliotheca Serbica»).

Русско-славянский календарь на 2005 год. М., 2005. 212 с.

Свирида И.И. Метаморфозы в пространстве культуры. М., 2009. 464 с.

Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. Очерки внешнеполитической истории. М., 2006. 400 с.; илл.

Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. (Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями). М., 2006. 512 с.

Сербско-русские литературные и культурные связи. XIV–XX вв. СПб., 2009. 264 с. (Серия «Bibliotheca serbica»).

Славяне и их соседи. Вып. 12. Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2008. 416 с., илл.

Славяне и их соседи. Раннее Средневековье глазами позднего Средневековья и раннего Нового времени. (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Материалы 23-й конференции памяти В.Д. Королюка. М., 2006. 107 с.

Славяне и их соседи. Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Материалы XXIV конференции памяти В.Д. Королюка. М., 2008. 112 с.

Славяноведение в России в XIX–XXI веках. К 170-летию создания университетских кафедр славистики. М., 2007. 272 с.

Славянский альманах 2004. М., 2005. 568 с.

Славянский альманах 2005. М., 2006. 583 с.

Славянский альманах 2006. М., 2007. 496 с.

Славянский альманах 2007. М., 2008. 544 с.

Славянский альманах 2008. М., 2009. 408 с.

Славянский мир в социокультурном измерении. Вып. III. Ставрополь; Москва; Минск, 2007. 243 с.

Славянский мир: проблемы истории и современность (Памяти Владимира Константиновича Волкова). М., 2006. 134 с.

Славянский мир в третьем тысячелетии. Памяти Владимира Константиновича Волкова. М., 2007. 157 с.

Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009. 476 с.

Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008. 299 с.

Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции. Вып. 19. Тула, 2006. 224 с. («Академическая серия»).

Соколовская О.В. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006. 148 с.; илл.

Социально-политические трансформации и диалектика процессов адаптации в Центральной и Восточной Европе в эпоху перехода от традиционного к постиндустриальному обществу XVIII–XX вв. (Методологические и историографические проблемы). Тезисы. М., 2006. 44 с.

Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. Памяти Т.М. Исламова. СПб., 2009. 544 с.

СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941 гг. Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. 487 с.

Тарасов О.Ю. Рама и образ. Риторика обрамления в русском искусстве. М., 2007. 445 с.

Телесный код в славянских культурах. М., 2005. 271 с.

Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб., 2007. 240 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст. М., 2009. 820 с.

Труды Института славяноведения 1997–2007 гг. Библиографический указатель. М., 2008. 60 с.

Труды Института славяноведения 2003–2008 гг. Библиографический указатель. К XIV Международному съезду славистов. М., 2008. 36 с.

Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831) / Публикация подготовлена Г.К. Венедиктовым. М., 2005. 153 с.; илл.

Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007. 528 с.

Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. 416 с.

Фотий, митрополит Киевский и всея Руси. Сочинения. Книга глаголемая Фотиос / Подготовка текстов – Н.А. Кобяк, А.И. Плигузов. Предисловие, палеогр. описание рук. БАН, Приложение 1, комментарии, указатели – Н.А. Кобяк; Приложение 2 – А.И. Плигузов; Приложение 3 – Н.А. Кобяк, Е.В. Крушельницкая, Э.В. Шульгина; описание графико-орфогр. особ. – А.Л. Лифшиц. М., 2005. 496 с.

Фролова М.М. Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). М., 2007. 592 с.; илл.

Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов. 1746–1784. СПб., 2006. 439 с. (Серия «Studia hungarica»).

Хазары. Серия «Евреи и славяне». Т. 16. Иерусалим; Москва, 2005. 568 с.

Хорошкевич А. Герб, флаг и гимн. Из истории государственных символов Руси и России. М., 2008. 192 с.

Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб., 2006. 358 с.

Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). СПб., 2007. 376 с.

Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2009. 335 с.

Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2-х т. М., 2005. Т. 1. 453 с. Т. 2. 558 с.

Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. 160 с. (Серия «Bibliotheca Serbica»).

Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания. М., 2005. 73 с.

Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 1. Допетровская Русь. Кн. 1. М., 2007. 475 с.

Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2. От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Кн. 1. М., 2009. 576 с. (Серия «Studia historica»).

Штаден Г. Записки о Московии: В 2-х т. Т. 2. М., 2009. 476 с.; илл.

Щавинская Л.Л., Лабынцев Ю.А. Первая в Украине (Типография Киево-Могилянской академии). М., 2007. 28 с.

STUDIA SLAVICA-POLONICA (К 90-летию И.И. Костюшко). Сб. статей. М., 2009. 448 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

XX век. Русская литература глазами венгров. Венгерская литература глазами русских. М., 2007. 319 с.

Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М., 2007. 283 с.

Адельгейм И.Е. Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. М., 2005. 544 с.

- Аттила Й.* На ветке пустоты. Стихи, письма, документы. М., 2006. 526 с.
- Венгерское искусство и литература XX века. Сб. статей российских и венгерских ученых. СПб., 2005. 592 с.; илл.
- Вторая мировая война: опыт истории – опыт литературы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Тезисы докладов международной научной конференции (Москва, 22–23 ноября 2005 г.). М., 2005. 61 с.
- Гачев Г.Д.* Космо-Психо-Логос. (Национальные образы мира). М., 2007. 480 с.
- Гачев Г.Д.* Миры Европы. Взгляд из России. Англия (Интеллектуальное путешествие). М., 2007. 688 с.
- Гачев Г.Д.* Миры Европы. Взгляд из России. Италия (Интеллектуальное путешествие). М., 2007. 420 с.
- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Болгария в сравнении с Россией (опыт экзистенциального литературоведения). Вып. 1. М., 2007. 320 с.
- Горский И.К.* Из истории науки о литературе. М., 2006. 160 с.
- Злыднева Н.В.* Мотивика прозы Андрея Платонова. М., 2006. 224 с.
- Злыднева Н.В.* Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. М., 2008. 304 с.; илл.
- Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. Сб. статей. М., 2009. 384 с.
- Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2006. 336 с.
- Калиганов И.И.* Веков связующая нить (Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур). М., 2006. 602 с.
- Кишкин Л.С.* Пушкин и Чехия. М., 2005. 133 с.
- Клемент Бранички и Търновски (Васил Друмев).* Документы и материалы. София, 2005. 300 с.
- Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Народная литература белорусско-русско-украинского пограничья. М., 2009. 320 с.
- Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Львовский «Венец» Полтавской победы. М., 2009. 40 с.
- Народная литература восточных славян. (Тезисы докладов и сообщений на «круглом столе» 21.XI.2007, Москва). М., 2007. 20 с.
- Н.В. Гоголь и славянские литературы. Тезисы международной конференции 10–11 ноября 2009 г. М., 2009. 100 с.
- Никольский С.В.* Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов.) М., 2009. 192 с.
- Опыт истории – опыт литературы. Вторая мировая война. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. 313 с.
- Поэтический мир славянства. Общие тенденции и творческие индивидуальности. Исследования по славянской поэзии. (Посвящается Л. Н. Будаговой). М., 2006. 333 с. (Серия «Slavica et Rossica»).
- Проблемы истории литературы. Вып. 19. Москва; Новополоцк, 2006. 532 с.
- Россия в глазах славянского мира. М., 2007. 355 с. (Серия «Slavica et Rossica»).
- Россия и русская литература в современном духовном контексте стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2009. 288 с.
- Сербско-русские литературные и культурные связи. XIV–XX вв. СПб., 2009. 264 с. (Серия «Bibliotheca serbica»).
- Софронова Л.А.* Культура сквозь призму поэтики. М., 2006. 832 с.
- Софронова Л.А.* Российский феатрон: Московский любительский театр XVIII в. М., 2008. 448 с.
- Старикова Н.Н.* Словенский исторический роман 1920–30-х годов. Типология. Генеалогия. Поэтика. М., 2006. 191 с.
- Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура. М., 2006. 160 с.
- Хорев В.А.* Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. 232 с.
- Хорев В.А.* Польская литература XX века. 1890–1990. М., 2009. 352 с.
- Черных В.А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М., 2008. 768 с.; илл.

Шведова Н.В. Философские мотивы в словацкой поэзии (конец XIX – первая половина XX века). М., 2005. 160 с.

Literatura in globalizacija (K vprašanju identitete v kulturah centralne in jugovzhodne Evrope v času globalizacije). Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху глобализации). Ljubljana; Москва, 2006. 208 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ФОЛЬКЛОР

Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. М., 2007. 132 с.

Балканские чтения–8. В поисках «западного» на Балканах. Предварительные материалы. 22–24 ноября 2005 г. М., 2005. 276 с.

Балтийские перекрестки: Этнос, конфессия, миф, текст. Материалы конференции. СПб., 2005. 498 с. (Серия «Традиционная духовная культура славян. Современные исследования»).

Балто-славянские исследования XVII. М., 2006. 528 с.

Балто-славянские исследования XVIII. М., 2009. 648 с.; илл.

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005. 527 с. (Серия «Традиционная духовная культура славян. Зарубежная славистика»).

Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. 288 с.

Български фолклор. Фолклористика в России. Вып. 3–4 за 2006 г. София, 2006. 176 с.

Вендина Т.И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009. 532 с.

Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007. 336 с.

Венедиктов Г.К. Исследования по лингвистической болгаристике. М., 2009. 468 с.

Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М., 2007. 352 с.

Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. В 2-х кн. М., 2006. Кн. 1. 486 с. Кн. 2. 461 с.

Гура А.В. Символика животиња у словенској народној традицији. Београд; Москва, 2005. 645 с.

Етнографски проблеми на народната култура. Т. 7. София, 2005. 277 с.

Ефимова В.С. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006. 365 с.

Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005. 1004 с.

Завьялова М.В. Балто-славянский заговорный текст. Лингвистический анализ и модель мира. М., 2006. 563 с.

Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. 520 с.

Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2007. 416 с. (Серия «Studia philologica. Series minor»).

Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. IV. Семиотика культуры, искусства, науки. М., 2007. 792 с.

Иванов Вяч.Вс. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 1. Индоевропейские корни в хеттском языке. М., 2007. 559 с.

Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. V. Мифология и фольклор. М., 2009. 376 с.

Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. VI. История науки. Недавнее прошлое (XX век). М., 2009. 384 с.

Иванов Вяч.Вс. Потом и опытом: Сборник стихотворений, статей, эссе и переводов. М., 2009. 352 с.

Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2 / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2007. 496 с.

Имя – семантическая аура. Ежегодник. Вып. 1. М., 2006. 360 с.

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005. 362 с.

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12. Актуальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. 323 с.

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. 383 с.

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 14. Фонетический аспект изучения славянских диалектов. М., 2009. 344 с.

Калнынь Л.Э. Синтагматика сонантов в славянских диалектах. М., 2005. 197 с. (Исследования по славянской диалектологии. Вып. 11).

Калнынь Л.Э., Попова Т.В. Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации. 2-е изд. М., 2007. 267 с.

Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура (Памяти Галины Петровны Клепиковой). М., 2008. 480 с.

Категория родства в языке и культуре. М., 2009. 312 с.; илл. («Библиотека Института славяноведения РАН. 16»).

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. 4-е изд. М., 2005. 528 с.

Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 2005. 304 с.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. 904 с.

Литературные языки в контексте культуры славян. М., 2008. 287 с.

Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1. Лексика духовной культуры. München; Marburg, 2005. 432 с.; карты.

Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2007. 467 с.

Молошина Т.Н. Грамматические категории и их некатегориальные значения в славянских языках. М., 2007. 143 с.

Николаев С.Л., Старостин С.А. A North Caucasian etymological dictionary. 2-е изд. Ann Arbor, 2007. Vol. 1. P. 1–624. Vol. 2. P. 625–1110. Vol. 3. P. 1111–1406.

Николаева Т.М. «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. 2-е изд. М., 2005. 168 с.

Николаева Т.М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. 2-е изд. М., 2005. 168 с.

Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М., 2008. 367 с.

Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 7. Нови-Сад, 2005. 188 с.; карты.

Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Серия: Лексико-словообразовательная. Вып. 6. «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». М., 2007. 191 с.; илл.; карты.

Общеславянский лингвистический атлас. Серия Фонетико-грамматическая. Вып. 5. Рефлексы *О. М., 2008. 157 с.

Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. М., 2008. 576 с.

Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. 160 с.

Русские праздники / Текст Е. Левкиевской. Художник В. Павлова. М., 2008. 144 с.

Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. Традиционная духовная культура славян. Современные исследования. М., 2007. 432 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. Т. 4. II (Переправа через воду) – С (Сирота). М., 2009. 650 с.

Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. Вып. 10. М., 2006. 560 с.

Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. М., 2008. 504 с.

Стурла Тордарсон. Сага об Исландцах / Пер. с древнеисланд., общая редакция, статьи и комм. А.В. Циммерлинга. Стихи в пер. А.В. Циммерлинга. Научн. редактор В.В. Рыбаков. Указатели составлены В. В. Рыбаковым и А. В. Циммерлингом. СПб., 2007. 512 с.

- Типология грамматических систем славянского пространства. М., 2006. 240 с.
- Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М., 2005. 600 с. (Серия «Традиционная духовная культура славян. Современные исследования»).
- Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Подготовка издания и предисловие Ф.Б. Успенского. М., 2005. 1032 с.
- Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. 2-е изд., доп. М., 2005. 280 с.
- Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. 3-е испр. изд. М., 2006. 280 с.
- Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т.М. Николаевой. М., 2005. 976 с.
- Terra Balkanica – Terra Slavica. Балканские чтения–9. Сб. в честь Т.В. Цивьян. М., 2007. 206 с.; илл.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Stepanov C.J.</i> (Sofia). Bulgars and Christianity until 864: a Historiographical Perspective (1989–2009)	3
<i>Shimov Ya.V.</i> (Prague). The Plans of Archduke Franz Ferdinand on the transformation of Austria-Hungary: Utopia or Unrealized Opportunity?	11
<i>Pavlovich S.</i> (Novi-Sad). Syntax of the Old Serbian Genitive with the Preposition of <i>y</i> in the Light of the Theory of Semantic Localizations	21
<i>Verner I.V.</i> (Moscow). On the Maxim the Greek' the Early Period of Linguistic Practice <i>sub specie grammaticae</i>	30

COMMUNICATIONS

<i>Safonov A.A.</i> (Moscow). Documentation of Trust: the Lists of Borrowers from Manastyr, 1607–1610	40
<i>Antoshin A.V.</i> (Ekaterinburg). Scientific Contacts of A.V. Solovjev in Emigration in 1950–1960-s (Based on Materials from the Russian Archive of Leeds)	49
<i>Darkovitch A.L.</i> (Brest). Lands of the Western Belarus in the Policy of the Polish State in 1919–1926 (on the example of Municipal Self-Government in Belorussian Polesye)	55

DISCUSSION

<i>Lukin P.V., Stefanovich P.S.</i> (Moscow). A New Book on the History of Ancient Slavic States.....	67
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Garkusha L.M.</i> Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника	80
<i>Kosyk V.I.</i> Russian Emigration in Bulgaria: History and Present	82
<i>Poltchaninov R.</i> Русский Белград	84
<i>Tchurkina I.V.</i> М.Ю. Досталь. Как феникс из пепла. Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы.....	87

SCHOLARLY LIFE

<i>Valeva E.L.</i> Conference devoted to the 20 th anniversary of the East European Revolutions of 1989	92
<i>Semenova A.V.</i> Conference «Clothing in Slavic Culture»	94
<i>Sozina J.A.</i> International Scholarly Conference «Slavic Inter-Cultural Dialogue in a Perception of Russians and Slovenians»	100
<i>Rzhannikova O.A.</i> Meeting-Seminar of Teachers of Bulgarian Language, Literature and Culture at the MSU Philology Department	103
<i>Serapionova E.P.</i> Russian-Czech Commission of Historians and Archivists: regular meeting in Moscow	106

ANNIVERSARIES

<i>Ivanov Vyach. Vs.</i> About an outstanding Linguist Andrey Anatolyevich Zaliznyak (Towards the Anniversary of the Scholar)	108
Towards the Anniversary of Iryna Stepanovna Dostyan	111

OBITUARIES

<i>Makarov N.A., Nosov B.V.</i> In Memoriam of Juliusz Bardach (1914–2010)	113
<i>Khorev V.A.</i> In Memoriam of Basyli Bialokozowicz (1932–2010)	114
<i>Stykalin A.S.</i> In Memoriam of Emil Niederhauser (1923–2010).....	115
Publications of the Institute for Slavic Studies of the RAS, 2005–2009	117

Сдано в набор 31.03.2010 Подписано в печать 31.05.2010 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Цифровая печать. Усл. печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 3,4 тыс. Уч. изд.л. 11,9 Бум.л. 4,0
Тираж 324 экз. Зак. 369

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2011
ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1. Российские и зарубежные газеты и журналы
2. Книги и учебники

ПРЕС
1 РОС
ИЗ
ГАЗ
И Ж
ТОМ

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе “АПР”